НЕТРЕВОЖНЫЙ ПОДХОД

ЧИТАЙ НЕ ХОЧУ

ЧТО МЕШАЕТ РЕБЕНКУ ПОЛЮБИТЬ КНИГИ

Римма Раппопорт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Книга – источник знаний», «книга – лучший товарищ» – эти утверждения знакомы каждому, и было бы странно оспаривать их в аннотации. Но что делать, если ваш ребенок не хочет дружить с литературой, ненавидит сочинения и приносит домой низкие отметки? Как привить любовь к чтению без насилия над личностью? Нам становится страшно, когда дети дают отпор русским писателям, – но почему? И как побороть эти страхи? Что стоит в первую очередь поменять в себе родителям? И зачем нужен шелест бумажных страниц тем, кто родился в XXI веке? Учительница русского языка и литературы, автор образовательного сайта «Мел» Римма Раппопорт ищет ответы на эти вопросы всю жизнь. Она знает, как трудно это бывает, – и как ребенок, выросший в писательской семье; и как педагог в современной школе; и как родитель. «Читай не хочу» – квинтэссенция заботливого подхода к воспитанию, помноженная на здравый смысл, опыт десятков преподавателей и насущные проблемы детей, выбирающих между Блоком и тиктоком. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Римма Раппопорт
  - ○
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Почему нам важно, чтобы дети читали?
    - ■ Такие разные родители
    - ■ Такой общий страх
    - ■ Откуда берется моральная паника
    - ■ Чаяния и штампы
    - ■ Чтение как ценность
    - ■ Моральная паника в отдельно взятой семье
  - ○ Зачем и как мы читаем?
    - ■ Нужное или интересное?
    - ■ А это точно чтение?
    - ■ Чтение с ускорением
    - ■ Трудное чтение
  - ○ Как мы мешаем ребенку полюбить книги
  - ○ Как помочь ребенку?
  - ○ Что еще можно сделать?
    - ■ Дошкольникам и младшим школьникам
    - ■ Подросткам
  - ○ Как школа портит то, что не успели испортить

родители
- Школьный канон
- Анализ текста, или Твоего мнения никто не спрашивал
- Плохие учебники
- Всепоглощающий ЕГЭ
- Сочинение 2.0
- Учителя в тисках программы
- В других странах[42]

○ Как помочь ребенку?
○ Что говорят писатели?
○ Чего хотят дети?
- Почему мы не слышим детей?
- Обратная связь
- Зачем они читают?
- Что делать и кто виноват?
- Внутренний голос
- Где обитает детское чтение

○ Что читать?
- Что нужно читать школьникам, по мнению родителей
- Что на самом деле читают школьники
- Что нужно читать школьникам, по мнению учителей

○ Заключение

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9
○ 10
○ 11
○ 12
○ 13
○ 14
○ 15
○ 16
○ 17
○ 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Римма Раппопорт
Читай не хочу. Что мешает ребенку полюбить книги

© Римма Раппопорт, 2021
© ООО «Индивидуум Принт», 2021

* * *

Моим ученикам из 92-й

Введение

О чем эта книга

Я ввожу в «Яндексе»: «Как заставить ребенка…» Первое по популярности – «слушаться», второе – «читать». Находится 11 миллионов результатов, более 1100 показов в месяц. Почему детское чтение так волнует взрослых? Есть ли основания волноваться? Как заставить детей читать? И нужно ли? Эта книга – попытка разобраться в том, почему детское чтение важно и что нам – взрослым – с этим делать.

Я считалась нечитающим ребенком, но потом полюбила книги и постепенно выросла в учительницу литературы. Моя задача – увлекать чтением школьников, и иногда мне это удается. А иногда, как бы я ни билась, не могу заинтересовать ученика ни одним программным произведением, ни одним писателем. Я работаю и с одаренными подростками, которые читают много и с удовольствием, и со школьниками, неспособными осилить десятистраничный рассказ. Так или иначе, последние восемь лет моей жизни связаны с детьми и книгами.

Есть и другая сторона. У меня растет дочка – Лия, ей скоро будет шесть. И только недавно в ее отношениях с чтением наметилось потепление. Как и многим другим родителям, мне страшно не успеть, недобдеть, провалить свою материнско-просветительскую миссию. На меня давят заголовки статей о раннем развитии, мимоходом оброненные слова дедушек и бабушек, чужой более успешный опыт.

Как мама и как учитель я все время размышляю над детским чтением. Как объяснить собственному ребенку, что книги – это хорошо? Какую стратегию выбрать, чтобы ученики захотели читать? Что делать, если школьная программа не соотносится с читательскими потребностями моих учеников? Единственно верных ответов и гарантированно работающих советов нет. Их просто не существует. Но я попыталась разобраться в том, откуда берутся страх перед нечитающим поколением и уверенность, что читать необходимо, и есть ли хоть какие-то способы превратить ребенка в читателя. Для этого я провела небольшие опросы среди детей и родителей, проанализировала собственный опыт и подход коллег из России, Европы и США.

Моя книга не претендует на роль исчерпывающего исследования, но если вас, как и меня, интересует тема (не)чтения, здесь вы найдете идеи учителей-практиков,

соображения антропологов и психологов, монологи самих школьников и многое другое. Надеюсь, это поможет вам разрешить хотя бы один из множества вопросов, мучающих родителей, учителей и детей.

Нечитающие дети

Я очень хочу, чтобы моя дочь полюбила читать. Мне важно воспитать человека, с которым можно поговорить о литературе, разделить радость от хороших стихов. А что будет, если не получится? Однажды вернусь с работы, а у ребенка в одной руке планшет, в другой – смартфон, и вместо богатого внутреннего мира сплошной тикток. Не то чтобы в этой картинке было что-то по-настоящему страшное, но мне от нее грустно. Так что мы с мужем очень старались увлечь Лию чтением. Но что-то пошло не так.

Дело было на новогодних каникулах. После всех кукол и сладостей мы решили положить под елку пару «правильных» подарков – красивый сборник стихотворений Олега Григорьева и азбуку Бродского. Я уже читала дочери Григорьева, и ей явно нравилось. Что касается азбуки, это была попытка приблизить самостоятельное чтение: пятилетняя Лия знала все буквы, но наотрез отказывалась складывать их в слоги и тем более в слова. Сначала она откровенно не заинтересовалась подарком. Тогда я стала его рекламировать: «Тебя же смешили эти стихи, а посмотри, какие здесь иллюстрации к азбуке…» Тут-то Лия и произнесла роковые слова: *«Мама, не читай мне. И сами не смейте читать, а книжки, которые у нас есть, выкиньте!»*

В культурных семьях детям читают вслух и сами дети читают. Несоответствие образу культурной семьи я бы еще пережила, но что делать с внутренним несоответствием, если сегодня ты ведешь уроки литературы, рассказываешь на лекциях, как заинтересовать подростков чтением, а завтра твой ребенок выкрикивает «не смейте читать»? Мысли о книгах в жизни моей дочери моментально ввергают меня в состояние тревоги. Произношу вслух: «Я мама нечитающего ребенка», – и на пару секунд перестаю дышать. *Я мама нечитающего ребенка.*

Такое трепетное отношение к чтению объединяет самых разных родителей. Всем хочется, чтобы дети были умными, успешными, эрудированными и сохраняли способность жить полноценной офлайн-жизнью. И все это воплощается в образе ребенка, сидящего за книжкой. Онлайн в родительской и педагогической среде почти всегда воспринимается негативно. В

представлении старшего поколения мир делится на настоящий и виртуальный, и всем, конечно, очевидно, на чьей стороне в этом противостоянии симпатии взрослых. Книга, наряду с классикой кинематографа (желательно отечественной), – редкое виртуальное пространство, которое, по мнению старших, полезно для детей.

Конечно же, детское чтение – предмет множества исследований. Например, в 2019 году Российская государственная детская библиотека (РДГБ) провела опрос среди школьников, посещающих библиотеки. Выяснилось, что 66 % опрошенных читают раз в неделю и чаще. Но это «библиотечные» дети, судить по ним об общей картине все-таки нельзя.

За последнее десятилетие несколько масштабных исследований детского чтения пришли к более тревожным результатам: около 70 % школьников не читают постоянно[1], а после десяти лет интерес к книгам уменьшается[2]. Возраст, когда желание читать начинает теряться, совпадает с переходом в среднюю школу и официальным появлением литературы в расписании пятиклассника. Боюсь, это совпадение вовсе не случайно: права читателя исчезают, появляются сплошные обязанности – и даже если увлечение не сменяется отторжением, времени на него не остается.

Согласно исследованиям Калифорнийского университета в Сан-Диего, в среднем человек с помощью различных устройств потребляет 34 гигабайта информации в день[3]. Бóльшая часть этой информации поступает в виде текста. Наивно ожидать, что ребенок, существующий в таком потоке, решит еще немного «догрузиться» книжкой. К тому же, пока скорость потребления информации растет, глубина ее восприятия падает. Получается, отвоевать внимание ребенка сможет только та книга, которая окажется достойным конкурентом привычного текстового потока. Тогда пути всего два: увлечь легко «проглатываемой» литературой или научить замедляться вместе с книгой и получать от этого удовольствие. В любом случае взрослым придется изловчиться: оба пути запросто могут завести в тупик.

Нужно приложить немало усилий, чтобы в XXI веке воспитать читающего ребенка. Казалось бы, родители, объединившись с учителями, все время над этим работают, а на выходе все те же 70 % нечитающих школьников. Но в них ли дело?

Нечитающие взрослые

В разговоре о нечтении принято фокусироваться на детях. Но

давайте посмотрим на взрослых. Чтение художественной литературы, если оно не нужно по работе, зачастую отходит на второй план. Бывает, годами не представлял себя без книги – и вдруг что-то ломается, останавливается. Остановку может обеспечить что угодно: элементарная нехватка времени, места и моральных сил, иные виды досуга. Иногда, чтобы забросить книги, достаточно устроиться на работу поближе к дому и перестать ездить на метро.

Современная жизнь, особенно в мегаполисе, – это непрерывный бег с препятствиями. И для многих чтение в общей гонке превращается в еще одно. Или в недостижимую роскошь. Книги требуют к себе внимания – как минимум нужно время, а в идеале – личное пространство. Даниэль Пеннак в своем знаменитом эссе «Как роман» писал: «Время читать – это всегда украденное время».

Недавно я столкнулась с двумя постами на эту тему в разных соцсетях. В фейсбуке женщина жаловалась на то, что перестала читать и испытывает из-за этого чувство вины, но возвращаться к чтению не хочет. Текст набрал немало поддерживающих комментариев, в которых люди делились аналогичным опытом. А в твиттере двадцатилетняя девушка задала вопрос подписчикам: случалось ли у вас такое, что в 13–14 лет вы много читали и считались умными детьми, а теперь перестали читать книги вообще? Твит стал вирусным и набрал 25 тысяч лайков. Под публикацией пользователи разного возраста рассказывали свои истории о заброшенном чтении. Набралось более 400 комментариев. У подростков и студентов повторялся один и тот же сюжет – переход от художественной литературы к фанфикам. Значительную часть комментариев объединяли стыд и надежда вернуться к «правильной» литературе. Таким образом, многие активно читающие люди теряют интерес к книгам и привычку постоянно читать, но приобретают чувство вины.

Тем не менее в центре внимания педагогов-исследователей и социологов все равно чаще оказывается детское чтение. И именно вокруг него обычно нарастает паника. Вот и попробуем разобраться: почему мы паникуем и как из этого состояния выйти, причем желательно победителями – за руку с читающим ребенком.

Почему нам важно, чтобы дети читали?

Такие разные родители

Много лет наблюдая за мамами и реже папами на родительских собраниях, я поняла, на какие условные типы делятся родители в зависимости от подхода к чтению. Разумеется, как это бывает с любой классификацией подобного рода, переходные встречаются чаще.

Сам не читаю и другим не советую

Такие родители не видят в чтении ценности, книг дома не держат, а если держат, то не нарочно, потому что практической пользы они не приносят. Учителю литературы найти в этой категории союзников почти невозможно. В безобидных вариантах на собрании от них слышишь: «Ну зачем писать сочинение на четыре страницы по „Капитанской дочке“? Я бы и сама не смогла написать. Для чего ребенка мучить?» Внеклассное чтение кажется им непонятным, а иногда и опасным зверем. Допустим, привычка доверять устоявшейся школьной норме и авторитету учителя еще мирит их с программными текстами, но внеклассное чтение, особенно современные книги на актуальные темы, вызывает протест: литература, на их взгляд, бывает не просто бесполезной, но еще и вредной.

Нередко в комплекте с этой позицией идут духовные скрепы. Когда в классе появляются «и другим не советую», педагогическое свободомыслие ставится под угрозу и даже разговор о трогательной детской книге «Удивительное путешествие кролика Эдварда» оказывается чреват жалобами и унизительными беседами с администрацией. Одна знакомая учительница рассказывала мне, что мама ученика усмотрела жестокое обращение с животными в эпизоде, где игрушечный кролик наблюдал, как люди ели кролика настоящего. Другая знакомая столкнулась с недовольством родителей из-за того, что эта книга «депрессивная» и, о ужас, зарубежная. Дети в таких семьях начинают читать скорее вопреки сложившимся условиям. Пробуждается интерес к литературе либо сам (в аномально прекрасных случаях), либо благодаря сторонним взрослым, например педагогам и библиотекарям.

Сам не читал, но не осуждаю

В каком-то смысле этот тип идеален, а еще редок: мало кто готов от души наплевать на школьные требования, двойки и нотации о нечитающем классе, разумеется, худшем за все двадцать лет педагогического стажа. Так же как представители первого типа, такие родители не любят читать, зато не мешают делать это детям. Детское чтение для них – параллельный мир, но в этой деликатной области невмешательство порой лучше насильственного вторжения. В подобной семье ребенок может вырасти активным читателем, только ответственность за его литературную жизнь переносится на него и учителей. Читать дома не заставляют, в предпочтения не вникают – полная свобода выбора. Правда, выбор далеко не каждый делает в пользу книг.

Надо значит надо

В школе задали – будем читать. Первое лицо и множественное число здесь не случайны. Обычно ребенок при такой читательской стратегии оказывается не субъектом, способным получить от процесса удовольствие, а объектом – заложником необходимости соответствовать. Если не читает сам, то появляется давящее «мы». Не то чтобы взрослые в семье читают взахлеб. Они уже свой список отмотали, отсидели. Читается первым делом программное, остальное у родителей этого типа за скобками, а у детей в результате такого семейного подхода и подавно.

Ученики, у которых дома царит скупое на читательское разнообразие «надо», нередко приносят скомпилированные из сомнительных источников сочинения. Ты закономерно ставишь два, а потом раздается неожиданный звонок: мама где-то достала твой номер и спешит рассказать, что они вообще-то писали сочинение вместе и под ее руководством пользовались статьями из интернета, а то и уважаемыми печатными пособиями (читай: «от старшего ребенка достался сборник золотых сочинений»). Тебе, конечно, не хочется объяснять, что плагиат от материнского благословения не превращается в оригинальный текст, но надо значит надо.

Школьник, растущий в такой атмосфере и не наблюдающий дома активных читателей, скорее всего, в будущем по собственной воле читать не станет. Вместе с последним произведением из курса 11-го класса он наконец-то навсегда закроет для себя литературу. Представьте ребенка, которого все детство заставляют есть вареную морковку. Невкусно, зато сколько пользы! Только почему-то этим полезным в семье

пичкают его одного. С какой вероятностью ребенок, став взрослым, продолжит питаться вареной морковкой?

Консерваторы. Они же потомственные читатели

Дома у них впечатляющая библиотека. Сначала Барто – Маршак – Чуковский – Русские народные сказки в красивом издании. Через некоторое время Драгунский – Гераскина – Зощенко – Волков – Линдгрен. В следующей серии Жюль Верн – Стивенсон – Дефо – Майн Рид. А там и «Бронзовая птица» крылом махнет, и «Человек-амфибия» ластами по воде ударит. Вообще-то в таком списке нет ничего плохого. Консерваторы – родители, которые и сами чтением не брезгуют, и детей к нему последовательно приучают. Ничего плохого, но и ничего нового. Огромное преимущество консервативного подхода – системность. Системный читатель выгодно отличается от бессистемного: у него эрудиция пошире и мозги поупорядоченнее.

На детях консерваторов как будто есть особая метка: среди тридцати одноклассников их узнаешь безошибочно. Чаще всего это мальчики (в девочек у нас *почему-то* редко так вкладываются), которые вызывают одновременно умиление, уважение, радость от встречи, учительский страх опростоволоситься (я-то, увы, бессистемный читатель, меня даже родители-консерваторы не спасли) и желание заботливо перенести дитя в лучшие времена. Ему бы во Дворец пионеров, в какой-нибудь правильный кружок, а он тут сидит в сандалиях на носки и скучает от своего ума и чужой глупости. А в это время модные маленькие издательства выпускают шикарные детские и подростковые книги… Но сын консерваторов о них не узнает, а дочь – тем более.

Продвинутые читатели

Отважные герои, приобретающие первые виммельбухи[4], когда ребенок еще не начал толком ходить. Для них самокат – это сначала издательство, а уже потом средство передвижения. Для них Маршак – это сначала книжный магазин, а уже потом Самуил Яковлевич. Когда комиксы называют графическими романами, они не впадают в истерику, потому что и сами так их называют. Они всей семьей читали «Мой дедушка был вишней» Анджелы Нанетти. А потом сходили на спектакль. Но и репринтами не брезгуют. Ну как не прикупить переиздание детских стихов

Мандельштама? Не знаю. Лично я купила. И привезла в подарок двухлетней дочери на вырост. И с удовольствием мы с мужем читали этого Мандельштама безо всякой, собственно, дочери. Продвинутые читатели следят за новинками, но не вычеркивают и классику. Только изредка: пишут в фейсбуке лонгриды о необходимости сбросить с парохода современности Чуковского, потому что «Муха-Цокотуха» формирует стереотип о беспомощной героине. Дети у таких родителей если читают, то чаще бессистемно. Зато радостно, а это для взращивания осознанного читателя совсем неплохо.

Такой общий страх

Тем не менее почти всех родителей (за исключением разве что представителей первого и второго типа, которым честно плевать на чтение) что-то объединяет. И это тревога и стыд: словосочетание «детское чтение» срабатывает как универсальная красная кнопка. За тревогой скрывается многое, но в первую очередь страх оказаться плохим родителем. Мы же с детства знаем, что хороший мальчик «тычет в книжку пальчик», мы видели идиллические сюжеты семейного чтения в литературе и живописи. Если твой ребенок вместо книжки тычет пальчик в смартфон, то на арену выходит стыд. Стыдно, с одной стороны, перед собой, с другой – перед воспитателями в детском саду, учителями, комментаторами в родительских пабликах.

Очень точно написал Эдуард Успенский в «Простоквашине»: «У одних родителей мальчик был. Звали его дядя Федор. Потому что он был очень серьезный и самостоятельный. Он в четыре года читать научился, а в шесть уже сам себе суп варил. В общем, он был очень хороший мальчик. И родители были хорошие – папа и мама». Научился читать в четыре = хороший мальчик = хорошие папа и мама. Вот она – формула, ведущая в преисподнюю родительских комплексов и уничтожающей рефлексии.

Нет, я не нагнетаю. Я сделала такой вывод на основании опроса среди родителей – всего в нем участвовали 152 человека: родители дошкольников, младших школьников, учеников средней и старшей школы.

Тут надо оговориться, что многие из опрошенных – мои знакомые и их знакомые, а это преимущественно читающие люди. Так что, увидев вопрос «Важно ли вам, чтобы ваши дети читали?», все 152 человека кликнули на кнопку «да». Полагаю, если бы я вышла со своим опросом на улицу, ответы были бы чуть расслабленнее. Но мне куда интереснее посмотреть, что творится внутри у родителей, для которых чтение представляет ценность. У таких, как я, у потенциальных читателей моей книги – у тех, кто относится к «консерваторам», «продвинутым читателям» и реже – типажу «надо значит надо».

Грусть. Разочарование. Сожаление. Расстройство. Боль. Горе. Тревога. Тоска. Катастрофа. Ярость. Отрицание. Вина. Провал. Наверное, так могли выглядеть ответы родителей, которых попросили бы описать, какие чувства возникают у них при мысли, что их дети вырастут наркоманами, алкоголиками и преступниками. Но нет, я всего лишь спросила: «Если ваши дети откажутся от чтения и не будут воспринимать его как ценность,

как вы к этому отнесетесь, что почувствуете?»

Многие из отвечавших называли сразу несколько эмоций, описывали, как будут действовать в такой ситуации, или рассказывали об уже имеющемся опыте. Некоторые – сразу переходили к плану наступления. На перспективу оказаться родителями нечитающих детей опрошенные реагировали либо негативно (82,9 %), либо нейтрально (17,1 %). Радости, разумеется, не испытал никто.

В общем трагическом хоре многократно повторялось словосочетание «родительский провал», а больше всего меня впечатлил ответ: «Это не мои дети». Кажется, «Шок и ярость» – подходящий и достаточно литературный заголовок для результатов этого опроса.

Почему у взрослых столько боли сосредоточено вокруг чтения? Почему я сама точно так же отвечала бы на подобные вопросы, перепрыгивая с горевания на тревогу, а оттуда на чувство вины и отчаянное желание хоть что-нибудь сделать? Страх перед нечитающим ребенком и нечитающим поколением огромен. Я бы сказала, что этот страх как явление пугает меня даже больше, чем образ дочери, не интересующейся литературой. И соврала бы, потому что сама нахожусь в той же психологической ловушке, что и мои респонденты.

Откуда берется моральная паника

Похоже, корни родительской тревоги, связанной с нечтением, следует искать в советском мифе о самой читающей стране в мире. Большинство родителей современных школьников появились на свет либо в Советском Союзе, либо сразу после его распада, не говоря уже о бабушках и дедушках, которые нередко берут на себя воспитание будущего книголюба.

Возможно, в СССР дети и правда читали больше, но ведь у них было гораздо меньше развлечений: если в детстве нет ни гаджетов, ни соцсетей, ни компьютерных игр, ни возможности без перерыва смотреть яркие мультики и остросюжетные фильмы, из всех вариантов альтернативной реальности остаются книги. Об этом, кстати, писала несколько лет назад на своей странице в фейсбуке литературный критик Галина Юзефович: «В подавляющем большинстве случаев наше чтение носило вынужденный и паллиативный характер, замещая собой все те радости, которых мы были лишены (в силу исторических, экономических и культурных причин)»[5]. Пост ее, в сущности, безобидный, хоть и посягающий на идолов переводной приключенческой литературы, вызвал бурю в комментариях: пропагандировать свободу в вопросах детского чтения сегодня небезопасно.

> *Мы, взрослые, зачем-то сначала всеми силами создавали и совершенствовали заменители воображения (современная компьютерная игра способна полностью подменить реальность), а теперь удивляемся, что процесс, в котором без воображения делать нечего, ушел на периферию детских интересов. Современного ребенка можно понять и оправдать. Но тогда чем оправдывалась нелюбовь к чтению у детей прошлых поколений? За все мое детство мне встретилось не больше четырех-пяти сверстников, кто по-настоящему интересовался книгой, кто готов был о книгах разговаривать, кто не мыслил ни дня без чтения. И когда сегодня говорят о том, что население нашей страны стало меньше читать, мне все время хочется спросить: меньше по сравнению с каким периодом? Читательская культура, любовь к Слову всегда были уделом меньшинства*[6].
>
> *Александр Анатольевич Моисеев, Екатеринбург, стаж преподавания 11 лет*

Кроме того, говоря о советской начитанности, обычно упускают из виду две вещи: что именно читали школьники (сложно сегодня представить себе родителя, который будет переживать, что ребенок не прочитал достаточно жизнеописаний пионеров-героев) и как они реагировали на то, что некоторые книги были под запретом. Поэт и литературный критик Лев Оборин, говоря о советских читательских практиках, отмечает: «В этих условиях развивалось и подпольное контрдвижение: знание запрещенных, полузапретных, маргинальных по отношению к идеологии авторов становилось чем-то вроде пароля и отзыва. Среди этих авторов бывали и Мандельштам, и Булгаков, и Цветаева, и Платонов, и Набоков, и Бродский – те, кого сегодня мы причисляем к классикам…»[7] То есть книги становились не только досугом, но и билетом в какой-то новый «полузапретный» мир. Литература, которая замещала школьнику в СССР многие радости, сегодня вытесняется не только гаджетами, но и другой литературой, другими авторами, прорвавшимися к широкой российской аудитории на рубеже 1980–1990-х; современный читатель-подросток – по советским меркам диссидент, только он об этом не знает и выбирает книги по совершенно иному принципу.

Воспроизведение читательского опыта полувековой давности как минимум неестественно. И все же миф о самой читающей стране вгрызся в наше сознание накрепко. Теперь мы пытаемся ему соответствовать, хватаемся за, возможно, никогда не существовавшую в действительности скрепу.

Исследователь Михаил Алексеевский в лекции об антропологии чтения в современной России вводит термин «моральные паники». Это устойчивые стереотипы, которые становятся поводом для сильного общественного беспокойства. «Представление о том, что в России все перестали читать и что чтение перестало играть важную роль в жизни людей, – это типичная моральная паника, которая транслировалась и через средства массовой информации, и в речах многих политических деятелей и так далее»[8].

Понятие «моральная паника» довольно точно отражает ту эмоциональную пропасть, в которую летят родители при одной только мысли, что их дети не будут воспринимать чтение как ценность. Так, к слегка устаревшему мифу о «самой читающей стране» добавился новый, уже прочно вошедший в сознание россиян: «Дети и молодежь не читают». Но и это еще не все. Самое страшное, что все абсолютно убеждены, будто чтение идет исключительно из семьи. Упоминает об этом и Алексеевский: «… главный фактор, от которого зависит, есть ли у человека

склонность к чтению или нет, – это, конечно, семейные традиции: в тех семьях, где читают родители – много или мало, но в общем и целом такая практика есть, – довольно большая вероятность того, что дети тоже начнут читать и будут делать это с удовольствием. В этом смысле семья, конечно, имеет огромное значение». Отсюда и ощущение личного провала, родительского фиаско у тех, кто читает сам, но не смог передать любовь к чтению детям.

Есть и еще одна особенность нашего восприятия чтения – отношение к книге как к чему-то сакральному. «Чтение в жизни наших сограждан играет очень большую символическую роль. Например, выявилось абсолютно устойчивое представление о том, что книги нельзя выкидывать и уничтожать. Это своего рода сакрализация книг, и любой человек, который нарушает это правило, сразу же если не становится в обществе изгоем, то по крайней мере отношение к нему резко меняется, что провоцирует очень сложную систему избавления от ненужных книг», – считает Алексеевский[9].

Слава богу, появились электронные книги – теперь я могу спокойно выделять нужную мне информацию прямо в тексте. Для опыта вдумчивого чтения делать пометки на полях полезно. Но люди, способные подчеркнуть что-то прямо в книжке, с детства вызывали во мне что-то между презрением, осуждением и завистью. И сейчас, работая в школе, я для удобства покупаю программные произведения в покетбуках и вклеиваю стикеры с комментариями, чтобы не дай бог не осквернить святыню сомнительного типографского качества за 150 рублей. Сколько уважения всегда вызывают бравые истории о том, как соседи вынесли стопку книг в подъезд, а кто-то выбрал из нее что поприличнее и забрал в домашнюю библиотеку. Звучит, как будто спасают не потрепанного «Евгения Онегина», а брошенного бессердечными хозяевами котенка. Но я все равно всякий раз умиляюсь. В нашей стране сложились такие культурные, даже нравственные нормы: не выкидывать книги и хлеб.

Отдельная история с тем, как и что положено читать: должны ли люди получать удовольствие от книги? Оказывается, нет. Важнее всего – культурное обогащение. Книга должна даваться с боем. Алексеевский отмечает, что «чтению для души» обычно противопоставляется чтение классической литературы, которое «воспринимается не как какое-то удовольствие, а как довольно сложный труд». Те же тенденции отмечает исследовательница детского чтения Елена Романичева: «В традициях нашего отечественного образования отвержение гедонистического подхода к литературе, отвержение, ставшее в последних

дискуссиях о школьной литературе еще более жестким и последовательным: словосочетание „читательский гедонизм“ в устах особенно яростных приверженцев классического школьного образования стало едва ли не ругательным»[10]. Правда, Алексеевский передает скорее восприятие родителей, а Романичева – учительского сообщества. Но ведь и родители учились в школе со всеми ее облагораживающими установками.

Все сказанное можно свести к нескольким пословицам, ключевым для русской культуры. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. Терпение и труд все перетрут. Сделал дело – гуляй смело. На них накладывается советский лозунг «Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь» и расхожее утверждение «Все идет из семьи». Раз уж хлеб и книги по степени сакрализации очутились рядом, то книги в некотором роде тоже всему голова. Ну и отживающее: «Книга – лучший подарок». В сумме с устойчивым мифом о самой читающей стране, которую мы в «жуткие» 1990-е потеряли, а с развитием интернета и технологий практически похоронили, и рождается моральная паника, или читательская травма постсоветского родителя. Как она возникла, в целом понятно, а как лечить – абсолютно неясно.

Какого ребенка вы любите больше – счастливого или начитанного? Вопрос манипулятивный, и правильный ответ очевиден. Только что делать, когда, несмотря на голос разума, в голове все стучит «непреодолимая преграда в общении», «обманутые ожидания», «оскорблен в лучших чувствах», «этой мой провал» и «это не мои дети»?

Чаяния и штампы

Мысль вырастить нечитающего ребенка приводит родителей в ужас. Но ведь кроме сильных эмоций есть и другие основания, чтобы всеми правдами и неправдами стремиться воспитать читателя. Должны же взрослые люди давать рациональное объяснение хотя бы самим себе? Я спросила родителей: «Почему вам важно, чтобы ваши дети читали?» В большинстве случаев отвечающие указывали сразу несколько причин. Чаще всего писали о развитии эрудиции, кругозора, чуть реже – о развитии мышления, интеллекта, воображения, фантазии и, разумеется, развитии речи и грамотности. Меньшему количеству опрошенных оказалось важно, чтобы их дети читали, потому что чтение – это удовольствие и путь к обогащению личности. Кроме того, родителей беспокоила ценностная связь поколений. По их мнению, художественная литература – основа общего культурного кода. В качестве аргументов в пользу чтения называли также виртуальное проживание опыта, развитие эмоционального интеллекта и эмпатии, понимание себя и других.

Если обобщать, то почти все перечисленные причины сводятся к двум большим категориям: образованию и рефлексии. Немного в стороне остается удовольствие, но и оно в таком деле, как чтение, крепко-накрепко связано с рефлексией. Заметный перевес в пользу образования не удивляет, но сообщает о некоторой консервативности родителей.

> *Мне с детства говорили, что обязательно надо читать. Если я не буду читать, то стану глупой, неинтересной и вообще останусь где-то на обочине жизни раздавать листовки. И книжки нужно читать определенные, тоже умные, фантастика не подойдет. Я пыталась заставить себя читать, но все попытки превратились в подсознательное отвращение и избегание литературы.*
>
> *Ксюша, 17 лет, Сергиев Посадф*

«Книга – источник знаний». Если ввести это утверждение в поисковике, третьим выскочит сценарий классного часа с таким названием. Стоит ли говорить, что классные часы редко называют оригинально? Чаще используют штампы. Чаще – это почти всегда. Мысль о том, что книга – источник знаний, образования, конечно, по-своему верна. Однако мне вспоминается стихотворение Саши

Чёрного, начинающееся со слов: «Есть бездонный ящик мира…» Думаю, если бы мы не знали, что стихотворение называется «Книги», то сегодня могли бы понять эту метафору иначе. Разве не интернет теперь выполняет функцию «ящика мира», куда уложены и книги тоже?

Можно было бы обвинить меня в неточности при составлении анкеты: спрашивая о ценности чтения, я не уточнила, чтения чего. Однако из всех отвечавших это смутило только одного, и, судя по ответам и составу читательских рекомендаций, которые появятся ближе к концу книги, ценным представляется именно чтение художественной литературы. Тогда возникает резонный вопрос: почему гарантом образования в представлении родителей становится именно она, а не нон-фикшн, энциклопедии и научные труды? Что-то мне подсказывает, что, например, о Бородинской битве можно узнать, прибегая не только к Лермонтову и Толстому.

О чтении как источнике образованности и гаранте успешности говорит в одной из лекций доктор психологических наук, профессор НИУ ВШЭ Катерина Поливанова. Также она обращает внимание на то, что в современном российском обществе сосуществуют «абсолютная ценность детского чтения и вообще чтения» и уверенность в том, что чтение исчезает. Поливанова отмечает, что чтение окружено разнообразными мифами, и относит к ним именно те суждения, которые легли в основу родительских ответов в моем исследовании: «Например, читающий человек более успешен (то, что он более умный, даже как-то смешно упоминать), ему открыты все ценности культуры, у него лучше развито воображение»[11]. Профессор допускает, что в этих мифах велика доля правды, но указывает на отсутствие научных данных о прямой связи между успешностью, уровнем интеллекта и культуры, развитым воображением и чтением. Кажется, если эта связь и существует, то с ней все не так просто. По крайней мере, она точно не прямая. Но в этом попробуем разобраться позже.

Здесь меня волнует серьезное противоречие. Почему в ответах на первый вопрос («Если ваши дети откажутся от чтения и не будут воспринимать его как ценность, как вы к этому отнесетесь, что почувствуете?») родители в основном демонстрировали искреннее, настоящее горевание, а в ответах на второй («Почему вам важно, чтобы ваши дети читали?») – транслировали штамп «чтение = образованность»? Почему на эмоциональном уровне детское чтение вызывает глубокую личную реакцию, а на уровне рационализации – сбегание в общие установки, чужую речь, чуть ли не лозунги?

Я обратилась за комментарием к психологу Станиславе Смагиной. «Существует штамп: „культурный человек – читающий человек“. Его можно перевести так: „Я боюсь, что мой ребенок будет неуспешным, потеряет свои социальные привилегии“, – говорит психолог. – Но мы же не рыдаем из-за того, что наши дети не станут читать Дарвина. Речь именно о художественной литературе, она развивает эмоциональный интеллект и эмпатию. Если мы открыто признаем, что литература нужна не для образования, а для рефлексии, то придется честно говорить об эмоциях с ребенком. А ведь это самое сложное для многих. Именно потому, что страшно, и правда проще перевести это в систему познания, успешности. Ведь придется спросить себя: насколько мы честны со своими тараканами и готовы ли к открытому разговору с ребенком? И если да, то сработает только одно: объяснить, в чем чтение помогает лично вам, и предложить книгу. Например, сказать: „Эта книжка помогает мне осознать свой страх смерти“. Тогда ребенок ее, скорее всего, прочтет, а дальше увидит, помогает ли она и ему. А если мы настаиваем на чтении для образования, то врем прежде всего себе. И ребенок это знает».

Смагина рекомендует родителям: «Если тревога из-за того, что ребенок не читает, очень высока, просто представьте его будущее; например, что он поступил на матмех, стал успешен, но не читает художественную литературу. Что вы тогда почувствуете?» И правда, что вы почувствуете?

Чтение как ценность

Вернемся к опросу. Среди отвечавших 16,8 % посчитали, что удовольствие – это показатель ценности чтения. Мне кажется, говоря об удовольствии, родители проецируют собственные ощущения на детей, то есть хотят совершить сразу несколько действий с корнем «дел»: поделиться своим способом получать удовольствие, наделить ребенка своими ощущениями, схожим восприятием литературы и в конечном счете разделить наслаждение с ребенком.

Так, в двух ответах чтение трактуется как источник юмора: «дает базу для огромного количества шуток»; «мне важно, чтобы у нас были общие шутки». Шутка становится и совместно испытываемой положительной эмоцией, и признаком общего культурного кода. Родительское желание поделиться и разделить напоминает чувства человека, который делает репост близкого ему материала: статьи, песни, мема – и радуется лайкам друзей, не только принимающим, но и разделяющим его вкусы и интересы. Это чувство знакомо и мне: как приятно бывает, когда ученики замечают красоту какой-нибудь фразы или смеются над шутками классиков, и как обидно, когда оказываешься со своим эстетическим удовольствием в гордом одиночестве посреди класса. Кстати, преподавать комическое сложнее всего: объясняя детям, что смешного у Чехова, Гоголя или Салтыкова-Щедрина, почти всегда чувствуешь себя дурой. Над анекдотом, не сразу понятым, смеются не так, как над схваченным с первого раза. Шутка работает, когда понимается мгновенно, реже – когда «доходит» спустя какое-то время. Скорее всего, если мне пришлось объяснять юмор, по-настоящему смешно детям на уроке не будет.

Но не странно ли желать человеку, который не видит в чтении наслаждения, это наслаждение испытать? Ведь если задача в том, чтобы он был счастливым и эстетически удовлетворенным, то почему бы не оставить его наедине с фильмами, музыкой, видео, мемами, обслуживающими схожие потребности? Здесь видно больше заботы о себе, о том, чтобы идеальный ребенок в нашем представлении совпал с тем, которого мы растим. И это нормально. Из ответов на первый вопрос анкеты мы узнали, что 14,4 % родителей попробуют принять своих нечитающих детей. Я уверена, что примет большинство: все-таки родительская любовь сильнее культурного кода. Но как же приятно знать, что этот код есть, что в любой момент им можно воспользоваться. Например, мы с мужем редко

говорим на «умные» темы, все высокое и духовное как-то отодвигается на второй план неумолкающей дочерью, бытом, работой. Но иногда посреди бытовухи он шутит что-нибудь про Гиппиус и Мережковского, и я вспоминаю: «Так вот почему мы вместе. Это же тот мужчина, который на первых свиданиях говорил со мной об Ионеско…» И я бы хотела, чтобы так же было у нас с нашим ребенком.

По-моему, очень здорово, что рядом с чтением в сознании опрошенных возникает удовольствие. Если мы видим в чтении наслаждение, а не труд, то шансы заинтересовать ребенка возрастают в разы. Есть ведь разница между посылами «Ты должен прочитать, потому что это великая книга великого писателя» и «Почитай: на пятидесятой странице я хохотал в голос (или, наоборот, разрыдался) прямо в автобусе». Второй вариант ведет к открытому диалогу об эмоциональной жизни, к тому диалогу, о котором говорила Станислава Смагина.

На вопрос «Если ваши дети откажутся от чтения и не будут воспринимать его как ценность, как вы к этому отнесетесь, что почувствуете?» кто-то из родителей ответил: «Постараюсь всеми силами увлечь ребенка и заставлять тоже буду». Нет, нельзя заставить увлечься, нельзя заставить разделить удовольствие от чтения, но можно поделиться – удовольствием, эмоцией, книгой.

Родители чаще подходят к проблеме детского чтения с вопросом «Каким должен быть мой ребенок?». И реже – с вопросом «Каково ему будет?». В первом случае ребенок воспринимается как объект, во втором – как субъект. Художественная литература дает навык рефлексии и эстетический опыт – ее восприятие предельно субъективно. Так можно ли погрузить в субъективный мир чтения того, кого мы воспринимаем как объект, кого в своих читательских амбициях не отделяем от самих себя? Не стоит ли отказаться от чтения как универсальной ценности, чтобы оно стало индивидуальной ценностью конкретного ребенка?

> *Я хочу быть счастливым человеком с интересной, насыщенной жизнью. Поэтому после школы (а иногда и вместо нее) я делаю то, что мне нравится делать: пишу стихи, участвую в разных мероприятиях и конкурсах, смотрю фильмы, изучаю темы, которые лично мне интересны. И, чтобы успеть как следует порадоваться и «понасыщать» свою жизнь, я нередко пренебрегаю программой по литературе (и домашней работой по некоторым предметам тоже). А когда у меня появляется свободное время, я читаю не те книги, которые мне*

задали, а те, которые я сама выбрала. Просто потому, что их мне, в отличие от первых, хочется читать.

Ульяна, 16 лет, Балтийск

Моральная паника в отдельно взятой семье

В семье я считалась нечитающим ребенком. Теперь мне кажется, что родители ошибались, но поняла я это, только приступив к написанию книги. Нередко то, что думают и говорят о тебе взрослые, со временем вытесняет из памяти и замещает реальную картину. И вот я прожила 29 лет в полной уверенности, что до двенадцати чтением не интересовалась. Впитала панику окружающих и до сих пор, если провожу какое-то время без книг, думаю про себя: «Кошмар, она не читает!»

Видимо, дело было не столько в моем нечтении, сколько в более активном и впечатляющем чтении старшей сестры Майи. Я вовсе не стремлюсь обвинять маму и папу в своих читательских бедах. Во-первых, у них не было тех привилегий, какие есть у меня как у матери: ни доступа к огромному количеству книг и статей о воспитании, ни опыта психотерапии, ни педагогического образования (формально у папы оно было, но ключевое слово – «формально»). Во-вторых, еще неизвестно, сумею ли я не повторить ошибок родителей. Мне хочется понять, что они чувствовали и чем руководствовались, воспитывая меня и видя, что я как читатель не соответствую их ожиданиям. Понять, как эти ожидания формировались, посмотреть на себя глазами родителей. Поэтому я поговорила с папой – его вся эта ситуация задевала больше, чем маму. К тому же мы коллеги. Оба – сапожники без сапог: я сегодня – учительница литературы, поэтесса и мать пятилетнего ребенка, не проявляющего к книгам «достаточного» интереса, а папа двадцать с чем-то лет назад – учитель литературы, поэт и отец «нечитающего» ребенка.

У тебя рано появились дети. По сути, ты тогда был очень молодым человеком. Когда родилась Майя, ты еще не преподавал, а к моменту моего рождения работал учителем литературы всего три года. Вряд ли твоя убежденность в том, что дети должны читать, была учительской позицией. Почему для тебя это имело большое значение?

Честно говоря, я не очень понимал, какие еще могут быть интересы у человека. Ну, конечно, можно в филармонию ходить (я и ходил в юности довольно часто), живопись любить (этот интерес у меня остался) или театр (вот с этим у меня плохо). Но только чтение мне казалось естественной человеческой деятельностью. Я, кстати, стал меньше читать, уже работая в школе. Часов обычно было много (доходило в иные годы и до 50 в

неделю), так что сил на чтение не оставалось. Но детям-то что еще делать, кроме как читать? Ну, поиграл – и читай. Майя оказалась послушной, читала легко и быстро. С тобой было хуже.

Какого ребенка ты тогда мог назвать читающим? Каким критериям он должен был соответствовать? Изменилось ли твое представление об образе читающего ребенка сейчас, спустя примерно двадцать лет?

Сейчас соображу, что я думал об этом двадцать лет назад. Мне было удобно работать с детьми, которые были в состоянии прочитать школьную программу и при этом еще что-нибудь. В классе обычно находился один такой ребенок, в расчете на него я и работал. Остальным сообщал что-то такое, с чем можно было сдать выпускной экзамен по литературе. Не уверен, что мое представление изменилось. В целом я существенно помягчел, поубавилось высокомерия, я стал понимать, что дети имеют право на какие-то другие виды духовной жизни. Но по-прежнему думаю, что читающий ребенок – это тот, который может прочесть в день между делом страниц двадцать, а за месяц, соответственно, одну книгу объемом в «Преступление и наказание». Если он читает больше – ну, молодец. Буду радоваться.

Когда и почему ты сделал вывод, что я нечитающий ребенок?

Дату не назову. Но ты, конечно, отклонялась от нормы, которая была у меня в голове. Майя этой норме соответствовала, даже превышала ее (прочесть в третьем классе «Илиаду» и «Одиссею» – это круто), ты не соответствовала. Мне вообще тяжело давалось понимание, что, кроме моей точки отсчета, бывают еще какие-то. Работал такой инфантилизм. Отчасти после пятидесяти это стало проходить, но процесс не завершен.

Что ты испытывал, думая, что младшая дочка, в отличие от старшей, не соответствует твоим представлениям о читающем ребенке, твоим родительским ожиданиям?

Что испытывал – не помню. Не думаю, что это было раздражение или разочарование. Как человек ты мне была интересна, я тебя любил (оба пункта действуют и сейчас). А в старших классах, после занятий в кружке Рахили Израилевны Беккер[12], ты стала демонстрировать такие аналитические фокусы, что я безусловно признал в тебе сестру по разуму. Твоя работа о Набокове и Блоке[13] была очень сильной, именно аналитически сильной. Может быть, в связи с этим я постепенно стал думать, что дело не в количестве прочитанных книг, а в

умении их понимать и интерпретировать.

Что ты предпринимал, чтобы изменить ситуацию? Что из этого срабатывало со мной?

На этот вопрос ответить особенно легко. Ничего не предпринимал. Когда ты была ребенком, количество книг у нас в доме все время росло. Появились, например, альбомы, посвященные ренессансным итальянцам. Ты их с интересом рассматривала с бабушкой. Мама делала с тобой уроки. Я продолжал ничего не предпринимать. Когда ты стала по следам Майи читать западную прозу XX века, по-моему, одобрял. Но не более того.

Как ты думаешь, какие ошибки вы совершали на моем и Майином читательском пути? А что, наоборот, было сделано правильно?

Начнем с правильного: в доме были книги. Я эти книги читал. Ты терлась в писательской компании (вспомним Комарово и Горелово[14]), видела, что люди не только пьют, но и пишут. Весь «Пенсил-клуб» собирался по поводу книг, причем преимущественно по поводу классики. Очень светлой историей мне кажется ваш с Майей ржач над «Русским школьным фольклором»[15]. Думаю, это правильная обстановка и правильный пример. Неправильным было то, что раннее чтение Майи стимулировалось очень дешевыми подарками, то есть ее мотивация была поначалу внешней. С тобой мы к этому не прибегали. Кроме того, бабушка с упоением смотрела сериалы, а ты вместе с ней. Это, конечно, сбивало с курса. Но Рахиль Израилевна все поправила.

Недавно я стала вспоминать себя в возрасте десяти лет. Да, я не всегда фанатела от школьной программы, но в свободное время помню себя читающей «Детство», «Отрочество», «Юность» Толстого, записки Чехова. Еще всплывает картинка, как я отвоевываю возможность есть в комнате и вместе с обедом проглатываю «Кортик» Рыбакова. Эти мои читательские успехи были скрыты от тебя из-за огромной нагрузки на работе или объемы чтения казались недостаточными, а выбор книг – неверным?

Вот это сильно! Я только из этого вопроса узнаю, что ты читала «Отрочество» и «Юность» (может, и знал, да забыл). Про «Детство» помню. Я, кстати, не читал этих книг вообще. Первый том Толстого так и не открывал. И «Кортик», кажется, тоже не читал. Не читал я и твоего любимого Монтейру Лобату[16]. То

есть я процесс не контролировал и, видимо, даже не пытался. Возможно, отделывался какими-то оценочными высказываниями. Едва ли этот выбор мог показаться мне неверным. Скорее всего, я просто всего этого не видел.

Майя как-то сказала мне, что уже давно отказалась от художественной литературы и интересуется в основном специализированной. Когда ребенку не десять, а 35, это так же важно? Беспокоит ли тебя, что она не читает художественную литературу?

Она взрослая умная тетя со своими вкусами и представлениями о жизни. Меня больше беспокоит, что она не пишет. У нее замечательный прозаический талант, она написала несколько очень классных рассказов. Но занимается другим. Ей виднее, чем заниматься.

Сейчас у тебя растет внучка. Боишься ли ты, что она не будет читать? Почему?

Не боюсь, но вижу такую возможность. Мне не нравится, что она не читает сама. Я не очень умею общаться с маленькими детьми. Мне это, скажем, не дано. Единственный шанс когда-то почувствовать себя близким ей человеком – это возможность говорить с ней о тех вещах, которые меня волнуют. Если она не начнет читать, я могу не получить этого шанса. При этом я вижу в ней неординарный ум, а склад этого ума явно филологический. Хотелось бы, конечно, чтобы она использовала эти свои способности. Ну не пропадать же им…

Зачем ребенку читать и зачем это тебе как папе и дедушке?

На вторую часть вопроса я, по-моему, ответил чуть выше. Повторю: мне это нужно, чтобы не чувствовать себя чужим дочерям и внучке. С Майей и тобой, хотя я и вел себя в вашем детстве не лучшим образом, мне повезло. Вы обе умные и талантливые, обе понимаете кое-что в том, что для меня представляет главный в жизни интерес. В лице Лии хочется продолжения этого счастья, причем желательно без тех сложностей, которые были с вами. Но ясно, что сложности все равно будут.

Теперь про то, для чего это нужно ребенку. Тут речь не только о моей внучке, речь о человечестве. Транслирую не мою мысль, просто мысль, с которой я согласен. У людей нет другого варианта воспринимать мир, кроме как через призму доступной им культуры. То есть через тексты. Если человек не понимает, что

он прочитал (это касается любых текстов, порождающих образы и создающих картину мира, не обязательно художественных), не может к этому отнестись критически, проанализировать прочитанное, то он очень плохо ориентируется в жизни, его легко обмануть, втюхать ему какую-нибудь ерунду. В результате плохого понимания текстов сбиваются с толку целые народы. Восприятие мира через культуру – чисто человеческая черта. Мне важно, чтобы дети воспринимали мир адекватно.

Из нечитающего ребенка я все-таки выросла в читающего взрослого. Хотя есть подозрение что и тогда, в детстве, дела обстояли лучше, чем думали папа и мама. У детей могут быть другие удовольствия, они вообще другие, отдельные люди, и мой отец, перевалив за пятьдесят, это осознал. Конечно, он может опасаться, что станет чужим нечитающей внучке. Правда, это скорее она окажется ему чужой, ведь ей уровень дедушкиной начитанности абсолютно безразличен. Но пока они отлично ладят безо всяких книг. Наверное, потому, что папа, сам того не замечая, за последние двадцать лет почти научился любить без ожиданий и оценок.

Зачем и как мы читаем?

Нужное или интересное?

Чтение полезно. Кажется, с такой установкой не спорят ни родители, ни учителя. Наоборот, идею о пользе книг взрослые различными способами поддерживают. Это почти религиозное убеждение разделяют и дети – хотя бы на словах. Я с трудом представляю школьника, который на вопрос «Полезно ли читать?» ответит отрицательно. Коротышки из «Приключений Незнайки» тоже наверняка признавали пользу касторки, но, вероятно, с большим удовольствием предпочли бы лечиться у Медуницы, чем у Пилюлькина. Кстати, у Носова чтение Незнайки описано замечательно: «Научившись как следует читать, он просиживал целыми днями над книжками, но читал вовсе не то, что было нужней, а то, что поинтереснее, главным образом сказки». Кошмар, сплошной вред!

> *Я раньше читал очень много, сейчас в три раза меньше. Мне неинтересна классика, однако ее же задают. Когда прочитывал, становилось все скучнее и скучнее. Когда читаешь книги, которые тебе не интересны, забываешь, что тебе так раньше нравилось.*
>
> *Семен, 16 лет, Калуга*

В отличие от идеи, что все советские школьники были продвинутыми читателями, у догмы о полезности чтения есть научное обоснование. Так, в 2013 году эксперименты американских психологов Эвана Кидда и Эмануэле Кастано показали, что чтение художественной литературы способствует развитию эмпатии. Кидд и Кастано утверждали, что проживание опыта персонажей (помните, родители в моем опросе называли сопереживание героям книг как одну из причин, по которой им важно, чтобы дети читали?) гораздо более ощутимо, чем кажется. Выяснилось, что, когда мы читаем о какой-либо жизненной ситуации в художественной книге и когда получаем схожий реальный опыт, у нас запускаются одинаковые психологические процессы[17]. Несколькими годами ранее на это указывал и профессор психологии Вашингтонского университета Джеффри М. Закс: «Психологи и нейробиологи все чаще приходят к выводу, что, читая книгу и действительно понимая ее, мы создаем мысленную симуляцию событий, в ней описанных»[18].

Вот что говорит о связи между чтением художественных книг и эмпатией психолог Станислава Смагина: «Чтение нужно для

создания языка рефлексии. Что происходит с нечитающими технарями на терапевтических консультациях? IQ у них есть, социальный успех есть, а выходить из сложных конфликтов, начиная с тридцати лет, непросто, если не обладаешь языком для описания того, что с тобой происходит. Чтение может развивать язык, необходимый для рефлексии, помогает сбрасывать напряжение внутренних конфликтов через эмпатию („я посочувствовала – значит, прожила как бы чужие эмоции вместе с Карениной“)».

Современные психологи утверждают, что порой эмоциональный интеллект влияет на успешность человека в большей степени, чем коэффициент интеллекта и хорошая учеба[19]. Ставка на образование и недостаточное внимание к развитию эмоционального интеллекта приводят к негативным последствиям еще до школы: по результатам масштабного исследования Института возрастной физиологии РАО дошкольники шести-семи лет плохо распознают эмоции[20]. Мы тщетно стремимся к тому, чтобы дети в возрасте четырех-пяти лет начали самостоятельно читать, а в это время стоило бы учить их различать собственные чувства и чувства окружающих. И чтение с родителем тут как раз пригодится: можно вместе бояться за Муху-Цокотуху, сопереживать трагедии мышки-матери, обнаружившей кровать глупого мышонка пустой, злиться на мачеху Золушки. А еще ребенок может рассматривать хорошие иллюстрации к книгам и стараться считывать эмоции персонажей по выражениям нарисованных лиц.

Итак, книги развивают эмпатию и рефлексию. Но раз родителей так беспокоит влияние чтения на ум и образованность детей, интересно узнать: есть ли в чтении особая польза для мозга? Нейропсихолог, кандидат психологических наук Ольга Семенова так ответила на этот вопрос: «Мозгу чтение может быть полезно, как и любая достаточно сложная деятельность, имеющая для человека смысл. Если для человека нет смысла в чтении, а его, например, заставляют читать, то чтение будет для его мозга скорее вредно, чем полезно».

Джейсон Меркоски, один из создателей Kindle – устройства для чтения электронных книг, пишет, что, по мнению нейрофизиологов, книга сама по себе не несет никакого смысла, если с ней качественно не взаимодействовать[21]. Под взаимодействием понимается, по всей вероятности, интеллектуальный диалог с книгой, когда мы не просто распознаем текст визуально, но и начинаем более глубоко расшифровывать и воспринимать его. Меркоски сравнивает мозг с интернет-браузером: образы слов хранятся в мозгу и в процессе

чтения «загружаются» с огромной скоростью. Чем лучше человек читает, чем более он опытен в этой деятельности, тем быстрее и качественнее работает «браузер».

Именно поэтому всегда понятно, кто сколько времени проводит за книгой. Это легко определить по качеству чтения вслух. Иногда попросишь детей почитать и не знаешь, как гуманнее поступить: осторожно прервать старшеклассника, коверкающего каждое слово и не понимающего сути предложений, или домучиться до конца, потеряв по пути внимание половины класса. Больше всего достается стихам. Складывается ощущение, что текст, записанный в столбик, если он не совсем прямолинеен (а это тогда уже не совсем стихи), магическим образом закрывает доступ к пониманию. Так, опыт показывает, что при чтении хрестоматийного стихотворения Фета «Шепот, робкое дыханье» далеко не каждый школьник, даже знающий значение слова «лобзания», догадается, с кем же лобзается лирический герой.

Выходит, хорошо читает тот, кто читает осмысленно. Иначе набор букв просто складывается в набор слов, а пользы от этого никакой. Помните, как эффектно в сериале про Шерлока визуализированы «чертоги разума»? Символы, ассоциации, образы собираются в смыслы, а герой Бенедикта Камбербэтча мастерски ими управляет. Что-то подобное происходит в голове вовлеченного читателя, когда он по-настоящему взаимодействует с книгой.

Постмодернизм принес идею о том, что мир – это текст, а человек – сумма воспринятых им текстов. Речь, конечно, не только о текстах печатных, но и об иных культурных единицах, от рекламных вывесок до балета. Безусловно, чтобы лучше «читать» реальность, понимать других и себя самого, нужно развивать навыки декодирования, или интерпретации. Чтение художественной литературы помогает эти навыки прокачать. Львиная доля пользы от книг – именно в этом. Получается такое тавтологическое царство. Чтобы чтение было полезным, оно должно быть смысловым. Чтобы оно было смысловым, читатель должен видеть в нем смысл, то есть понимать, зачем ему эта сложная, требующая интеллектуального напряжения деятельность. Утилитарный подход здесь не срабатывает: цели больше знать или найти конкретную информацию в художественных текстах тонут, теряются. Значит, читать лучше не то, что нужнее, а то, что интереснее. Иными словами, что интереснее – то и нужнее.

А это точно чтение?

Какие пути знакомства с художественной литературой открывались перед советским школьником? У него были бумажные книги и журналы, в крайне редких случаях (зависело от семьи) – самиздат. А еще он мог слушать радиоспектакли или пластинки. Театральные и телеспектакли в расчет не берем: это все-таки уже интерпретация, а не встреча с оригинальным текстом. Выбор же современного школьника гораздо шире. Давайте посмотрим на возможные форматы и способы чтения в порядке их отдаления от традиционной коммуникации с обычной книгой.

Бумажная книга сегодня окутана романтическим флером. Она позволяет «подержаться» за постепенно уходящий нецифровой мир. К ней намертво приклеился штамп «шелест страниц». К шелесту обычно добавляется что-нибудь про запах. Книга дорого стоит: во-первых, на нее действительно надо потратить немалые деньги, во-вторых, чтение бумажной книги требует бóльшего времени (например, листать пахнущие страницы дольше, чем безжизненные электронные), а время – деньги. Чтобы не торопясь погрузиться в какой-нибудь новый роман, нужно иметь хотя бы полчаса, свободных от работы или учебы. Бумажную книгу тяжело носить с собой: ее удобнее читать дома, то есть все снова упирается в необходимость создавать для этого специальные условия. За такие подготовительные труды бумажная книга платит особой атмосферой и потенциалом осязаемости. Основатель Kindle Джейсон Меркоски пишет: «Переворачивание страниц помогает лучше запомнить информацию, так как мы визуально, геометрически запоминаем, как одна страница соотносится с другой, создавая ментальную карту закладок»[22].

Для первых читательских шагов нужна именно такая, осязаемая книга, хорошо напечатанная, с качественными иллюстрациями. Ребенок может еще не понимать, что такое книга, а мы показываем ее, как игрушку, постепенно приучая его к тому, что это естественная часть нашей жизни. Иногда дети проявляют интерес и к электронному тексту, но на этапе, когда самостоятельный контакт с книгой еще невозможен, она обязательно должна быть настоящей. В этом смысле электронная книга и бумажная соотносятся примерно как тамагочи и живая собака. Тамагочи, конечно, вызывает азарт и даже привыкание, но по-человечески привязываешься к обыкновенному псу.

Еще одна причина на первых этапах окружить ребенка

традиционными книгами – отсутствие экрана. Взаимодействие с экраном планшета или телефона связано с получением быстрого удовольствия. Если ребенок уже вкусил запретный плод с древа цифрового познания, то тянуться он будет не к тексту, а к экрану, центру удовольствия. Поскольку мне не удалось стать хорошей мамой, оградившей дочь от влияния смартфона, я уже руководствуюсь другим подходом: могу читать на ночь и с телефона в надежде, что интерес к нему перенесется на процесс чтения. Но этот метод (кстати, неплохо работающий) – для тех, кого, как и меня, настиг ранний родительский провал.

Из всех вариантов чтения с экрана ближе всего к бумажным книгам стоят ридеры, или «читалки». Бывают ридеры с цветным экраном, но в классическом виде дисплей действительно похож на белую страницу с привычным печатным текстом. Несмотря на часто встречающуюся функцию прослушивания аудиокниг, ридеры в первую очередь сосредоточены на тексте. В отличие от прочих электронных носителей, здесь гораздо меньше шансов в пределах одного устройства отвлечься на посторонние занятия. Уведомления о новой сотне сообщений в школьном родительском чате вам точно не придут. Как бы ридер ни был близок к привычной книге, разница во взаимодействии с ним очевидна: большая скорость листания страниц (не надо тратить время на переворачивание), иное движение руки при листании (мы либо жмем на кнопку, либо проводим пальцами по сенсорному экрану), а главное – меняющиеся страницы не слишком отличаются друг от друга. Читая обыкновенную книгу, вы лучше запоминаете информацию и выдаете более богатую эмоциональную реакцию. Последнее, по наблюдениям норвежского когнитивиста Анны Манген, связано с тем, что чтение бумажных изданий предполагает намного больше физических манипуляций[23]. Все-таки тот самый шелест страниц вкупе с запахом не просто так лидирует в списке любимых читательских штампов. Однако ридер открывает и новые возможности: с ним можно мгновенно заполучить нужный текст, читать несколько книг на одном устройстве, делать заметки прямо в тексте, не испытывая мук совести (вы ничего не портите), оставлять цифровые закладки (их точно не потеряешь). Еще электронные тексты значительно дешевле.

> *Книги – удовольствие не из дешевых, и не всегда хватает денег на определенную книгу. Часто говорят про то, что на дворе XXI век и можно бесплатно прочитать любую книгу… Фактически да, мне действительно не составит труда это сделать, однако я уважаю работу*

автора, и хотелось бы заплатить за его же работу. Мне очень обидно, что за те же 200 рублей можно купить пачку сигарет и дешевый алкоголь, а вот хорошую книгу за эти деньги уже не купишь. Я знаю цену деньгам и не прошу родителей покупать мне книги, они дорого стоят.

Семен, 16 лет, Калуга

Ридер мало весит: вози себе в метро хоть «Тихий Дон», хоть всю Поттериану разом. К тому же никто не узнает, что именно ты там читаешь. За счет технологии электронных чернил вред для зрения соизмерим с тем, что мы наносим себе, читая все то же самое на бумаге. У некоторых ридеров есть подсветка экрана, что может быть сравнимо с очарованием ночного чтения с фонариком под одеялом. Кстати, для сказки перед сном функция очень удобная: со светом способен заснуть не каждый ребенок, а читать в темноте сложновато. Однако, как утверждает американская исследовательница Лаурен Сингер Тракман, изучающая природу чтения и понимания текста, подсветка отвлекает, «занимает часть нашей рабочей памяти»[24]. Так что эта функция дает одни возможности и забирает другие. Итак, ридер – это своеобразный компромисс между традиционным форматом чтения и новыми технологиями.

Читать тексты в электронном виде можно и на других носителях: планшетах, смартфонах, компьютерах и ноутбуках. Последние два варианта выбирают реже. Они не предполагают той мобильности, которая в первую очередь прельщает в цифровом чтении, да и сосредоточиться на тексте, когда за пределами страницы вырастает целый лес значков и вкладок, непросто. Если же говорить о смартфонах и планшетах, то по своим положительным качествам они напоминают ридеры. Среди минусов же оказываются потеря концентрации внимания при чтении (вот тут как раз появляются те самые сто сообщений из родительского чата) и вред для зрения. Негативно на качество восприятия текста влияет процесс скроллинга, когда текст не делится на страницы, а идет сплошным потоком. Тракман, основываясь на ряде экспериментов, рекомендует при чтении с электронного носителя выбирать двухстраничный формат, который наиболее близок к виду обычной книги[25]. Исследовательница отмечает, что это актуальнее для чтения учебной литературы, но я думаю, что такая компоновка предпочтительна и для вдумчивого чтения художественных текстов.

Лично я выбираю самый неправильный способ и читаю со смартфона в специальном книжном приложении. К сожалению,

именно это для меня удобнее всего. Если я еду в метро, то в моем рюкзаке и так достаточно тетрадей на проверку, а несколько работ и интернет-зависимость делают телефон естественным продолжением руки. Утром я спускаюсь в метро, захожу в поезд, включаю классическую музыку, открываю в телефоне книгу… и начинаются мои законные тридцать минут чтения без обязательств. Мне нравится, что приложение показывает, сколько процентов от всего текста уже прочитано: это подстегивает. Правда, приходится психологически перестраиваться: какие-нибудь триста страниц живой книги в цифровой версии превращаются минимум в шестьсот. Благодаря системе закладок удобно готовиться к урокам. Но жизни в этих закладках, конечно, нет.

Из «Войны и мира» дома у родителей до сих пор торчат цветные стикеры, на которых я в десятом классе писала названия эпизодов. Когда я вижу эти тома с ярко-розовыми и ядрено-зелеными закладками, то вспоминаю школу, кабинет русского языка и литературы, свою учительницу, то, как выкручивалась на занятиях (полный текст осилить не успела и не захотела, спасалась заложенными эпизодами), и день, когда осталась после уроков, чтобы дописать десятистраничное сочинение о Наташе Ростовой. А все же книга с закладками в телефоне значительно удобнее. К слову о «Войне и мире»: в электронной версии все французские вставки оказываются не в сносках за пределами основного текста, а внутри него. Текст становится более линейным. Думается, это может уберечь многих школьников от преждевременного расставания с Толстым, ведь на фоне пугающего объема романа необходимость постоянно отвлекаться и переносить внимание с читаемого фрагмента вниз страницы зачастую становится последней каплей.

Если вы тоже по каким-то причинам выбираете формат чтения со смартфона или планшета, то хорошо бы объяснить ребенку, что вы так читаете, показать текст, вместе попробовать полистать страницы. Детям полезно видеть дома читающих взрослых, но при замене бумажных книг электронными носителями чтение становится невидимым.

Как учитель литературы я неизбежно встаю перед выбором: разрешать ученикам использовать на уроке электронные книги или требовать наличия традиционных. Поскольку учительница я жалостливая (видимо, потому что много читала и слишком сильно развила эмпатию), то, с одной стороны, переживаю за детские спины, а с другой – руководствуюсь простым принципом: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы читало. Надо сказать, что дети с электронным текстом учителю даже выгодны. Когда просишь их

найти какое-нибудь место в книжке, они благодаря технике с этой задачей справляются очень быстро.

Все перечисленные форматы чтения подразумевают контакт с оригинальным авторским текстом глаза в глаза. А ведь есть еще аудиокниги. Превращая читателя в слушателя, они почти буквально развязывают ему руки. Это в общественном транспорте можно выбирать между книгой и планшетом, а за рулем автомобиля? У современного жителя мегаполиса почти нет времени на себя. При удачном стечении обстоятельств маршрут «дом – работа – дом» можно разнообразить пробежкой или походом в спортзал. Выходит, либо человек выпадает из чтения вообще, либо заполняет свободные промежутки аудиокнигами. Меня в таком контакте с литературой смущает, что исчезает зрительное взаимодействие с текстом, а значит, сам механизм восприятия текста полностью меняется. Еще одно коренное отличие – появление посредника, в чьей интерпретации вы слушаете книгу. В случае с аудиокнигами мне уже сложно сохранять терпимость: ведь это уже не чтение в первоначальном значении и не прямой диалог с произведением. Я бы предпочла, чтобы школьники читали глазами, однако существует немало причин остановиться на аудиоформате. Если у ребенка плохое зрение, если он лучше воспринимает на слух, если у него дислексия, если что-то из школьной программы никак не дается, если загруженность кружками такая, что встретиться с художественной литературой получается только по пути с одного занятия на другое в машине родителей, то намного лучше аудиокнига, чем отказ от книг вообще. Будет правильно помочь школьнику с выбором чтеца: в открытом доступе есть многие программные произведения в исполнении разных актеров. Не факт, что вы совпадете с ребенком во вкусах, но тут имеет смысл следовать за ним.

Это все про школьников. А для детей, еще не умеющих или только начинающих читать, аудиосказка – святое дело. Я с теплотой вспоминаю, как в пять-шесть лет в предновогодние дни слушала перед сном пластинку «Волшебник Изумрудного города» и смотрела на зажженную елку. Только совсем заменять читающего вслух родителя аудиосказка не должна, потому что в младшем возрасте чтение становится еще одним способом контакта с близкими. Сказка на ночь – прежде всего акт коммуникации и уже затем акт познания. Это наш вклад в будущее, возможность сформировать в представлении ребенка позитивный образ книги.

Много читать меня приучила мама. Одно из самых

ранних воспоминаний детства: я лежу на диване, рядом сидит моя мать и читает мне сказки Бажова. Вскоре я и сам научился читать и начал глотать книжку за книжкой.

Иван, 17 лет, Рязань

Но есть формат чтения, который кажется мне совсем неприемлемым. Это «краткие содержания». Как-то один ученик гордо сообщил мне, что читает «Обломова» в оригинале. Под «оригиналом» он имел в виду полный текст Гончарова. Если вы никогда не сталкивались с этим особенным жанром, обязательно восполните пробел. «Краткое содержание» напоминает анонс аргентинского сериала, только в стилистике автора произведения. Особенно хороши пересказы поэтических текстов. Не поленитесь и найдите в интернете разные варианты краткого содержания элегии «Море» – ни с чем не сравнимое удовольствие. В некоторых интерпретациях «краткое содержание» оказывается даже длиннее стихотворения Жуковского.

К сожалению, дети не всегда осознают, что это не чтение, и довольствуются таким поверхностным знакомством. Но самое удивительное, что даже «краткое содержание», как бы я к нему ни относилась, способно разжечь интерес к произведению и в конечном счете привести школьника к «оригиналу».

Разнообразием отличаются не только форматы чтения, но и литературные жанры. Впрочем, те жанры, о которых хочется сказать, учителя и родители редко признают литературными: это комиксы, графические романы, вебтуны (виртуальные комиксы для смартфонов, публикующиеся постепенно – как сериалы), фанфики. От традиционных эти жанры отличает синтетичность: словесное высказывание совмещается с изображением, новый текст – со старым. При этом современные комиксы затрагивают сложнейшие темы от буллинга до холокоста, один из самых популярных вебтунов посвящен мифологическому сюжету об Аиде и Персефоне, а фанфики нередко продолжают сюжеты классических произведений. Известны случаи, когда фанфики выходят за рамки массовой литературы. Хороший пример – рассказ Нила Геймана «Этюд в изумрудных тонах», написанный по мотивам повести о Шерлоке Холмсе и «Мифов Ктулху» Говарда Лавкрафта.

Задача взрослых, в частности учителя литературы, состоит не в том, чтобы отрицать одну форму художественного высказывания и превозносить другую, а в том, чтобы научить ребенка понимать и интерпретировать обе. Правда, есть одна сложность: в таком случае им самим придется осваивать

принципиально новые жанры.

Чтение с ускорением

Перед тем как начать волноваться, что ребенок читает мало, родитель еще должен преодолеть страх того, что ребенок поздно научится читать. Как часто бывает, что буквы уже выучены, а магическую фразу «Мама мыла раму» осилить не получается! Однако вполне вероятно, что дело не в желании и не в упорстве родителей, действующих по схеме «не можешь – научим, не хочешь – заставим», а в возможностях конкретного ребенка.

Конечно, приятно рассказывать, что твой ребенок научился читать в четыре года. Многие мамы и папы оказываются в плену семейных легенд о собственном раннем развитии и ожидают от детей повторения своих мифических подвигов. Но как объясняет директор Института возрастной физиологии Марьяна Безруких, к четырехлетнему возрасту читать могут единицы. Между этапом, когда ребенок узнает буквы, и этапом настоящего чтения проходит минимум полтора года. Нормальный возраст, чтобы перейти от узнавания букв к чтению слов, – пять-шесть лет. А избирательное внимание – познавательная функция, необходимая для формирования навыка чтения, – и вовсе запускается в шесть-восемь лет[26].

К тому же не стоит слишком рассчитывать на недавно приобретенный навык дошкольника: вряд ли он моментально начнет самостоятельно проглатывать книги, соответствующие его развитию, и освободит вас от чтения вслух более объемной детской литературы или, например, стихов. Только представьте, насколько сформированными должны быть читательские навыки, чтобы при чтении стихотворения сохранить правильное звучание! А ведь звучание и составляет половину удовольствия от поэтического текста.

> *В пять с половиной лет, когда я научилась читать, меня больше интересовал мир разноцветных надписей вокруг, чем книги, но с возрастом я полюбила и их.*
>
> *Лена, 16 лет, Подольск*

Обучение чтению – сложнейший процесс, требующий от ребенка невероятных интеллектуальных усилий. Согласно пособию Безруких «Трудности обучения чтению и письму в начальной школе», он делится на три этапа. На первом (аналитическом) ребенок учится различать буквы, соотносить их со звуками. Так он начинает воссоздавать звуковой образ слова.

Формируется побуквенное, послоговое чтение. На втором (синтетическом) – воссоздает звуковой образ слова и может читать словами. И только на третьем, этапе автоматизации, ребенок начинает воссоздавать образ слова автоматически и воспринимает читаемое слово в связке с его значением. Вот здесь он уже может воспринимать целостное высказывание и понимать его смысл.

Безруких говорит о пугающей тенденции: «Далеко не все учащиеся к окончанию начальной школы переходят к третьему этапу формирования навыка. Многие из них умеют читать „технически“, но при этом страдает восприятие текста, его понимание. Отчего это происходит? Одна из главных причин, так же как и при письме, – форсирование скорости обучения, недостаточное освоение и закрепление навыков, формируемых на первых этапах»[27].

Я не буду глубоко погружаться в вопросы физиологии, но подчеркну важную для меня мысль: желание родителей побыстрее научить читать может негативно повлиять на качество чтения и дальнейшую читательскую судьбу ребенка. Ведь трудно требовать от того, кто в четвертом классе читает только «технически», наслаждаться толстыми книгами. Кстати, Безруких упоминает еще один интересный факт: количество плохо читающих детей от начальной к старшей школе только растет. Этот факт рифмуется и с данными исследователей о снижении интереса к чтению и, соответственно, обеднении читательского опыта школьников начиная с десятилетнего возраста.

Как же родителю не форсировать процесс, если очень хочется, чтобы ребенок поскорее зачитал? Видимо, нужно помнить, что в этом деле стоит ориентироваться только на конкретного человека и его физиологические возможности. Сравнивать с чужими детьми бесполезно: каждый созревает по-своему. Кого-то можно начинать обучать чтению в четыре-пять лет (только не раньше!), а кого-то – в пять-семь. И даже в школу вы – по крайней мере, по официальным стандартам дошкольного образования – не обязаны сдавать бегло читающего первоклассника. Искусственное ускорение может привести к тому, что форма – произносимые слова – так и не наполнится содержанием. Начитанным, в конце концов, сможет стать только тот, кто научился, помимо слов, видеть общий смысл и получать процесса удовольствие.

Чтение – это путь… Но разве мы ожидаем от ребенка, только сделавшего первые шаги, что он тут же осилит долгую пешую прогулку?

Трудное чтение

Начать читать и в пять, и в шесть, и в семь лет абсолютно нормально. Но в некоторых случаях формирование навыка самостоятельного чтения действительно сопровождается серьезными трудностями. Проявляется это уже в школе и сразу становится проблемой в обучении. Увидев ребенка, не справляющегося с чтением, проще всего навесить на него ярлыки «лень» и «глупость». А дело может быть вовсе не в отсутствии мотивации, а в дислексии, врожденной неспособности к овладению чтением[28]. В мультфильме «Не называйте меня глупым за то, что я не умею читать» ощущения человека с дислексией передаются с помощью метафор: герой объясняет, что буквы для него как брызги воды или мухи, разлетающиеся с листа бумаги в разные стороны[29]. Ребенок с подобной проблемой интеллектуально развит не хуже сверстников, просто он иначе видит текст. Поэтому ему так тяжело читать и писать.

У ученых нет единого мнения о причинах возникновения дислексии. Согласно основным теориям, проблемы с чтением либо относятся к врожденным особенностям развития, либо связаны с «нарушениями в формировании важных для чтения когнитивных функций», либо вызваны педагогическими и методическими ошибками на начальных этапах обучения чтению[30]. Марьяна Безруких отмечает, что к дислексии может привести и преждевременное обучение чтению, когда мозг ребенка еще недостаточно сформирован, а родители настаивают на раннем развитии[31].

Дислексию диагностируют только в школе – не раньше конца второго – начала третьего класса, когда навык чтения должен быть сформирован уже у всех. Первым сигналом становятся заметные трудности в учебе. По мнению детского нейропсихолога Галины Юрченко, родителям дошкольника стоит начать беспокоиться, если «у ребенка наблюдается задержка речевого развития, он испытывает сложности при построении рассказа по сюжетным картинкам и логико-грамматических конструкций, постоянно все роняет, спотыкается, плохо завязывает шнурки и застегивает пуговицы, путает право и лево, месяцы и дни недели, не может сосредоточиться на задании, легко отвлекается».

Наличие дислексии не означает, что человек вообще никогда не сможет читать книги. Но ему надо помочь – поддержать психологически, вовремя отвести к хорошему специалисту. Поставьте себя на место ребенка: ты физически не можешь читать так же, как одноклассники, а учителя и родители ждут

результата, ругают, раздражаются. «Научить читать запущенного дислексика хотя и трудно, но возможно, а вот сделать так, чтобы он получал удовольствие от общения с книгой, – увы, практически нереально», – считает Безруких[32]. Информационная и моральная поддержка понадобится и родителям. Найти ее можно, например, в Ассоциации родителей и детей с дислексией.

Жил-был маленький мальчик, который терпеть не мог читать. Вообще. Ну совсем ничего. Даже сказки в начальной школе были суровым испытанием. Кто-то посоветовал родителям приобщать меня к чтению с помощью комиксов. Комиксы я полюбил всей душой, но читать лучше и больше не стал. Чтобы вы понимали масштаб трагедии: текст длиннее четырех страниц вызывал у меня панический страх.

Проблемы начались в пятом классе, когда оказалось, что читать надо не только на литературе, но и на остальных предметах. В шестом классе я пошел в центр дополнительного образования «Поиск» на отделение русского языка и литературы. Мне было очень сложно. Но! Там была Татьяна Ивановна… Она никогда никого не заставляла читать и не ругала за невыученные уроки. Она рассказывала… О книгах, их авторах, героях произведений. При этом оставалась какая-то интрига. Мол, хочешь узнать все до конца – прочти сам. Не буду врать, сначала даже это не помогло. Я почти рыдал, если предстояло прочесть что-либо длиннее рассказа. Но это уже был вызов! Я решил вооружаться.

Мы нашли специальные образовательные программы по работе сначала с малыми, а потом с большими текстами, после чего я успешно прошел курс скорочтения. Я справился! На лето Татьяна Ивановна, как правило, дает нам список литературы, состоящий из двух частей: обязательная и дополнительная (для души). За каникулы после седьмого класса я прочел ВСЕ рекомендуемые книги (а это более ста произведений!). Это был рекорд! Около недели я чувствовал себя почти олимпийским чемпионом. Так было до того момента, пока у меня не возникло желания перечитать, а не просто «проглотить» некоторые книги. Я понял разницу. Читал уже неспешно, с расстановкой. Влюблялся в фантазии Беляева и Верна, зачитывался Достоевским и Чеховым. Но мне нужен был этот период «глотания». Я осознал, что могу читать много, победил страх перед казавшейся до этого неподъемной школьной программой.

Может быть, для кого-то навык чтения – это постепенный подъем по ступенькам от комиксов к творчеству Толстого. Для меня же это была война! С триумфальными и проигранными битвами, долгими осадами и заключенным в итоге сердечным

согласием.

Георгий, 15 лет, Ставропольский край

Дислексия не ставит крест на читательском будущем ребенка. И даже на писательском не ставит. Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак – популярные авторы, вместе пишущие для детей и подростков. У Евгении дислексия, и она согласилась со мной об этом поговорить.

Как вы узнали, что у вас дислексия? Как это влияло на вашу жизнь в детстве?

Узнала об этом, уже будучи взрослой, пришла с младшей дочкой на курсы скорочтения, она очень медленно читала, мне хотелось ей помочь. По ходу выяснила, что с дочкой все хорошо, а вот со мной не очень.

Про свое детство я много думала. Мне дислексия не мешала, и я пытаюсь разобраться почему. Я, безусловно, не любила читать. Я очень любила истории, у меня было огромное количество сказок и книг на пластинках. То есть слушать истории я любила. Читать было сложно.

В школе я училась хорошо, но меня спасала советская программа. Во-первых, я пошла в школу в семь лет, а не в шесть, как тогда часто делали. Во-вторых, в школе все было очень медленно, и даже я успевала. В-третьих, нас год учили писать письменными буквами, и меня начала спасать механическая память. Написать письменную «я» в другую сторону невозможно – рука помнит, печатную я до сих пор в нужную сторону не напишу, у меня сразу начинается паника.

На уровень школьной пятерки в советское время даже с дислексией можно было выйти. Никто не требовал много читать, все было просто и размеренно. Задачу читали сначала вслух, потом уже смотрели в текст. Учитель вообще много читал вслух, все разжевывалось по многу раз. Лексика была простая. Я вижу слово картинкой, и я довольно быстро выучила, как выглядят все нужные слова – мне хватало.

Вам до сих пор тяжело читать?

Читать сложно. Энергозатратно. Устают глаза. Я это очень здорово опять прочувствовала, когда начала учить английский, поначалу доходило до мигрени. Невозможно прочитать страницу текста, нужно встать, походить, съесть шоколадку. Если бумага глянцевая, если шрифт мелкий, если курсив – через полстраницы глаза болят, голова болит, физическая усталость.

На родном языке, конечно, давно уже не так. Но до сих пор,

когда я вижу длинный текст, первая реакция – закрыть его.

Как вы в итоге справились с чтением?

Я начала читать в удовольствие лет в 16. Видимо, мозг набрал достаточное количество слов-картинок, и чтение перестало быть физическим трудом.

К сожалению, никаких лайфхаков нет, кроме того что чем больше читаешь, тем проще.

Если советовать мамам детей-дислексиков, то на начальном этапе очень важен крупный шрифт и чтобы бумага не бликовала. Потому что и так буквы прыгают (в моем случае мерцают), а когда еще и бумага бликует, то просто берет отчаяние, каждое слово приходится по три раза пересматривать. А еще очень здорово помогает, когда тебе читают вслух, а ты следишь за текстом.

Как взрослому, не имеющему проблем с чтением, понять, что испытывает ребенок-дислексик?

Верить на слово. Дело в том, что ребенок не знает, что с ним не так. У него по-другому никогда не было. Когда я поняла, что у меня дислексия, для меня самым большим изумлением было, что, оказывается, у других людей не так. Оказывается, людям важно, в какой последовательности стоят буквы в слове. Оказывается, если написать слово с другой буквой, они не всегда понимают, о чем речь. Дислексики умеют с детства видеть лес, не замечая деревьев. К черту подробности – чтобы выжить, нужно быстро схватить суть. Какая разница, «а» или «о», стоят запятые или не стоят? О чем текст? Что важно? Суть выхватил, картинку в голове представил – прочитал.

Я не могу написать слово, если я его никогда не видела. Я думала, у всех так. Оказывается, другие люди могут. Чтобы запомнить, как пишется слово, мне нужно несколько раз написать его рукой, тогда заработает механическая память. Оказывается, люди могут писать на слух. Как можно понять, что в слове «люблю» «ю», а не «у», если ты его никогда не видел? Для меня это магическое умение.

Вы смогли стать не только читателем, но и писателем. Мешает ли вам дислексия в писательской работе?

Не мешает при наличии грамотного соавтора. Потому что, несмотря на то что я очень многому научилась и в русском языке дислексия практически компенсировалась, я часто делаю чудовищные ошибки. И самое страшное, я их не вижу.

Мои рукописи любой редактор отверг бы с ужасом, если бы Андрей их не перечитывал.

Но когда я пишу, я проговариваю текст. Я слышу текст внутри себя. Я понимаю, какие слова использовать, чтоб не фальшивить. Я умею переводить эмоции в слова. Сбой идет на этапе перевода слов в буквы.

Как мы мешаем ребенку полюбить книги

Как испортить читателя в домашних условиях

Вроде бы совершенно очевидно, что для воспитания читателя нужно приложить немало усилий. Но жизнь чрезвычайно иронична: часто родители и учителя убеждены, что прививают ребенку любовь к чтению, а на самом деле их старания только отвращают его от книг. Было бы приятно написать о таких забавных взрослых в третьем лице, но ведь и я одна из них. В начале книги я рассказывала новогоднюю историю о дочери и ее отчаянном «Не смейте читать!». Как же нам с мужем удалось настолько достать Лию?

С высоты своего опыта могу предложить перечень вредных советов. С большой долей вероятности они помогут вам испортить отношения ребенка с книгой в первые пять лет, а то и быстрее. Впрочем, не исключаю, что в руках других родителей наши провальные методы могут сработать иначе.

1. Не задумываясь, влезайте с предложением что-нибудь прочитать в любые игровые ситуации. Используйте каждую свободную минуту: моменты отдыха, время ужина или вечерних объятий. Как бы вы восприняли предложение поработать дома после работы? Массажист был бы счастлив сделать родственникам массаж, учитель – проверить тетради своих детей, повар – приготовить еду. Логика ясна. Если вы так же, как и я, цинично сдаете ребенка в садик, где он вообще-то целый день чему-нибудь учится, то наверняка знаете: нет для него большей радости, чем освоить вечером пару новых навыков. Можно еще порешать математические примеры или пообводить цифры по точкам.

2. Спрашивайте про чтение и книги как можно чаще. Через день-другой после того, как вместе что-то прочитали, обязательно задайте вопрос о прочитанном, попросите пересказать. Двигайтесь в сторону того, что в школе называется «проходить», уже сейчас. Если у ребенка случился интимный читательский опыт и он получил дозу литературы на стороне: в саду или с другим родственником, – смело вторгайтесь. Интересуйтесь, спрашивайте, требуйте поделиться впечатлениями. Раз уж взяли на себя роль ответственного за литературное воспитание, жмите

до конца.

3. Все время читайте ребенку вслух, хочет он того или нет. Начните с виммельбухов. Навязчиво комментируйте все картинки. Не сдавайтесь, если ребенок не разделяет ваш энтузиазм. Или если находит другой способ взаимодействия с бумагой. Да, вы знаете, что ведущий тип деятельности в этот период – игра. Так почему бы тогда детям не сыграть с вами в хороших детей хороших родителей? По желанию «хороших» можно заменить на «умных», «правильных», «лучших». В общем, следовать нужно за целью, а не за ребенком, особенно когда цель благая.

4. Семейное чтение вслух – это, конечно, хорошо, но пробовали ли вы смешивать его с обучением? Ребенок внимательно слушает сказку или что-то помощнее в вашем исполнении, и тут вы просите прочитать название следующей главы. Серьезно, это лучшее, что я сделала, чтобы моя дочь разлюбила «читать» перед сном. Вообще-то формула «страничку – я, страничку – ты» может и сработать. В пять с половиной Лия с удовольствием напополам со мной читала название следующей главы и с нетерпением ждала завтрашнего сеанса вечернего чтения, чтобы узнать, что скрывается за названием. Но за полгода до этого, когда ей было пять, злилась и расстраивалась. Так что вредите с учетом индивидуальных особенностей вашего ребенка.

5. Не менее важно одновременно недооценивать и переоценивать своего ребенка. К пяти годам Лия знала многие сказки братьев Гримм, слушала в аудиозаписи Андерсена, Астрид Линдгрен, Драгунского, Зощенко, всех «Незнаек», «Нильса», мы читали ей «маленькую» трилогию Отфрида Пройслера, детские стихи Григорьева, Чуковского, Маршака, Заходера, Ренаты Мухи, Вадима Левина, Хармса, Введенского и даже Мандельштама, книги «Самоката» и «Поляндрии». Означает ли этот далеко не полный список, что ребенок уже сейчас должен научиться читать и отправиться в мир самостоятельного чтения без страховки? Разумеется, означает: кто способен хорошо воспринимать информацию и строить сложные предложения, в состоянии осилить и чтение. Так что универсальный вредный совет: не стоит хвалить ребенка за то, что ему уже удалось, обязательно дайте понять, что ему еще есть над чем работать!

Надо признать: мы с мужем попали в типичную родительскую ловушку. Нам хотелось, чтобы дочь стала лучшей версией нас. Но правда в том, что человек может стать только лучшей версией себя. Не факт, что в погоне за поощрением чужих надежд и амбиций, а в этом случае мама и папа – чужие, ребенок не

возненавидит область, в которой он «должен» реализоваться. Нет, мы не выкинули книжки. И не оставили мечты о том, что Лия захочет читать. Но я запретила себе и мужу настаивать, манипулировать, незаметно подталкивать и так далее.

Вскоре после той злополучной елки у меня с Лией состоялся разговор: она объяснила, что читать самой очень сложно, что она пока к этому не готова, но послушать, как читаем мы, не против. Это уже не было криком детского сопротивления, а звучало как четко сформулированная позиция, которую мы услышали и приняли.

Меня и саму в детстве слегка подпортили как читателя. Разумеется, хорошего тоже было много, но о нем позже. Возвращаясь к своим детским воспоминаниям, я понимаю, как делать не надо. И надеюсь, что теперь, когда мои первые попытки вырастить читателя провалились, я хотя бы найду в себе силы отказаться от удовольствия воспроизвести мамины и папины ошибки.

Опережающее чтение

В интервью папа с гордостью вспоминает как Майя в третьем классе прочитала Гомера. Легко понять, что родителей это впечатлило. Правда, идея прочитать «Илиаду» в девять лет принадлежала вовсе не самой сестре. Были и другие книги, осиленные раньше времени. Не думаю, что опережающее чтение всегда полезно. И уж точно интерес к литературе, соответствующей возрасту, не уменьшает заслуг читателя. Не нужно поощрять только лишь опережающее чтение. К тому же стоит помнить, что умиление при виде ребенка, читающего недетские книги, может оказаться не менее разрушительным, чем попытки сделать из него вундеркинда. Литература здорово влияет на психику и мировосприятие. Так почему бы не разрешить читающим детям оставаться детьми?

> *До того как я начал много и подолгу читать, и попросту до того, как мне стало нравиться читать и это стало всерьез менять мою жизнь, я был обычным мальчиком, для которого чтение было списком на лето и чем-то ужасно занудным, что никак не может доставлять удовольствие. Также оно ассоциировалось с вечерним чтением, которое устраивали родители. Возможно, в пользу моей скуки сыграло то, что в нашей семье при выборе книги никто никогда не ориентировался*

на возраст потенциального читателя. Так, мне в семь лет приходилось слушать «Мертвые души», а теперь мой младший брат (семь лет) слушает «Попрыгунью» Чехова, и его еще спрашивают, что он о ней думает. Один раз, когда болел, где-то в возрасте восьми лет, моя мама развлекала меня «Крысоловом» Цветаевой.

Леонид Х., 12 лет, Санкт-Петербург

Завышенные ожидания

Я читала, но до планки, поставленной сестрой, мне было не допрыгнуть. Например, родители страшно гордились тем, что Майя, кажется, в девять лет смогла за летние каникулы выучить наизусть сорок стихотворений. Моя неспособность повторить этот подвиг и некоторые другие литературные достижения сестры автоматически низводили меня до статуса нечитающего ребенка. О том, что память бывает разной и дети – тоже, никто не думал. От сестры ждали многого, периодически в семье поговаривали даже о гениальности. Наверное, отчасти родители были правы: тип мышления Майи по-своему уникален. И все-таки не стоит делить мир чтения на черное и белое, а детей – на читающих гениев и нечитающих простачков.

Из-за конфликта между ожиданиями родителей и реальностью чтение часто травмирует. Когда на читательскую травму накладывается травма сравнения с другим ребенком, шансы вырастить читающего человека стремительно уменьшаются. Каждому нужны свои книги, соответствующие интересам, темпераменту, характеру. Чем подбирать для ребенка травмоопасный ориентир, лучше подобрать ему, отдельному, особенному человеку, список книг, подходящих по возрасту и по духу.

Подкуп

Когда я подросла, родители уже поняли, что дарить подарки за чтение – ошибка. Но мою сестру за книжные достижения поощряли материально. За «Илиаду», «Одиссею», мифы Древней Греции, знание сюжетов и героев – первая настоящая Барби, за стихи наизусть – ручка «Паркер». Хорошо хоть идею выучить главу «Илиады» забросили: глава гекзаметром – перебор даже на фоне всего остального перебора.

Недавно я спросила Майю, с которой мы, несмотря на старания родителей, очень близки, чем для нее обернулась история с Гомером. Она сказала, что читать было интересно, но интерес к Барби все же перевешивал. Из хорошего – в семье осталась легендарная история, как сестра, начавшая уже понемногу верить в греческих богов, случайно уронила «Илиаду» в унитаз. Испугавшись содеянного, она начала молиться – бабушке пришлось бежать к туалету на вопль: «Зевс-громовержец, о боги Олимпа!» В остальном довольно грустная история: невротизация вокруг системы вознаграждения и убежденность в том, что получить вожделенную куклу можно, только приложив огромные усилия. При этом сами гомеровские сюжеты быстро забылись, и, когда Гомер понадобился в институте, Майя не помнила уже ничего. Перед экзаменом она прочитала краткое содержание: оригинал вызывал только ужас, повторить подвиг сестра не решилась.

Полная свобода

Папа беспокоился о том, чтобы я читала, но при этом глубоко моим чтением не интересовался. Мама отвечала за школьную программу, в остальном в детали тоже не вдавалась. Никто не знал, что в 12 лет в гостях у бабушки я окончательно полюбила читать, найдя в чужом шкафу «Прощай, оружие!» Хемингуэя. Никого не смущало, что в мои тринадцать из комнаты, где хранилась бóльшая часть домашней библиотеки, ненадолго пропала «Москва – Петушки». Может, и это осталось вне поля зрения взрослых. Все положительно относились к семи романам Кундеры, которые я планомерно осваивала с 15 лет. Я рада, что одним из результатов подросткового чтения стала насыщенная юность, хотя не отказалась бы избежать некоторых литературных установок: можно было чуть меньше увлекаться страданиями, саморазрушением и поисками демонического героя.

Я не утверждаю, что книги навредили мне, но убеждена, что, прочитанные не вовремя и отрефлексированные в одиночестве, они на это способны. Ни в коем случае не следует запрещать детям читать какие-то тексты, но хорошо бы интересоваться, что читает ребенок, какая литература его формирует, – не столько для контроля, сколько для честного человеческого диалога.

Как помочь ребенку? Приемы родителей

Помочь детям стать активными читателями гораздо сложнее, чем раз и навсегда привить отвращение к литературе. И все же ничего невозможного в том, чтобы наладить отношения ребенка с книгами, нет. Я уже говорила, что мои родители не только ошибались, беспокоясь о читательском будущем дочерей. Да и мы с мужем после нашего первого провала кое-чему научились. Во всяком случае, теперь не мы умоляем Лию послушать на ночь книжку, а она нас – почитать ей. Сложив свой детский опыт чтения с материнским опытом воспитания читателя, я составила список работающих приемов. В ходе его составления ни один ребенок не возненавидел чтение.

Семейное чтение

Чтобы ребенок без проблем зачитал, его должны окружать книги и читающие родственники. Когда я еще не умела читать, у меня всегда были для этого взрослые. Папа принимал в ритуальном чтении вслух мало участия. Разве что, когда перед сном читала мама, приходил, брал книгу и начинал забавно перевирать написанное. Я веселилась и злилась одновременно. Но чаще всего читала бабушка. И это было идеально. Она читала мне в основном детскую классику. Лучше всего я запомнила «Пеппи Длинныйчулок». Сама бабушка была всеядным читателем и вообще не страдала снобизмом. Так что читала она просто, смеялась вместе со мной, но могла и заснуть на середине страницы. Кроме того, бабушка проводила со мной больше всего времени и, главное, принимала меня такой, какая я есть. Честно говоря, в рейтинге взрослых она без особой конкуренции занимала первую строчку.

Когда ты маленький и тебе читает самый близкий человек, это как минимум остается ценным воспоминанием о детстве и повышает шансы полюбить чтение хотя бы как форму ностальгии. Была и другая бабушка, отношения с которой совсем не складывались. Единственное, что мне в пять лет доставляло удовольствие в ее обществе, – слушать, как она раз за разом читает одну и ту же книгу об ивритском алфавите. Собственно, пять мне и было, когда эта бабушка умерла. Я запомнила отголоски скандалов, детское чувство вины за то, что родная

бабушка вызывает раздражение, день ее смерти и то, как она безропотно соглашалась снова прочитать полюбившуюся мне книгу. Мне важно и дорого, что среди непростых воспоминаний нашлось место для чего-то светлого и это именно воспоминание о чтении.

Читать сто раз подряд – скорбный удел взрослых. Это надо принять. Признаюсь, я не всегда готова на подвиг. Я не против каждый день возвращаться к небольшой детской книге какого-нибудь симпатичного современного издательства. Допустим, на «Трех разбойников» Томи Унгерера душевных сил у меня хватает всегда, это каждый раз одинаково весело и мило. Но перечитывать только что законченную главу книги побольше я не в состоянии, каким бы мощным ни было стремление вырастить читателя. Когда я снова и снова слышу от Лии: «А давай сказку „Про все сразу“», то считаю эту просьбу кармическим возмездием за сказку об ивритском алфавите.

Хорошая детская литература многослойна: она адресована детям, но интересна и взрослым. Поэтому ролью чтеца можно воспользоваться, чтобы заново познакомиться с дорогими книгами из своего детства. Время открыть для себя политический подтекст «Чиполлино», найти в «Незнайке» отсылки к «Ревизору», разглядеть в Карлсоне трикстера, а в Пеппи – пример girl power. Еще, читая детям, можно наверстать собственные литературные пробелы. Так, в детстве я обожала книги Астрид Линдгрен, но многие из них почему-то прошли мимо меня, видимо, оказавшись за пределами внимания бабушки. Я с огромным удовольствием читала дочери то, что когда-то не прочитали мне, а параллельно изучала биографию Линдгрен, ее многолетнюю переписку с девочкой-подростком («Ваши письма я храню под матрасом») и знаменитую речь «Нет насилию», к сожалению, до сих пор актуальную в мире, где с завидным постоянством звучит псевдоаргумент «меня били, и ничего».

> *Чтение – это отношения, отношения между читающими, поэтому так важно читать вслух, почти так же важно, как разговаривать. Чтение вместе – общее пространство безопасности и защищенности; об этом говорят дети, которым повезло: в их семьях находят время и место для чтения вслух. И мы много читаем на уроке вслух и говорим о том, что звучит и оживает перед нами.*
>
> *Марина Анатольевна Павлова, Москва, стаж преподавания 30 лет*

Своя библиотека для маленьких

Лучше всего выделить персональное место для детской библиотеки, чтобы пяти-шестилетнему человеку не составляло труда дотянуться до собственных книг. Это может быть отдельная коробка, низко расположенная полка в общем шкафу или небольшой стеллаж. Зона самостоятельности, личное пространство уже важны в дошкольном возрасте, несмотря на то что бóльшую часть времени ребенок, скорее всего, предпочитает проводить у вас на голове. Мы купили дочери кровать-чердак и обустроили нижний ярус как секретный домик, куда и перенесли большинство ее книг. До избы-читальни не дотянули: все равно читаем в нашей постели, – но само ощущение, что чтение теперь стало территорией выбора Лии и ее желания, явно греет огромное эго маленького человека. Недавно Лия затеяла вместе с бабушкой уборку в детской, заодно они устроили перестановку в подкроватной библиотеке. Выяснилось, что у ребенка есть любимые книги, которые надо поставить поближе, чтобы их было удобнее доставать. Думаю, подобный опыт чрезвычайно полезен: Лия почувствовала себя хозяйкой своих книг – взрослым человеком и осознанным читателем.

Библиотека с тайной для детей постарше

Когда я была маленькой, у нас была потрясающая домашняя библиотека. Меня всегда поражало, что кто-то из одноклассников берет книги в школе. Ни разу за десять лет в программе по литературе не нашлось произведения, которого бы у нас не было. Количество книг в квартире родителей до сих пор вызывает у меня чувство стыда и ощущение собственного ничтожества не столько перед величием, сколько перед неисчислимостью мировой литературы.

В моей комнате стоял отдельный шкаф с детскими книгами. Особенно мне нравилось тянуться, вставая на стул, к верхней полке. То есть была некая иллюзия труднодоступности, и она меня отдельно мотивировала. Но еще больше мне нравилась та часть библиотеки, которая хранилась в магической «маленькой комнате» – из-за протечек, потолка, грозившего в любой момент рухнуть, и хлама жить в ней было опасно. Ничто в квартире не вызывало у меня такого интереса, как «маленькая комната». Я предпочитала проникать в нее тайком. Кажется, эти вылазки не поощрялись родителями, потому что в комнате стояла жуткая холодина. Отдельным приключением было включить свет. До

тумблера надо было еще допрыгнуть, к тому же он был старым и какой-то неудобной формы, так что с первого раза зажечь свет не удавалось. Приходилось некоторое время подпрыгивать в темной, холодной запретной комнате. В ближайшем доступе оказывались только два шкафа, добраться до остальных, еще и незамеченной, было настоящим квестом.

Это не значит, что во благо детского чтения стоит разрушить что-нибудь в квартире. Но, полагаю, многие дети постарше предпочтут легкодоступным книгам с нижней полки те книги, что спрятаны подальше и как будто бы немного запрещены.

Публичная библиотека

Найдите симпатичную библиотеку в своем районе. Сегодня библиотеки становятся центрами чтения: в них не только выдают книги, но и устраивают самые разные книжные мероприятия, в том числе встречи с писателями. В Лиином детском саду раз в неделю принято проводить занятие в библиотеке по соседству. В моем детстве библиотеки не предлагали особенных развлечений, все необходимые книги были у нас дома, так что увидеть меня в библиотеке можно было только летом. На летние каникулы родители старались снимать дачу в Зеленогорске, небольшом курортном городе в Ленинградской области. Книг мы с собой, разумеется, не брали. Жизнь в Зеленогорске была небогата светскими выходами. Возможно, поэтому посещение местной библиотеки казалось целым событием. Я обожала не только выбирать книги, но и изучать детали библиотечного быта: читательские билеты, алфавитные каталоги в выдвигающихся ящичках.

Библиотека подстегивала мой читательский интерес, включала спортивный дух. Он у меня всегда легко включался, если речь не шла о настоящем спорте. Требовалось выбрать ограниченное количество книг и прикинуть, сколько времени потребуется на чтение. Отдельное удовольствие – вернуть все раньше назначенного срока. Я не люблю соревнования и считаю их отвратительной педагогической практикой. Но это было соревнование с самой собой, зародившееся в естественных условиях, без вмешательства взрослых.

> *У меня подруга работает всю жизнь в Центральной городской детской библиотеке, и я около сорока лет, когда получала пятый класс, раз в месяц водила детей к ней в библиотеку. Они готовили какую-нибудь презентацию,*

рассказ к походу. И так каждый год этим занимались – к старшим классам они к этому делу привыкали. Брали книги из библиотеки и менялись ими друг с другом. Это давало какую-то привязку к книге, к библиотеке. Библиотекари тоже готовили материал, показывали им интересные книги. Ребятам это нравилось. Они, выпускаясь из школы, вспоминали об этом. Потом те, кто оставался в Подольске, уже детные, сами заходили в библиотеку.

Галина Григорьевна Щербакова, Подольск, стаж преподавания 47 лет

Время на чтение

Если взрослому сложно взяться за книгу после тяжелого рабочего дня, то ребенку после школы и пары дополнительных занятий – тем более. Уже упоминавшееся исследование РДГБ, в котором участвовали в основном школьники, посещающие библиотеки, показало, что почти 20 % подростков 11–15 лет читают только на каникулах. Вероятно, кто-то из опрошенных использует каникулы, чтобы одолеть программный список, а кто-то действительно любит читать и готов тратить на книги освободившееся время. Как бы то ни было, в учебный период нагрузка настолько велика, что на досуговое чтение не хватает ни сил, ни часов в сутках. Чтобы ребенок читал, ему нужно свободное время. Научный сотрудник отдела социологии РДГБ Александра Березина, представляя результаты исследования 2019 года, говорила о том, что подросткам не хватает насыщенной внутренней жизни, которая бы порождала потребность искать в книгах ответы на важные личные вопросы, обеспечивала бы эмоциональную связь между читателем и художественным произведением[33]. Полагаю, для образования такой внутренней жизни тоже нужно свободное время. Чтобы родился запрос на интеллектуальный досуг, для начала хорошо бы успевать дышать между школьными уроками и дополнительными занятиями.

До 16 лет у меня не было ни компьютера, ни интернета. Кружков стало много только к 14–15 годам, но именно они были основой насыщенной внутренней жизни и чтению абсолютно не мешали. В младшей и средней школе я могла в порядке развлечения говорить с друзьями по городскому телефону, слушать русский рок на кассетах и записывать на магнитофон свой голос, смотреть телевизор (правда, делать это подолгу

родители не разрешали), рисовать, играть. Неудивительно, что чтение меня потихоньку затянуло. Свободного времени было много, а досуга – нет. Поэтому моим досугом стали книги.

Время на скуку

Когда ты постоянно занят, скучать не приходится. А ведь иногда поскучать необычайно полезно! Скука провоцирует интерес к чтению и саморазвитию. Мои читательские всплески в детстве и подростковом периоде часто бывали связаны с изоляцией: дача, домашняя скука, больницы, поездки к бабушке, одиночество в школе. Когда некем и нечем себя занять, книжный шкаф оказывается не хуже телевизора или интернета. Может быть, лучший способ вовлечь ребенка в чтение – случайно создать условия изоляции. Не дай бог делать это специально, но, если обстоятельства сами складываются подобным образом, у книг повышаются шансы.

Кто в здравом уме мог представить, что мои ученики в течение полутора месяцев компанией от пяти до десяти человек будут слушать, как я читаю им вслух онлайн? Но пандемия коронавируса усадила всех по домам, и мы вместе прочитали в режиме видеоконференций «Героя нашего времени» и «1984». Не стоит думать, что, дорвавшись до возможности поскучать, дети будут сутками играть в компьютер и переписываться в соцсетях. Это как суп из конфет: сначала здорово, а потом слишком сладко. Один мой ученик во время карантина приходил слушать книги в зуме именно потому, что ужасно устал от компьютерных игр.

Книги, способные выдержать конкуренцию

Дошкольнику сложно оценить медленное удовольствие, если рядом лежит пульт от телевизора, мгновенно переносящий в мир ярких картинок (не говоря уже об айпаде). Поэтому и книжки надо выбирать так, чтобы они захватывали ребенка с головой.

Когда мы читали «Мио, мой Мио» Астрид Линдгрен, Лии настолько нравилось находиться в непрерывном напряжении и бояться жестокого рыцаря Като, что мне пришлось изо всех сил сопротивляться, чтобы по окончании повести не начать сразу же читать ее заново. Достойной заменой острым ощущениям стал смех: застрявший головой в супнице Эмиль из Леннеберги обеспечил несколько минут непрерывного хохота. И хотя Лия честно признается, что мультики любит больше чтения и ни на

что их не променяет, я ни разу не видела, чтобы они спровоцировали такой же приступ смеха, как приключения неугомонного шведского мальчика из книжки.

В школьные годы о добровольном чтении, скорее всего, придется забыть: обязательный список классики, отсутствие выбора и свободного времени не способствуют читательскому росту. Вот почему так важно до школы создать ребенку условия, в которых он ощутит интерес к чтению. Для этого хороши тексты, вызывающие сильные эмоции. Дети вряд ли запомнят хитрые сюжетные повороты, но связка «книга – яркая эмоция» в памяти останется.

Книги без гендерных установок

Не стоит при выборе книги отталкиваться от половой принадлежности ребенка. Пока вы предлагаете мальчикам исключительно приключенческую литературу, а девочкам – душещипательные истории о лошадях, можно случайно пропустить то, что детям по-настоящему интересно. Ничего страшного, если мальчик почитает о принцессах, а девочка о пиратах, не случится. В деле приобщения к чтению лучше вообще отбросить предубеждения и поставить во главу угла интересы ребенка. А вот от чего действительно стоит отказаться, так это от антинаучных энциклопедий для девочек и мальчиков, где транслируются гендерные установки времен «Домостроя». Стремление вырастить читателя, а значит, умного, рефлексирующего, эмпатичного человека вообще плохо вяжется с воспитанием суровой маскулинности и хрупкой женственности. Кстати, хорошие детские книги о гендерном вопросе все-таки существуют. Тем, кому как и мне, близка идея равноправия полов, могу порекомендовать книгу «Женщины и мужчины», вышедшую в 2018 году в издательстве «Самокат».

Книги попроще

Если не удается увлечь ребенка книгами, которые кажутся вам хорошими и правильными, попробуйте найти плохие и неправильные. Знала бы я, что Лия захочет читать благодаря огромному тому по мотивам мультфильма «Гравити Фолз», не подсовывала бы ей так старательно то, что нравилось мне самой в детстве.

Как-то раз моя мама принесла из магазина книгу. Она подарила мне ее со словами, что какой-то мальчик приходил в этот же магазин сорок раз и покупал по очереди сорок книг из этой серии. Я лег на диван и в первые пять минут чтения ничего не понимал, но после часа меня было уже не оторвать. Это были «Коты-воители». Сорок томов промелькнули с неожиданной скоростью. Несмотря на их сомнительную культурную ценность, для меня они значили очень много. Они показали мне, что книге не обязательно быть скучной. Такой опыт помог мне справляться с огромным потоком книжной информации. В общем, после этого я начал читать.

Леонид Х., 12 лет, Санкт-Петербург

Начинающего читателя могут пугать большие блоки текста, поэтому не грех начать чтение с комиксов, манги или даже книг по мотивам компьютерных игр. Ключом к детскому чтению нередко оказывается нон-фикшн: детям нравятся книги о животных, астрономии, истории, анатомии. Например, Лия в четыре года обожала книги о здоровье и гигиене, а ближе к шести решила, что к школе она должна как можно больше узнать о мире, чтобы не ударить лицом в грязь перед первой учительницей. Так что теперь мы килограммами закупаем детские энциклопедии.

Надо сказать, что тот же путь от массового чтива к литературе проходят и дети постарше. Я знаю девушку, продравшуюся к «элитарному» чтению через «Сумерки». Вряд ли она одинока. Есть чтение для расслабления и развлечения, и ничего зазорного в нем нет. А иногда движение к книге начинается от мультфильма или фильма. Мне как учителю порой пригождаются и сериалы. Не так давно я начинала цикл уроков по античной трагедии с демонстрации отрывка из «Дикого ангела». И, судя по результату, это было верное методическое решение.

Игнорировать школьную программу иногда хочется, но не можется. Вспоминаю, как мы с нашим учителем вместо чтения «Идиота» Достоевского смотрели одноименный сериал. В итоге я прочитал еще и книгу. Могу точно сказать, что ничего не потерял, а даже, наоборот, приобрел.

Валерий, 16 лет, Челябинск

Незнакомые книги

Есть подозрение, что родители не просто хотят, чтобы дети читали, но ожидают, что они полностью повторят их читательский путь. Мы спускаем сверху все самое дорогое для нас и жутко злимся, не получая ответной радости. Но ведь есть и другой способ создания общего интеллектуального и эмоционального пространства с ребенком: постигать новое вместе. Современная детская литература поднимает важные проблемы толерантности, инклюзии, инаковости. Будет здорово, если вы вместе с ребенком задумаетесь о подобных вопросах, тем более что со многими из нас в детстве обо всем этом почти не говорили. Я не самый сентиментальный человек, но, читая Лии книгу Бирты Мюллер «Планета Вилли» о мальчике с синдромом Дауна, не сдержалась и заплакала. И подумала о том, насколько таких историй не хватало, когда я была маленькой.

Может быть, ваши дети никогда не полюбят «Робинзона Крузо» так, как вы. Но если настойчиво предлагать проверенную временем детскую классику и не искать ничего нового, способного заинтересовать в первую очередь самих детей, а не вас, то можно отвратить от чтения навсегда. Чтобы ребенок зачитал, он должен встретить «свою» книгу. Здорово, если вы окажетесь рядом и сможете разделить с ним этот опыт.

Недочитанные книги

Не стоит в раннем детстве продолжать читать книги, очевидно порождающие скуку и отторжение. Не дочитывать можно, а иногда и просто необходимо. Преодоление себя в процессе чтения полезно лишь тогда, когда человек вышел на определенный читательский уровень, когда книга в его представлении уже стала приятным и предпочтительным содержанием досуга. Вот тогда можно не без удовольствия продираться сквозь многостраничное описание тайги у Астафьева или ломаную грамматику Платонова.

Миф о том, что любой текст от наклейки на освежителе воздуха до «Улисса» нужно непременно дочитывать до конца, неистребим. Помню, как в детстве с легкостью прочитала «Робинзона Крузо», «Последнего из могикан», «Всадника без головы», но романы Жюля Верна мне так и не дались. А набор фигурок «Собор Парижской Богоматери», которые мы с сестрой коллекционировали за несколько лет до этого, никак не помог осилить Гюго. Я два-три раза брала роман с полки и, потерпев

очередное поражение, возвращала на место.

Я бросала книги, но вместо облегчения ощущала тяжесть своей читательской несостоятельности. К сожалению, до конца избавиться от этого чувства так и не удалось. Вот если бы тогда кто-нибудь сказал мне маленькой, что не дочитывать нормально… Чаще я откладывала книги не столько от скуки, сколько от страха не справиться. Например, у нас дома был роман «Петр I» в каком-то невообразимом издании: на его примере можно объяснять детям, что такое фолиант. В студенческие годы я начинала читать «Петра I» в электронной версии и очень увлеклась, но до конца не выдержала, так и не смогла избавиться от образа гигантского, непреодолимого тома. Впрочем, тут у нас с Толстым паритет: он не дописал – я не дочитала.

Я все еще корю себя, когда забрасываю очередную книгу, но, слава богу, продолжаю это делать. Надеюсь, мне удастся вырастить ребенка, уверенного в своем праве как оставить книгу на полпути, так и вернуться к ней в любом возрасте.

Без книг

Детское внимание изменчиво. За ним всегда стоит интерес, актуальные для ребенка потребности, и было бы удивительно и даже вредно для общего развития, если бы в дошкольный период в приоритете постоянно оставалось чтение. Дети успеют стать начитанными снобами с плохой осанкой к 25–30 годам, и это обязательно вызовет у вас родительскую гордость, а у их потенциальных партнеров – симпатию, но в дошкольном возрасте ведущей деятельностью должна оставаться игра, в том числе связанная с двигательной активностью.

Через два-три месяца после категорического отказа Лии от чтения мы испортили ребенку режим дня, потому что до ночи зачитывались «Мио, мой Мио», причем между первыми главами и всей повестью потребовался минимум месяц перерыва. Это в школе нет возможности бросить Толстого на полпути и вернуться к нему через месяц-другой. А пока никакого обязательного списка еще нет, нужно пользоваться этим и не бояться, что кратковременная потеря интереса к чтению будет слишком дорого стоить.

Перерывы нужны и вам. Да, все говорят, что чтение в детстве должно стать ритуалом. Также все говорят, что важно не количество времени, проведенного с ребенком в одном пространстве, а его качество. Где-то вы прочтете про двадцать, а где-то про сорок минут качественного времени вместе, которые

делают из «ужасного» родителя «сносного» и кое-как притупляют чувство вины и чрезмерную рефлексию. Очень удобно посвятить спасительные минуты ритуалу совместного чтения. После долгого рабочего дня такая перспектива кажется намного соблазнительней активной деятельности (и не говорите, что вы никогда не читали с упоением статьи в духе «101 игра, не требующая от взрослого вставать и открывать глаза»).

Однако важный ритуал никуда не испаряется, переставая быть ежедневным. Дети могут временно утрачивать интерес, а вы – силы. Необязательно мучить себя, если к моменту укладывания или другому времени, выделенному в вашей семье под чтение, вы вдруг неожиданно закончились. Еще ни один ребенок не стал несчастнее из-за того, что привычные книжные полчаса разок заменили мультфильмом. Думаю, ни один родитель, предложивший такую замену, не попал в специальный ад для родителей. И это точно не та воспитательная ошибка, о которой спустя десятилетия рассказывают психотерапевту.

Более того, если вы начнете вспоминать счастливые моменты из своего детства, выяснится, что многие из них связаны с непростительным поведением взрослых, покупавших мороженое, когда нельзя, разрешавших смотреть мультики в неположенное время, позволявших прогулять школу. Одно из самых ранних и самых теплых моих воспоминаний – бабушка, тайком давшая мне перед сном жвачку. Не какую-нибудь приличную, а такой цветной химический шарик из блистера. Наверняка еще и после того, как я уже почистила зубы. Шалости и нарушения, которые сегодня кажутся жуткой родительской оплошностью, завтра могут стать для повзрослевших детей опорой, ценным психологическим ресурсом.

Перерывы в чтении возникают и на пути более взрослых читателей: и в начальной школе, и в подростковом возрасте, и в студенчестве. Обратитесь к своему опыту: наверняка остановки были и у вас, но читать вы от этого не перестали.

> *Кстати, не понимаю, в чем смысл так категорично разделять людей на читающих и нет. Это ставит человека перед однозначным выбором, и если он просто не находит много общего с ботаником, который постоянно сидит с книжкой, то сразу определяет себя в ряды нечитающих. Выбрал сторону – следуй правилам. Если человек идентифицировал себя так изначально и поставил себя по другую сторону от книг, то это перерастает в некую привычку и непринятие.*
>
> *Лиза, 16 лет, Санкт-Петербург*

Я читал настолько самозабвенно, что к четвертому классу посадил зрение до минус трех и надолго забросил чтение. Это был «тяжелый» период, свойственный подросткам (забегая вперед: не думаю, что он закончился). Друзей у меня не было, поэтому свободные часы я проводил в столярной мастерской отца или с гитарой в руках. На книги совсем не оставалось времени, и этот отрезок жизни мне вспоминается сейчас как довольно темное время. Сейчас же я тот, кто я есть, именно благодаря книгам.

Иван, 17 лет, Рязань

Чтение как игра

Поддерживать интерес к чтению можно и в свободное от него время: игры по мотивам книг, рисование героев, совместное сочинение фанфиков – все это идет на пользу, если находит у ребенка отклик. К фантазиям вообще нужно относиться бережно. Например, ни в коем случае нельзя ругать детей за то, что они изображают чтение, глядя в книгу и сочиняя текст на ходу. Это необходимый этап, развивающий в ребенке творческое начало и приближающий к настоящему самостоятельному чтению. Однажды, «читая» прабабушке по скайпу, Лия произнесла: «Машину времени построили в 25-м году. Ее изучали так нежно, как будто это котенок». При иных обстоятельствах мы бы и не узнали, какая альтернативная реальность живет в голове нашей дочери.

В шесть лет я с удовольствием рассматривала альбомы ренессансных художников и раскладывала их на прилавке воображаемого книжного магазина. Другим источником игр стали мифы Древней Греции. Я рисовала по их мотивам, играла в древнегреческих богов (себе обычно выбирала роль Гебы, видимо, из-за Тютчева) и даже устраивала родителям выставки рисунков с экскурсиями. Сакральность книг в нашей семье была не безграничной: играть в них разрешалось. А вот за испорченные иллюстрации в книге Вадима Левина мама, конечно, ругала – ее расстройство мне понятно, но, когда ты ребенок, любой контурный рисунок в книге кажется недвусмысленным призывом к раскрашиванию.

Чтение как шалость

В подростковом возрасте хочется нарушать запреты. Подросток неизбежно будет пробовать то, что ассоциируется со взрослой жизнью, делать необходимые для инициации глупости. Чтение способно стать для таких глупостей достойным пространством. А взрослые могут цинично воспользоваться пубертатной тягой к запрещенке для благородной цели – формирования у ребенка интереса к чтению. Метод скользкий и непедагогичный, но работающий.

> *Запрещенная литература на меня действует как запретный плод, то есть сорви и съешь. Например, я в 12 лет хотел посмотреть сериал «Игра престолов» и столкнулся со строгим запретом. Тогда я пошел на хитрость и заключил с родителями договор: если я прочту все книги по списку на лето, то смогу прочитать то, что захочу. За июнь я разделался со всеми (они, кстати, были весьма интересные) и за два месяца прочитал всю сагу «Песнь льда и огня». А когда уже прочитал, как-то глупо не дать посмотреть сериал.*
>
> *Владислав, 13 лет, г. Жуковский, Московская область*

В десять лет мне досталась лучшая книга для прилежной пятиклассницы – толстенный том «Русского школьного фольклора». Составитель Александр Белоусов собрал в нем страшилки, садистские стишки, пародии на басни Крылова, дразнилки – словом, все, чем развлекались школьники XX века. Вообще это научный труд, но меня, конечно, анализ по Бахтину тогда не интересовал. А вот сами перлы я запомнила намертво (при том, что память у меня так себе). Приводить их тут не буду – слишком много непристойностей и мата, но в пользе этого сборника именно для развития интереса к чтению я уверена. Он интересный, ужасно смешной, в нем масса литературных отсылок. Узнавание отсылок – отдельное удовольствие, подкрепляющее интерес к литературе и показывающее ребенку, насколько полезным может оказаться культурный багаж.

Конечно, тем, кто не приемлет нецензурной лексики, касаться этого труда не стоит. Но в моем случае семья спокойно относилась к любым языковым явлениям. «Русский школьный фольклор» сработал: в 12 лет я с увлечением читала стихи Державина и переписывала их матом, чем немало веселила одноклассников. Уверена, не для всех родителей это желаемый образ десяти-двенадцатилетнего ребенка. Можно искать и другие, не столь радикальные пути, но очень важно, чтобы ребенок

получил опыт чтения как шалости.

Словесные игры

Любовь к слову формируется не только в непосредственном контакте с книгой, но и в игре. Показывайте ребенку, как можно обращаться со словом, как играть с ним. К тому же словесные игры развивают речь, а вероятность вырастить читателя из человека с бедной речью мала.

Наше с папой общение один на один с детства было окололитературным. Мы много гуляли, ходили пешком на Крестовский остров и во время прогулок по строчкам сочиняли смешные, глупые стихи. Веселый сочинительский опыт тоже вводил меня в мир литературы, я училась получать удовольствие от слов. А еще мы играли в «слова», города, виселицу, «Эрудит». Тем же я занимаюсь с Лией. Поэтому ей интересно, какие слова рифмуются, она радуется, что из слова «фильм» с помощью приставки «мульт» получается «мультфильм». Чем больше языковых вопросов у нее появляется, тем сильнее растет интерес к книжкам. Привычка к игре со словом задает особый тип мышления, мировосприятия и со временем помогает открыть удовольствие от чтения.

Литературный проводник

Какую бы боль ни приносил отказ ребенка от чтения, родители зачастую столько работают, что качественно поддерживать интерес к литературе не могут чисто физически. Желая изменить ситуацию, но не имея для этого достаточного ресурса, они критикуют ребенка, тяжело вздыхают и в конце концов вводят какую-нибудь спасительную меру вроде принудительного часа чтения. Этот час, если вас и так мало в жизни ребенка, лучше потратить на совместное удовольствие. А для погружения в чтение можно найти взрослого «на замену».

Мне с таким взрослым очень повезло. В кружке «Анализ художественного текста», куда я попала в 14, Рахиль Израилевна Беккер вела занятия, после которых взахлеб читался и Сумароков. Затащить незаинтересованного школьника в литературный кружок невозможно, да и не нужно, поэтому важно понять, где ваши дети говорят о книгах чаще, чем с вами. Скорее всего, в школе. Большая удача, если любовь к чтению возникнет на уроках литературы, а не вопреки им. Может быть, лучшее, что в силах

сделать занятые родители, это найти школу с хорошим, подходящим ребенку учителем литературы.

Я училась в трех школах, с 5-го по 11-й класс у меня сменилось четыре учителя литературы, и только от одной пришлось сбежать. Но мне и не требовалась особая феерия: я просто всегда любила обсуждать тексты – неважно, на литературе или на уроках, где изучались традиции еврейского народа. На «Традициях» мы однажды обсуждали знаменитое высказывание древнееврейского мудреца Гилеля: «Если не я за себя, то кто за меня?» В случае с детским чтением родителям нужно воспринять этот вопрос как руководство к действию и найти значимого взрослого, который заменит их и поможет ребенку заинтересоваться книгами.

Когда я перешла в пятый класс, у нас поменялся педагог по русскому языку и литературе, которая не выносила 1) меня, 2) моего почерка, 3) моих ошибок в элементарных вещах, 4) идиотских мыслей в моих сочинениях. И еще она заставляла нас принимать участие в олимпиадах первого уровня, чтобы повышать свой рейтинг. Она меня не любила, потому что я не побеждала в этих олимпиадах.

Тогда мама решила, что нужна помощь педагога, который попытался бы заинтересовать меня чтением и анализом художественных произведений. Руководствуясь своей потрясающей интуицией, она нашла университетского преподавателя, который не просто «натаскивал» на решение тестов ОГЭ/ЕГЭ, но старался привить любовь к родной речи и литературе, во всяком случае – не оттолкнуть от своих предметов. Именно благодаря ей я поняла, что мне стоит развивать свое творческое начало, которое тогда только начинало проявлять себя. С тех пор все и началось. К 12 годам я прочитала многое из того, на что «забивала» раньше, устранила пробелы в области школьной литературы и написала свою первую повесть.

Ольга, 17 лет, Екатеринбург

Я не могу сказать, что мне не нравилось читать книги, нет. Отрицание вызывали только те произведения, которые были навязаны учителями и были обязательны к прочтению. Я не могу назвать себя послушным ребенком с простым характером, поэтому на протяжении периода нелюбви к чтению я пыталась активно высказывать свое

мнение, но ответ всегда был один: ты еще никто, чтобы иметь свое мнение.

Ситуация в корне изменилась с переходом в восьмой класс. Тогда в нашу школу пришла новый директор. Один раз у нас состоялся разговор, связанный с творчеством одного писателя. После него директор была удивлена тому факту, что я не люблю читать. Именно она указала верный путь и внесла значительный вклад в мое литературное образование. Осознанный выбор книг был под ее чутким руководством. И первой моей серьезной книгой, которую я прочла до конца, а не забросила, не прочитав даже половины, была «Педагогическая поэма» Антона Семеновича Макаренко. Кто-то может подумать: как книга педагога, в котором описаны методы воспитания сложных подростков, может заинтересовать ребенка? Да очень легко. Эту книгу я решила прочесть сама по совету директора, а не по указанию с пометкой «обязательно». Теперь эта книга в списке самых любимых, обсуждать ее сюжет я могу часами.

Соня, 17 лет, Орел

Книжный пиар

Родитель будущего читателя всегда должен оставаться немного пиарщиком. Нужно уметь соблазнять ребенка чтением, заманивать в этот мир: покупать книги с его любимыми динозаврами, с интерактивными элементами, аккуратно спойлерить, делиться собственными эмоциями от того или иного текста. Приемы с каждым ребенком будут срабатывать разные, даже с одним и тем же ребенком в разное время понадобятся разные зацепки.

Я помню два ярких момента, когда читала благодаря папиным «крючкам». Первый раз это был роман «Дубровский» после пятого класса. Если я чем-нибудь возмущалась или волновалась по какому-нибудь незначительному поводу, папа всегда говорил: «Спокойно, Маша, я Дубровский». Только ради этой фразы я прочитала роман. То, что ее в нем не было, меня ужасно разочаровало, а все-таки книжка была прочитана и оказалась интересной.

Во второй раз я перед поездкой в Крым после десятого класса спросила папу, какие книги из школьной программы взять с собой. Он предложил среди прочего «Котлован», сказав, что не

осилившему Платонова на филфаке делать нечего. Звучит, конечно, как пошлейшая учительская манипуляция, но папа искренне верил в свое сомнительное утверждение. Книжка Платонова так и не увидела моря: «Котлован» я прочитала за пару дней и оставила дома.

> *В 11 лет меня взяли на слабо. Когда мы переходили из четвертого класса в пятый, к более требовательным учителям, нам попалась самая строгая учительница русского языка и литературы. И моя одноклассница бросила колкую, но мотивирующую фразу: «Ну что, вот и кончились, Дашка, твои пятерки!» Чтобы доказать ей, а уже позже и себе, я принялась читать. Много. Два года я пыталась осилить полный список литературы, увеличивая количество книг. Читать для себя казалось абсурдным. Да и нужными знаниями для пятерки я и так владела. А в седьмом классе я попала на муниципальный этап олимпиады по литературе. Чтобы не ударить в грязь лицом, я принялась разбираться во всех произведениях. Именно тогда зародился мой неподдельный интерес. Искать смысл, подмечать детали, общаться с автором через книгу – все это разожгло мою любовь к книгам.*
>
> *Дарья, 15 лет, Лиски*

Брать детей на слабо – плохая идея, примерно такая же, как и рекламировать книги в духе: «Не читайте эту книгу ни за что, она вам не по возрасту». Но все же можно нечаянно или нарочно закидывать читательские крючки погуманнее. Разумеется, для этого родителю желательно самому быть активным читателем, иначе цеплять будет не на что.

Политика невмешательства

Ждать, пока у ребенка проснется интерес к чему-нибудь сам по себе, утомительно и ненадежно. Но иногда именно отказ от вторжения и навязывания означает уважение к другому, признание его права быть. Помню, как сдерживалась, чтобы не помочь Лии, когда она первый раз несла через комнату тарелку с гречей. Мысленно я повторяла: даже если не справится, каша без труда собирается с пола пылесосом. Вот и с чтением пришлось терпеливо наблюдать со стороны. Мы с мужем набрались сил и в какой-то момент выбрали политику невмешательства. Нам повезло: сработало. Боюсь, наш рецепт никак не тянет на

универсальный, однако у идеи на некоторое время отстать, кажется, есть потенциал. Помните, как в рекламе из нулевых: «А ты налей и отойди»? Отошли мы недалеко и ненадолго. Наш отказ от чтения довольно быстро породил потребность слушать книги. Именно книги, требующие активного участия родителей и внимания ребенка, а не аудиосказки, под которые Лия обычно на середине засыпает. Вскоре она сама начала проявлять инициативу, и мы вернулись к регулярному чтению вслух перед сном.

Разговаривайте с ребенком

А вот этот совет, пожалуй, самый важный. Исследовательница детского чтения Александра Березина в рамках лектория «Как вырастить читателя?» отмечает, что одной из причин нечтения становится «командный стиль общения» в семье. «Сделай домашнее задание», «почитай час перед сном», «почисти зубы», «помой посуду» – такой тип коммуникации ведет к потере взаимопонимания между родителями и детьми. И тут уже никакие общие книги не помогут. Чтобы ребенок захотел читать, недостаточно читающей семьи – семья должна быть еще и разговаривающей. Не отнекивайтесь от детских вопросов. Сегодня вы не отвечаете на бесконечные «почему», а через десять лет никто не ответит на ваше «Что с тобой?». Не бойтесь сложных тем, они все равно никуда не спрячутся от ребенка. Говорите с детьми о любви и дружбе, жизни и смерти, семейных ценностях и скелетах в шкафу. Тогда чтение станет продолжением принятого дома открытого разговора. Ни один нравоучительный монолог о пользе книг не заставит ребенка читать с интересом. Чтение – плод диалога. И что-то подсказывает мне, что начинать этот диалог стоит с первых лет – вместо методик раннего развития.

Что еще можно сделать? Читательские практики

Дошкольникам и младшим школьникам

Письмо от литературного героя

Напишите ребенку письмо от имени его любимого литературного героя. Положите в конверт, наклейте марку, опустите в почтовый ящик. Дух волшебства может способствовать интересу к чтению. Конечно, это обман, но детям нужны маленькие чудеса, а в волшебство они верят и без вас. Возможно, письмо окажется одноразовой игрой. А если повезет, завяжется переписка. Главное – не бросать начатое. Не расстраивайтесь, если не удастся добиться ожидаемого эффекта. Когда Лии было четыре, ей пришло письмо от Знайки. Она отреагировала спокойно, не стала целиком его слушать, а вскоре и вовсе потеряла. Но спустя полтора года с удовольствием вспоминала, как ей написал Знайка, и требовала письмо от героя серии детских энциклопедий.

Книжный адвент-календарь

Многие родители перед Новым годом покупают ребенку адвент-календарь, чтобы считать дни до праздника. Каждый день – новое окошко в календаре, где прячется игрушка, наклейка, конфета и прочие приятные вещи. Можно закупить небольших по объему и максимально интересных книжек и самостоятельно смастерить книжный календарь. Или, чтобы предотвратить пресыщение ребенка и ваше банкротство (даже десять дней такого ожидания праздника с нынешними ценами на книжном рынке обойдутся в несколько тысяч), отберите разные предновогодние стихи, сказки, рассказы, красиво распечатайте их и вложите в подготовленные окошки. Читать лучше вместе, где-нибудь под елкой. Для большей мотивации не грех сопроводить тексты конфетами. Пусть календарь будет красивым, вкусно пахнущим, таким, который мог получиться только в вашей семье. Ребенок запомнит, что чтение – это праздник.

Книжное дерево семьи

Наверняка в начальной школе вам придется делать книжное дерево семьи. На самом деле это симпатичная и полезная штука,

так что на всякий случай можно не дожидаться учительской команды и сделать домашнее дерево для души. Нарисуйте или распечатайте большое дерево размером где-нибудь с ватман. Вместе с ребенком наклейте на крону маленькие фотографии всех членов семьи. Разузнайте (все еще вместе с ребенком), какие книги они больше всего любили в детстве. Впишите названия книг или вклейте фото обложек. Пусть ребенок тоже обязательно впишет свою любимую книгу. Вероятность, что после всей проделанной работы он заинтересуется рекомендациями симпатичных ему родственников, довольно велика.

Уголок книжных побед

Организуйте дома пространство для книжных успехов ребенка. Это актуально для тех, кто уже читает самостоятельно. Выделите ребенку отдельную полку, на которую будут переезжать прочитанные книги. Предложите ему сделать плакат с названием месяца или времени года и списком осиленных произведений. Вместо списка можно вклеить распечатанные в маленьком формате книжные обложки. Если душа не лежит к дизайнерским изыскам, достаточно будет и перечня прочитанного в заметках телефона. Важно, чтобы ребенок увидел свой результат и почувствовал себя молодцом. А для того чтобы как-то осмыслить читательские победы, попросите его поставить каждой книге оценку.

Домашний спектакль

Путь к чтению через театр – совсем не мое, но многим это подходит. Для создания домашнего спектакля по книге желательно обзавестись несколькими детьми. Если в семье один ребенок, то слишком много ответственности упадет на плечи взрослых. Итак, вы всей семьей читаете книгу, пишете по ней сценарий или берете готовый в интернете, создаете декорации и костюмы, репетируете и, ко всеобщей радости, демонстрируете результат на ближайшем семейном празднике. Можно изначально договориться, что спектакль станет подарком на день рождения кому-то из родственников. Это усилит мотивацию. Главное, чтобы родственник не был противником детской самодеятельности.

Литературное путешествие

Самый верный путь превратить книгу в яркое впечатление – отправиться в литературное путешествие. В Данию – за сказками Андерсена, в Швецию – за любимыми персонажами Астрид Линдгрен, в Финляндию – за муми-троллями, в Англию – за Гарри Поттером и так далее. Важно заранее спланировать образовательно-развлекательную программу и сконцентрироваться на ней в какой-то части поездки. Понятно, что в Копенгагене вы захотите посмотреть не только на Русалочку, но ребенок должен почувствовать, что литературный мир разворачивается перед ним не между делом, нужна густота впечатлений. Кстати, на сайте «Папмамбук», целиком посвященном детскому чтению, в разделе «Вокруг книги» вы найдете рубрику «Путешествуем с детьми», где приводятся идеи разных литературных маршрутов.

Подросткам

Читательский дневник

Когда я слышу словосочетание «читательский дневник», то сразу вспоминаю мучения в начальной школе и закатываю глаза. Конечно, я не предлагаю записывать количество прочитанных страниц и составлять список основных героев. Речь о личном дневнике, предназначенном для интимного осмысления прочитанного. Важно, чтобы вы никогда не посягали на чтение этого дневника – только если ребенок сам захочет чем-то поделиться. Ваша задача в том, чтобы рассказать, как вести подобный дневник и зачем он вообще нужен. А начать разговор лучше всего с составленных писателем Даниэлем Пеннаком «Неотъемлемых прав читателя». Работа над дневником поможет вашему подростку, читая, больше понимать про себя, отслеживать свой читательский путь. Кроме того, это бесценное свидетельство. Когда перечитываешь какую-нибудь книгу спустя несколько лет, всегда интересно (правда, иногда немного стыдно) вернуться к прежним мыслям и впечатлениям, увидеть, как изменилось твое восприятие.

Книжный блог

Эта практика подходит уже увлеченно читающим подросткам. Хотя, если вспомнить книгу Елены Клишиной «Спойлеры» о подростке, зачитавшем с помощью такого блога, то можно поверить и в мотивационную силу этого метода. Единственное, у Клишиной учительница берет старшеклассника на слабо, а это, пожалуй, не самый гуманный способ. Пусть ребенок пишет о прочитанных книгах, советует их друзьям. Наверное, наиболее подходящие платформы для подросткового книжного блога – инстаграм и тикток. Только не проявляйте излишнюю активность в комментариях. Помните, что целевой аудиторией блога будут точно не родители.

Марафон

Предложите ребенку устроить семейный читательский марафон. Только по-честному: взрослые тоже должны

участвовать. Берите малые формы. Идеальный вариант – семь дней, семь рассказов. В конце марафона соберитесь все вместе и поговорите о прочитанном. Не забудьте, что подростку невероятно важно высказать свое мнение и быть услышанным.

По принципу «один день – один рассказ» работает проект «Шуфлядка» книжного блогера Анастасии Аликимович. Если вы понимаете, что не успеваете выбрать произведение, то «Шуфлядка» – прекрасный способ восстановить былую читательскую мощь. Вы оформляете подписку, и вам на электронную почту с определенной периодичностью (каждый день, один или два раза в неделю) приходит небольшой рассказ.

Рэп

Рэп – один из самых популярных музыкальных жанров среди подростков. При этом некоторые русские рэперы включают в свои тексты множество литературных отсылок. Еще в начале 2000-х группа «Многоточие» записала песню, где в припеве звучало стихотворение Цветаевой, посвященное Пастернаку. Надо сказать, с тех пор мастерство цитирования в рэп-текстах ушло далеко вперед. Соблазнить рэпом проще, чем чтением, а дальше уже любимый исполнитель может стать проводником в мир литературы. Предложите ребенку составить себе список чтения по треку Оксимирона «Не от мира сего» или отделить слова Нойза МС от строчек поэтов Серебряного века в треке «Почитай старших». Конечно, мата в рэп-текстах не меньше, чем аллюзий, но современного подростка это вряд ли травмирует.

Как школа портит то, что не успели испортить родители

Школьный канон

Не меньше, чем родители, на становление читателя влияет школа. Влияет она и на представления общества о читательской норме. Вырастая, люди за редкими исключениями забывают о том, как учились сами, как читали через силу или отказывались от чтения, как ненавидели поиск метафор и эпитетов, и солидаризируются с учителями. Я думаю, если бы в программу по литературе не входило такое количество текстов, многим не пришло бы в голову требовать от своих детей экстраординарной начитанности в комплекте с внеклассным чтением «для души». Требования общества к ребенку как читателю – отражение именно школьного подхода к преподаванию литературы. А каков же, собственно, этот подход, на чем он основывается?

Прежде всего, на идее, что есть менее ценные и более ценные книги, менее обязательные и более обязательные. И есть святое – список школьной литературы, канон. В него входят совсем не детские произведения, но именно они с 5-го по 11-й класс составляют основной круг чтения школьника (попробуй успеть на фоне общей нагрузки взяться за что-нибудь еще!) и превращаются в настоящую читательскую повинность.

Где-то наверху, среди чиновников, да и внизу, среди учителей, бытует мнение: если все будут знать определенный свод текстов, возникнет общий культурный код (как мы видели по опросу, он волнует и родителей). Судя по всему, на этом убеждении и держится недвижимая святыня школьного канона. Я неслучайно написала «знать»: даже до формального чтения, не говоря уже о вдумчивом, дело доходит все реже. В статье «Классическая школа, неклассические дети» социолог Любовь Борусяк анализирует отношение старшеклассников к классической литературе. На основе опроса 700 учащихся Борусяк делает вывод, что чтение классики в кратком пересказе школьники не всегда отличают от чтения оригинального текста: «…знакомиться с программными литературными произведениями иными, кроме собственного чтения, способами стало абсолютно нормальным, естественным, поэтому подростки зачастую это уже не рефлексируют»[34].

В другой статье Борусяк «Школьная литература: почему ее не любят школьники» ясно вырисовывается противоречие: старшеклассники за время обучения усваивают ценность классической литературы, но на практике не читают многих произведений, не испытывают к ним интереса[35]. В результате вместо погружения в тексты – только беглое знакомство, вместо

присвоения ценности классики – усвоение. Если тексты не читают, а лишь поверхностно знают, то и культурный код формируется условный, мифический. Происходит подмена общего культурного кода на общий культурный миф о литературных ценностях, объединяющих граждан.

> *Помню, что уже в начальной школе мне не хотелось читать неинтересное (таковыми были разные славянские песни, мифы или советские приключения), я поняла: можно скользнуть глазами по странице и понять, в чем там дело. Я научилась изворачиваться.*
>
> *Влада, 16 лет, Красноярск*

Где, как не на уроках литературы, развивать критическое мышление, аналитические навыки, воспитывать дух сомнения? Вместо этого литература в школе формирует мифологическое сознание. Литературовед Олег Лекманов, сравнивая преподавание литературы в советской и современной школе, пишет: «В списке имен одни заменились другими (условно говоря, Фадеев – Солженицыным), но в „науку понимания“ (по формуле С. С. Аверинцева) и наслаждения текстом наша школьная филология так и не превратилась»[36]. После короткого перерыва на свободу в 1990-е годы школа действительно вернулась к тотальной стандартизации и сосредоточилась на «мертвой литературе». Мертвой не потому, что классика устарела и перестала быть интересной (хотя и не без этого), а потому, что от самого этого нерушимого стандарта веет мертвечиной. Сегодня классика в массовой школе – преимущественно фейк. Предмет «литература» за редкими исключениями – тоже.

Мы впихиваем детей в рамку обязательного списка из страха, что потом они все это не прочитают. Но школьники не только не читают программные произведения, но и приобретают к ним стойкое отвращение и, когда обязаловка кончается, могут уже не вернуться к классике. Не лучше ли научить детей наслаждаться литературой, чтобы, запомнив этот опыт, они в будущем ознакомились с каноном самостоятельно? Вопрос непростой. И оценить риски такого подхода сложно.

Единственное, что мы можем подсчитать, – потери от нынешнего подхода. Об этих потерях свидетельствуют, например, результаты российских школьников в исследовании PISA, проверяющем математическую, естественнонаучную и читательскую грамотность 15-летних школьников из разных стран. Исследование проводится раз в три года, и Россия стабильно занимает места ниже средних по всем направлениям. В

2018 году баллы российских школьников значительно снизились по сравнению с 2015-м[37]. Еще до публикации этих результатов психолог Катерина Поливанова объясняла низкие показатели учащихся из России объемом выучиваемого в нашей школе и «кристальностью» текстов: «С этими текстами нельзя ничего сделать: их нельзя анализировать, о них нельзя раздумывать. Это абсолютно стерильная классика, истина в последней инстанции. Поэтому здесь, видимо, лежит проблема потери интереса к чтению. Чтение не провоцирует размышление, чтение не провоцирует думание. И это большая проблема российского образования»[38].

Не соглашусь со стерильностью классики: я знаю немало свободных, творческих учителей, в чьих руках она становится предметом настоящего диалога. Стерильность – свойство системы преподавания, а не самих текстов. Но такая система действительно ведет к тому, что из литературного образования вымывается все живое, спорное, проблемное.

> *За свою короткую жизнь я успела прочитать несколько длинных-предлинных списков литературы на лето и сформулировать свое отношение к школьной программе. Зачастую в ней оказываются полезные и интересные произведения. Спасибо моему учителю за то, что в списке были Тургенев, Хемингуэй и Горький. Для меня их произведения были просто необходимы. Но, к сожалению, каким-то чудом в программу иногда попадают большие и нудные романы… Например, «Квентин Дорвард». А еще (но это мое субъективное) там явный перебор с Гоголем. При всем уважении немного надоедает читать о проблемах с чиновниками в России. И еще кое-что. Кажется, я слишком критична, как Холден Сэлинджера, но, черт побери, почему так мало зарубежных авторов? Брэдбери, Ремарка, Голдинга…*
>
> *Уля, 17 лет, Санкт-Петербург*

> *Что мне лично не нравится в классике? Есть вещи, которые очень сильно давят. Достоевский, например. Тебе вроде как нравится, а потом ходишь весь день, и так гадко. Или вот всякие депрессивные мысли героев, которые ты пытаешься подавить в себе, достигаешь определенного успеха, а потом они берут и прыгают на тебя со страниц книги из уст героев, и это все равно что токсичные люди. Для меня это базовые причины, по которым я от чего-то отказываюсь в той же школьной программе.*

Лиза, 16 лет, Санкт-Петербург

Не знаю, как другим ребятам, но лично мне не нравится сама установка, что школьную программу НУЖНО читать. Не важно, для чего и во имя чего мне НАДО прочесть все эти произведения, – для того, чтобы получить пятерку на уроке, или для того, чтобы успешно сдать экзамен. Для меня чтение – это в первую очередь про удовольствие, а не про принуждение и тем более не про экзамены! Мне бесконечно нравится сам процесс выбора книги для прочтения. Не знаю почему, но одна только возможность самостоятельно выбрать произведение приносит мне море радости. До сих пор помню, как впервые сама купила себе книгу, не советуясь с родителями и не опираясь на список литературы на лето. Какой счастливой я тогда была! Школьная же программа лишает меня этой радости. Она решает за меня, что и когда я буду читать. «Я теперь не хозяйка своих рук и ног», а еще не хозяйка своей книжной полки.

Ульяна, 16 лет, Балтийск

Анализ текста, или Твоего мнения никто не спрашивал

В конце 2020 года в Ейске разгорелся маленький скандал: старшеклассник написал сочинение об осени (актуальная для шестнадцатилетних тема), а учитель прокомментировал его так: «Твоего мнения никто не спрашивал. Его очень много!» Если своего мнения не может быть даже по поводу осени, то что говорить о классической литературе.

Увы, как правило, ребенок должен воспроизвести на уроке и в сочинении точку зрения учителя, которая почерпнута из методичек и критических статей. В таких условиях дети не учатся не то что анализировать текст, но даже самостоятельно думать.

> *Большую роль в восприятии школьной литературы играет оценка педагога. Не классическое «Величайшее произведение… лучшее в творчестве… без сомнений, прекрасный слог!», а обычное рассуждение. Мне очень повезло с учительницей литературы, она приветствует плюрализм мнений. Но даже с ее стилем преподавания иногда воспринимать школьную программу сложно. Ценности, транслируемые на уроке, подчас устаревшие (такой морали-этики, чтобы «вечная и для всех», и не бывает), повествование бывает страшно нудным, а многие проблемы, которые тогда считались сущим адом, для нас, современных школьников, уже и не проблемы вовсе. И это, как ни странно, не наша вина.*
>
> *Вероника, 14 лет, Омск*

Анализ текста школьники часто ругают, называют неинтересным. В то же время и исследование Борусяк («Школьная литература: почему ее не любят школьники»), и мой профессиональный опыт показывают: по сути, ученики чаще всего жалуются не на сам формат анализа и рассуждения, а на невозможность свободно высказывать свое мнение на уроках литературы.

> *Классику иногда интересно читать. Если не по программе. Чтобы не думать о «голубых занавесках». Я особенно Льва Толстого люблю и Дюма-старшего. Достоевский тоже ничего. У них тоже люди, а не персонажи, и им тоже можно сочувствовать (а то, что я*

их как людей вообще совсем не понимаю, потому что это было лет двести назад, – другой разговор). Но, думаю, это пока их в программе нет. Появятся, понадобится писать сочинения – я и их возненавижу. Хочу от книг удовольствие получать, а не страдание.

Лера, 16 лет, Москва

Уроки литературы, разумеется, породили массу недобрых мемов, особенно среди школьников популярен мем про «синие занавески» (иногда голубые) – он обычно идет в связке с другим, так называемым синдромом поиска глубинного смысла. Если вбить оба мема в поисковую строку, можно встретить много раздраженных шуток. Но не стоит думать, что любой анализ сводится к великой роли занавесок в литературе. Если он не держится на штампах школьного литературоведения, не служит бессмысленному и теперь уже тоже «мемному» вопросу «Что хотел сказать автор?», а основывается на здоровом литературоведении, то такого отторжения у детей не вызывает. Конечно, недостаточно сверху вниз спустить ученикам разборы Лотмана и Эйхенбаума. Анализ текста – процесс, в котором на уроке литературы участвуют и ученики, и учитель. Это совместный поиск, ведь окончательного разбора не бывает, открытия могут подстерегать словесника и спустя тридцать лет преподавания одного и того же произведения.

Условия поиска на уроке задает учитель: выбирает формы обсуждения, предлагает дополнительные тексты (например, фрагменты статей того же Лотмана), творческие задания. Тот анализ, который школьниками высмеивается, обычно поиска не предполагает. Глубокая интеллектуальная работа, ведущая к формированию собственного мнения, подменяется воспроизведением одних и тех же приемов: запишите, законспектируйте, повторите, перескажите.

Помню, в каком благоговении я ходила несколько дней после прочтения «Евгения Онегина» – к счастью, раньше школьной программы. С нетерпением ждала его в школе с мыслью: «Ну такое-то никто не сможет обсуждать однозначно!» Стандартный набор тем для сочинений, которые мы к тому же не могли выбрать, был таким разочарованием. Мне поставили четверку за то, что отошла от темы и сделала не пересказ, а анализ, хотя говорилось «пишите то, что думаете». Иногда прочитаешь новое произведение, и так не хочется изучать его в школе, потому что знаешь, что эмоции и восприятие

будут испорчены навсегда.

Лена, 16 лет, Подольск

Уроки литературы могут научить детей тому, что заветное собственное мнение – это не беспочвенное оценочное суждение, а результат мыслительных усилий, анализа. В интернете под каждой второй публикацией можно найти оскорбления. Нередко на призывы к корректности авторы оскорбительных комментариев отвечают, что всего лишь высказывают свое мнение. Это результат в том числе плохого литературного образования, вечной подмены анализа готовыми аксиомами.

Значительная часть программных произведений не вызывает у школьников удовольствия при чтении. Тем не менее я не раз замечала, что совместный анализ в классе – только настоящий, когда учитель и ученики вместе ищут и совершают небольшие открытия, – доставляет радость обеим сторонам. Анализ текста как путь к его пониманию помогает школьнику увидеть, что классика, на первый взгляд не имеющая к нему никакого отношения, про него и для него. И чтением классики можно наслаждаться. Хотя, безусловно, это касается не всех книг, попавших в сакральный список. Некоторые действительно безнадежны.

Перед учителем стоит задача приблизить произведение к детям, помочь им рассмотреть текст и увидеть в нем себя. Если ученики, разбирая на уроке классическое произведение, восклицают: «Жиза!» – значит, на этот раз учителю удалось самое главное. Вероятность того, что вслед за пониманием активизируются центры удовольствия, повышается.

Если литература должна быть про меня, то и для меня. А это для кого? На уроке учитель восхищается языком, стилем. А теперь честно, если у писателя стиль хромает, но сюжет залихватский, я такому автору прощаю все.

Владислав, 13 лет, г. Жуковский, Московская область

Плохие учебники

Мне сложно представить хороший урок литературы, который построен исключительно на учебнике. Всплывает только печальный образ: дети, зачитывающие вслух исполненные пафоса фрагменты из биографии очередного «неживого» писателя.

> *Я считаю, что информация про то, где родился, на ком женился и как умер автор, может, и важна, но не влияет на изучение произведения и скучна. А если бы в учебниках показали, как место, где автор родился, повлияло на него, как его возлюбленные влияли на творчество и к произведениям каких авторов он обращался, какие чувства и эмоции испытывал… Нужна не просто биография, но то, как она отражается на творчестве писателя или поэта. Хочется рассматривать его внутренний мир, размышлять и анализировать. Но опять эти «рамки» урока, где дается только сухая информация. В результате произведение не цепляет.*
>
> *Марина, 13 лет, Новая Ляля*

Учебники, чаще всего используемые в российских школах, к литературе и формированию компетентного читателя отношения, как правило, не имеют. Есть, конечно, и хорошие учебные программы, но в массе своей страна учится не по ним. Приведу характерный пример, поразивший меня еще в первый год работы.

Один из самых популярных учебников литературы предлагает в восьмом классе изучить рассказ Виктора Астафьева «Фотография, на которой меня нет» о заболевшем и не попавшем на классный снимок мальчике и навестившем его учителе. Повествование ведется от лица повзрослевшего героя, он вспоминает историю, стоящую за той фотографией, и своего заботливого учителя – получается немножко нравоучительный рассказ о гордом звании педагога: «А я таким вот и помню деревенского учителя – с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперед и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь». Хоть сейчас приводи на ЕГЭ или в итоговом сочинении в качестве аргумента.

Только вот рассказ в учебнике дан не полностью. Потому неясной кажется его концовка: «Деревенская фотография – своеобычная летопись нашего народа, настенная его история, а

еще не смешно и оттого, что фото сделано на фоне родового, разоренного гнезда». При чем же тут разоренное гнездо? На отсутствующих страницах дети могли бы прочитать о том, что дом, ставший школой, раньше принадлежал раскулаченному деду героя. Именно история раскулачивания, честно и страшно описанная Астафьевым, делает рассказ по-настоящему ценным. Текст оказывается менее детским, а мораль – не такой очевидной: «Кирила выхватил из чурки ржавый колун, метнулся к уполномоченному. Знавший только угрюмую рабскую покорность, к сопротивлению не готовый, уполномоченный не успел даже и о кобуре вспомнить. Кирила всмятку разнес его голову, мозги и кровь выплеснулись на крыльцо, обрызгали стену. Дети закрылись руками, бабы завопили, народ начал разбегаться в разные стороны». Сцена, конечно, страшная, но ведь в седьмом классе уже прошли «Тараса Бульбу» – кого после этого удивишь разнесенной всмятку головой? А может быть, дело не в мелькнувшем в трех предложениях насилии, а в самой теме раскулачивания?

Исподтишка кастрирован сильный рассказ на важную тему. Зато в культурный код учеников войдет светлый образ учителя с большой буквы. «Текст», textus, в переводе с латыни – это ткань, так почему бы не простирнуть его перед размещением в хрестоматии? О маленькой хитрости составителей нигде не сказано. Узнать о неожиданном несовпадении можно, только сопоставив хрестоматию с оригиналом. И название играет по-новому: «Фотография, на которой меня нет» – рассказ, в котором нет ключевого для его понимания эпизода. Ни одного аналитического вопроса к сокращенному рассказу в учебнике не предложено, да и нечего теперь анализировать. Хороший кейс, чтобы заняться воспитанием компетентного читателя, продемонстрировать детям ценность критического мышления – мол, вот почему нужно всегда сверяться с источниками.

Литературовед Дмитрий Бак так определил главную проблему преподавания литературы в школе: «Между искусством и моралью существуют такие же сложные взаимоотношения, как между наукой и религией. Уходить от этих проблем, сводить эстетическое к этическому – не только невежество, но и своего рода педагогическое преступление»[39]. Наверное, «педагогическое преступление» – самое верное определение для поступка составителей учебника, которые в угоду упрощенной морали разрушили эстетику астафьевского рассказа.

Худший вопрос на уроке литературы: чему учит произведение? В религиозной школе нас спрашивали, чему учит та или иная глава Торы, и в этом не было ничего

противоестественного. Но литература не религия. Хорошие книги учат самостоятельно думать и чувствовать, а не предлагают готовый набор нравственных клише, из которых ученик мог бы скомпилировать взгляды на мир. Для морали есть специально отведенный литературный жанр – басня. Все остальное – сложнее. Иначе мы топчемся вокруг наивных оценочных категорий: хороший/плохой, правильно/неправильно, патриот/предатель. Стоит ли говорить, что мир и литература как его отражение многограннее?

Всепоглощающий ЕГЭ

Недобрую службу сослужил школьной литературе и ЕГЭ по русскому. Он появился больше десяти лет назад, через него успели пройти миллионы выпускников: в отличие от экзамена по литературе, русский в конце 11-го класса сдают все без исключения. За это время чудовищно упростилось восприятие художественного текста: дети привыкли смотреть на него через призму принятого на ЕГЭ шаблона. Редкий школьник может выйти при разборе текста за пределы диады «проблема – позиция автора», которая к настоящему филологическому анализу вообще не имеет отношения. Подобные последствия ЕГЭ я вижу, встречая и увлеченных литературой школьников, и молодых учителей.

Раньше многие замечали, что ЕГЭ по русскому – последняя надежда на то, что дети хотя бы частично прочитают школьную программу. Все потому, что в сочинении обязательно требовалось привести литературный аргумент. Структура этого сочинения выглядит приблизительно так: сначала выводишь проблему, потом ее комментируешь (специфика комментирования меняется чуть ли не каждый год, видимо, иного повода переиздать пособия и провести обучающие вебинары не находят), затем формулируешь позицию автора по проблеме (и ничего, если текст художественный, давайте и дальше путать автора и рассказчика), быстренько с ней соглашаешься (можно не соглашаться, но этот путь сложнее и опаснее) и приводишь аргументы, подтверждающие вашу с автором позицию, – остается только написать заключение.

Чтобы вы хорошо представили, что такое аргумент в ЕГЭ, покажу рекомендации, которые я составляла для своих выпускников в далеком 2014 году (сразу предлагая им соглашаться с позицией автора):

Аргумент. Их должно быть два. Один из литературы, второй – из любой области (включая литературу). Аргумент – это не пример. У него есть вывод. Помните, что аргумент подтверждает позицию автора. Если автор говорит, что нужно «быть», а не «казаться», то ваш аргумент строится так:

«Положительный аргумент». Герой/человек, который умел «быть», смог показать всем, каков он на самом деле. Его умение «быть» положительно повлияло на его жизнь: все его зауважали, он женился, добился любви, стал директором «Газпрома» и т. д.

«Аргумент от противного». Герой/человек не умел «быть», все время заботился о том, каким кажется. В итоге он был несчастлив именно из-за этого, ничего не добился, его бросила жена, люди

отвернулись, он умер в одиночестве и т. д. Важно, чтобы негативные последствия вызвало именно то, что он хотел «казаться, а не быть».

В 2019 году литературные аргументы отменили. Нет, с их отменой дети не забросили школьную программу, потому что и раньше ради егэшного сочинения ее не читали. Чтобы подобрать литературный аргумент, достаточно было найти в интернете таблицу с готовыми примерами. А особо добросовестные могли по-настоящему прочитать несколько коротких универсальных текстов, подходящих к большинству проблем. Бедная, бедная шолоховская «Судьба человека»! Наверное, так, как ее, на аргументы не растаскивали ни одно программное произведение.

ЕГЭ по литературе тоже не подарок. В нем много тестов, но это в целом можно понять. Ничего ужасного в том, что выпускник продемонстрирует теоретические знания, нет. Хотя вот такие выхолощенные формулировки отталкивают:

> Приведенный фрагмент представляет собой напряженный _____ между персонажами, по-своему отражающий глубокий, непримиримый _____ двух поколений.
>
> *(Задание по пьесе А. Н. Островского «Гроза» из демоверсии ЕГЭ по литературе 2021 года)*

Не всегда для анализа отбираются лучшие поэтические тексты, но все же экзамен основывается на изучаемых в школе художественных произведениях. Это выгодно отличает ЕГЭ по литературе от ЕГЭ по русскому, превратившегося в парад слабенькой публицистики на морально-этические темы. Несмотря на то что экзаменационные варианты порой скучноваты, подготовка к экзамену может оказаться не бессмысленной. По крайней мере, у старшеклассников есть возможность готовиться по учебному пособию настоящих, нешкольных филологов, докторов наук Татьяны Кучиной, Александра Леденева, Натальи Блищ. Формат ЕГЭ по русскому такой роскоши не предполагает: там лингвистам делать нечего.

Я попросила прокомментировать положительные и отрицательные стороны ЕГЭ по литературе председателя Ассоциации «Гильдия словесников» Антона Скулачева. Его ответ показался мне очень точным:

Хорошее: экзамен позволяет выпускникам повторить курс и «матчасть», увидеть литературный процесс как цельный (ну, почти). Нацеленность на выстраивание связей между текстами.

Плохое:

• пять сочинений (!) за один экзамен;

• начетническое представление об «авторской позиции»;

• отсутствие установки на диалог с текстом, в подавляющем большинстве заданий с развернутым ответом смыслы уже даны в задании, их нужно «доказать», что противоречит основам филологического метода;

• в баллах перекос в сторону речи, так что работы, написанные «гладкописью», но пустые, получают больше, чем глубокие, но шероховатые;

• отсутствие работы с актуальными навыками: критическим мышлением, креативностью;

• формальность тестовых заданий, в которых знания оторваны от понимания;

• проверка точечных умений («определять роль приема») вместо глобального («интерпретация незнакомого текста», «создание текста под коммуникативную ситуацию»);

• откровенно скучные темы «больших» сочинений.

Не менее ценен комментарий филолога и преподавателя Михаила Павловца:

В основе ЕГЭ лежит представление, что есть «позиция автора», которую «нельзя искажать», а есть «ваша точка зрения», которую можно высказать «при необходимости», – то есть тупиковая ситуация: если твоя позиция совпадает с «авторской» – в ней нет смысла; а если она отлична – то как ты, сопляк, можешь быть не согласен с Толстым или Достоевским? Особенно в тексте из 5–10 предложений? И вот еще что: стихотворения могут быть тебе неизвестны (задания 9–16; причем они всегда – максимально банальные, псевдоклассические – в основном песенные), – но прозаический отрывок всегда из обязательного списка. То есть ты демонстрируешь не умение понимать и анализировать текст, а степень твоей натасканности на текст из обязательного списка.

Кстати, еще в 2007 году, когда в профессиональном сообществе обсуждался вопрос о судьбе выпускного сочинения, учитель и методист Михаил Нянковский говорил, что проблема списывания могла бы решиться, если бы школьники работали с незнакомым текстом[40]. Списать на ЕГЭ, конечно, трудно, но воспроизведение вызубренных трактовок, на мой взгляд, немногим отличается от списывания. Привилегия анализировать незнакомые тексты пока что остается только у олимпиадников. Видимо, считается, что в масштабе страны это слишком сложная задача.

Пожалуй, худшее, что ЕГЭ принес в школу, – педагогика

натаскивания. Некоторые учителя буквально замыкаются на ЕГЭ, и тогда уроки литературы становятся тусклыми, однотипными. Я уверена: чем меньше будет в преподавании литературы единого, единственно возможного, давящего и чем больше вариативного и разнообразного, тем живее окажется предмет.

Сочинение 2.0

В 2014 году школьникам пришлось вспомнить, что такое итоговое сочинение. Столько лет его требовали вернуть – и свершилось. Я не говорю, что в прошлой жизни это была безукоризненная практика: учителя сплошь и рядом переписывали сочинения за медалистов, собственно, в 2009-м сочинение отменили именно из-за тотального нарушения правил. Но, надо признать, качественной реинкарнации не произошло. За время перерыва ЕГЭ разросся настолько, что тут же уничтожил когда-то осмысленную идею. Создается впечатление, что за годы существования ЕГЭ шаблонизация текстов, создаваемых выпускниками на экзамене, негативно повлияла на их способность свободно высказываться, а в письменной речи среднестатистического старшеклассника появился перекос в сторону официально-делового стиля речи. Если вбить в «Яндексе» «итоговое сочинение по литературе», поисковик сразу предлагает подсказку – «клише». К сожалению, сочинение и клише в наши дни синонимы. Привычка писать по заданному шаблону, по определенной структуре вымывает из сочинения творчество, оригинальность и свободу.

Вернувшаяся форма итогового испытания проверяет теперь не столько компетентность читателя, сколько способность воспроизвести заученные клише и аргументы. На экзамене ученикам предлагается несколько тем на выбор. Выпускники видят их впервые, но еще в начале учебного года объявляются тематические направления. То есть все заранее продумывают, какие произведения будут привлекать в качестве литературного материала (это один из критериев оценивания итогового сочинения) в каждом направлении. В час Х достаточно подогнать заготовки под попавшиеся формулировки. Правда, есть риск подогнать неудачно, не заметив зазор между темой и домашними заготовками. Логика сочинения приблизительно такая: есть вопрос или тезис (тема), нужно обозначить свою позицию по теме и аргументировать ее. Получается, художественная литература всего лишь иллюстрирует позицию ученика: ни погружение в текст, ни анализ не требуются. Я уверена, что кому-то из выпускников удается написать качественные, вдумчивые тексты, но статистика намекает на то, что достаточно не самой ловкой компиляции интернет-заготовок. Иначе каким образом в 2019/2020 году с первого раза (всего дается три попытки) с испытанием справились 98 % школьников?

Официальные требования к написанию сочинения в этом

свете выглядят нелепо: «Итоговое сочинение выполняется самостоятельно. Не допускается списывание сочинения (фрагментов сочинения) из какого-либо источника или воспроизведение по памяти чужого текста (работа другого участника, текст, опубликованный в бумажном и (или) электронном виде, и др.)». Но о какой самостоятельности идет речь, если в большинстве случаев подготовка представляет собой заучивание чужих формул?

Раньше вузы перепроверяли итоговые сочинения и давали за него дополнительные баллы. Но за шесть лет стало понятно: добавлять не за что, и к 2021 году все отказались от этой практики. Неудивительно, что в 2020 году сразу несколько вузов, среди которых, например, Высшая школа экономики и Московский городской педагогический университет, инициировали конкурс сочинений «Своими словами». Ученикам 9–11-х классов предлагается выбрать предметное направление (там есть даже педагогика, медицина, спорт) и интересующую в рамках него тему. Главное – никаких шаблонов и клише. Ориентация на оригинальность, творческий подход и ценность собственного мнения читаются уже в самом названии конкурса. Наверное, «свои слова» – то, чего в школьных сочинениях не хватает больше всего.

Одна из тем итогового сочинения последних лет – «Почему в любви важно понимать и прощать?». Думаю, если бы была возможность провести исследование и выявить процент работ, в которых тема раскрывается на примере Сони Мармеладовой, критерий «самостоятельность» пришлось бы переосмыслить. В 2019 году словесники особенно потешались над данной в одном из регионов темой «Всегда ли он достоин ее?». Коллеги предлагали варианты пар: Герасим и Муму, Колобок и Лиса, дед и репка. Возможно, эта тема, предельно обобщенная, пошлая и всех немного дискриминирующая, – самый точный штрих к портрету итогового сочинения.

Учителя в тисках программы

Когда я предлагаю девятиклассникам прочитать сложную и малоинтересную для них комедию «Недоросль», это моя обязанность, а не прихоть. Детям смешно все комическое у Фонвизина, но под нравоучения Стародума они засыпают. Бесспорно, я могу воспротивиться и тихонько пройти что-нибудь другое, но это будет бунт и, соответственно, риск. А вот «Тараса Бульбу» могу и не проходить, выбрав другую повесть. Но не думаю, что многие учителя пользуются правом обойти «Тараса Бульбу» стороной. Так что в седьмом, а по некоторым программам и в шестом классе встреча с этим абсолютно недетским текстом все же происходит у большинства российских школьников. Честно говоря, я сама в детстве читала его через силу, а по-настоящему полюбила, только став учителем. Каких-то десять лет – и восприятие полностью меняется.

Система преподавания литературы в России регулируется Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) и составленной с опорой на него Примерной основной образовательной программой (ПООП). В этих документах перечислены желаемые образовательные результаты, требования к структуре образовательной программы и условиям ее реализации. Я рассказываю о документах, регламентирующих работу в пятых – девятых классах, но и в старшей школе ситуация аналогичная. Главным документом является ФГОС, а ПООП носит рекомендательный характер. При этом списки литературы есть только в ПООП, где сказано наполнять программу «разножанровыми произведениями; произведениями на разные темы; произведениями разных эпох» и ежегодно читать Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова. Далее дано три списка (А, В, С), и обязательный, не допускающий вариативности из них только один – А. К тому же черным по белому написано: «При смене образовательного учреждения обучающийся должен попасть не на урок по тому же произведению, которое он в это время изучал в предыдущей школе, а в ту же систему сформированных умений, на ту же ступень владения базовыми предметными компетенциями». То есть нигде не предписывается везде и всегда проходить одно и то же. Уроки литературы должны быть нацелены не на чтение конкретного корпуса произведений, а на овладение инструментарием, который поможет ребенку справиться с любым текстом. При ближайшем рассмотрении пространство для маневра есть. Так почему мы, учителя, его не замечаем?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что происходит на местах. К началу учебного года учитель сдает рабочую программу по своему предмету для каждого класса. В ее составе обязательно есть календарно-тематическое планирование, где расписано, сколько уроков достанется разным произведениям. Рабочая программа должна составляться на базе ФГОС и учитывать ПООП, но обычно она опирается еще и на учебник. На самом деле мы не обязаны работать по учебнику на уроке, и выбор текстов диктует не он. Можно взять не все, можно выбрать из рекомендуемых вариантов и даже добавить что-нибудь современное. В ПООП сказано, что учитель вправе включить в учебный план дополнительные художественные тексты не из предложенных списков, но тут же приписано – «при условии освоения необходимого минимума произведений».

Уже кажется, что минимум действительно минимум, а преподаватели – почти всесильны. Но тут начинают работать другие факторы: инертность самих учителей и школы, незнание законов и собственных прав. Во-первых, многие скачивают рабочие программы из интернета не глядя, то есть даже не задумываются о возможности и тем более необходимости что-то менять. Во-вторых, традиции преподавания литературы сильнее документов и здравого смысла: зачастую изменить список произведений – значит пойти против системы, против коллег и начальства. В-третьих, существует негласная диктатура учебников. Отказаться от одного учебника, выбрать другой и построить на его основе рабочую программу в теории возможно. Но тогда школьной библиотеке придется эти учебники приобрести. И далеко не до всякой администрации можно донести свое законное желание закупить нечто принципиально новое.

Существует также Федеральный перечень учебников, который школа не обязана учитывать, но стабильно учитывает. Например, когда я взяла десятый гуманитарный класс, то должна была выбрать учебник, предлагаемый в перечне для углубленного изучения литературы. Возможности отказаться от этой идеи и остановиться на более глубоком по содержанию, но не имеющем соответствующей пометки учебнике мне не дали. Если мы заглянем в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», то увидим, что школы «выбирают» учебники и другие учебные пособия из перечня. Однако в законе нет ни одной нормы, предписывающей обязательное использование каких-либо учебников. Так что Федеральный перечень – это ориентир, но школами он, к сожалению, воспринимается как директива. Надо понимать, что издание учебников – крупный

бизнес, продвигаются в основном определенные линейки и именно с ними приходится иметь дело большинству учителей. Наконец, можно было бы подумать, что длиннющие списки литературы необходимы для выпускных экзаменов. Но в обязательном порядке для допуска к ЕГЭ выпускники пишут итоговое сочинение, где, как мы уже выяснили, знание всех текстов совсем не требуется, а непосредственно ЕГЭ по литературе сдают единицы, да и готовятся к нему обычно самостоятельно, не делая ставку на школьные уроки.

Давайте откроем учебник В. Я. Коровиной, по которому российские школьники учатся чаще всего. Количество авторов и произведений шокирует. Переходить к интересному разрешается, только когда справился с основным. Осталось справиться, а это что-то из области фантастики. Впору устраивать педагогический конкурс в стиле шоу «Угадай мелодию», где учителя будут соревноваться: «Я пройду „Капитанскую дочку“ за шесть уроков». – «А я за пять». – «Проходите». В одном из интервью очень точно о перегруженности программы высказалась Евгения Абелюк, учительница литературы, преподавательница Высшей школы экономики: «С одной стороны, есть очень хорошая российская традиция: читать с ребенком сложные вещи, дать ребенку представление о нашей общей культуре, чтобы у разных поколений был общий культурный язык. Но чтобы эту задачу решить, не нужен огромный объем литературных произведений – мы не успеем их обсудить! А в нашем литературном образовании именно такой подход. Надо все успеть освоить! И это очень пагубно»[41].

Программа по литературе обычно строится по одному из двух принципов: концентрическому или хронологическому (линейному). Концентрический принцип предполагает, что каждый год мы проходим круг от древней литературы до современной (современность обычно ограничивается XX веком). По мере взросления учеников увеличивается сложность произведений и глубина их изучения. Хронологический принцип позволяет двигаться от древней литературы к современной поэтапно, от класса к классу. На данный момент в среднем звене работает первый принцип, а с 9-го по 11-й класс – второй. Оба подхода связаны с хронологией, и волей-неволей мы начинаем изучать литературу в историческом аспекте. В центре в любом случае оказывается историко-литературный анализ.

При составлении программ в ПООП рекомендуется использовать жанрово-тематические блоки, то есть героический эпос отдельно, литературная сказка отдельно и т. д. Например, в учебнике Коровиной блоки выглядят примерно так: сначала в

зависимости от класса дается фольклор или древнерусская литература, потом – «Из русской литературы … века» (на месте пропуска по очереди появляются века от XVIII до XX), затем в разных вариациях возникают блоки патриотической и военной лирики, стихи о природе, моя любимая рубрика с неживым названием «Писатели улыбаются» и при этом довольно интересными произведениями, литература народов России, зарубежная литература. Дожить до зарубежки можно, только если безжалостно выкидывать по дороге добрую часть остальной программы. Но вот дошел ты в шестом классе до зарубежной литературы, а там «Илиада». И это прекрасное произведение, про него интересно говорить, но обычно к этому моменту остается совсем мало часов. Да к тому же проходят его под конец года, когда и ученики, и учителя уже мечтают о каникулах.

И все же есть программы, действительно идущие от тем. Среди них, например, линейка под редакцией И. Н. Сухих; учебник Е. С. Абелюк, М. А. Павловой, О. В. Смирновой, Н. А. Шапиро; учебник А. Н. Архангельского и Т. Ю. Смирновой. Такой подход намного продуктивнее, потому что тогда изучение литературы строится не вдоль линейки времени, а вокруг смыслов. Когда ребенок в пятом классе сосредотачивается сначала на теме «Детство человечества», а потом на теме «Детство человека» (учебник А. Н. Архангельского и Т. Ю. Смирновой), ему становится понятно, как связаны между собой читаемые в школе тексты. Чаще всего дети вообще не задумываются о логике организации программы, а просто спрашивают: «Кто там следующий?»

Что касается содержания уроков, то методы, в отличие от текстов, выбирать можно достаточно свободно. В российской школе сталкиваются два основных стиля преподавания: традиционный (биография – стандартный разбор произведения от истории его создания до основных тем, идей, стилистических особенностей – сочинение) и новаторский (больше свободы, подбор методов работы с текстом вырастает из его специфики, ориентация на медленное, вдумчивое чтение, обилие творческих заданий, обращение к современной литературе). Конечно, между этими двумя полюсами множество промежуточных вариантов.

Думая о том, как в заданных государством условиях хорошие учителя-словесники пытаются увлечь школьников чтением, я вспоминаю строчку петербургской поэтессы Тамары Поповой: «В быструю воду вошла, вся медленная такая». Путь учителя литературы сегодня – это отчаянная попытка медленного чтения в быстром потоке программных текстов.

В других странах [42]

Если у нас все так плохо, то где хорошо? Возможно, пока мы тут мучительно для всех сторон «прививаем» детям «любовь» к огромным спискам литературы не по возрасту, в других странах уже разработали волшебную вакцину? Чтобы найти ответ, я изучила опыт нескольких европейских стран и США.

В Великобритании литература не изучается отдельно, а входит в предмет «английский язык». Существует государственная программа по английскому языку, которая обозначает цели изучения литературы, ожидаемые результаты и отчасти регулирует выбор произведений. Среди ожидаемых результатов, например, умение выбирать книги для выполнения заданий и ради удовольствия, самостоятельное чтение текстов разных жанров и разных исторических периодов. В государственной программе для третьей ступени обучения (Key Stage 3: 11–14 лет) прописано, что ученик должен «изучать множество авторов, включая как минимум двух писателей углубленно каждый год». У российского учителя литературы такая рекомендация может вызвать разве что нервный смех. Впрочем, это не единственное, что способно удивить: обязательно нужно изучать только Шекспира – две пьесы на третьей ступени и одну на четвертой (14–16 лет), при этом какие именно – вправе выбрать педагог. Это не значит, что рекомендованных писателей больше нет, но у учителя есть некоторая свобода в выборе текстов. В 10–11-х классах (Key Stage 4) следует прочитать одну пьесу Шекспира, произведения XIX, XX и XXI веков, лирику с 1789 года, в том числе поэзию романтизма. Выбор текстов упирается в экзамен. Тут начинается самое необычное: хотя формат испытания един для всех, существует несколько независимых экзаменационных комиссий, устанавливающих требования к подготовке, и школы могут из них выбирать. В случае с английским языком комиссии различаются предлагаемыми списками произведений. Однако независимо от выбора избежать чтения Диккенса, Джейн Остен, сестер Бронте, Шелли и Стейнбека, скорее всего, не удастся.

Елена Домарацкая, руководитель отдела академической поддержки в Chiswick College, рассказывая об опыте преподавания литературы в Великобритании, отмечает, что англичане ставят перед собой прагматичную задачу – дать школьнику навыки чтения прозаического, драматического и поэтического текста, вложить в их головы инструмент, который поможет ориентироваться в мире. На уроках английского в британских

школах используется тематический подход, то есть тексты подбираются не в хронологическом порядке, а под определенные темы. Поэтому наряду с английскими произведениями иногда читаются подходящие американские. В основном в фокусе оказывается что-то актуальное: мультикультурализм, феминизм, права меньшинств и т. д. Получается, что литература в английской школе все-таки отвечает не только за читательский инструментарий ученика, но и за его воспитание.

Во Франции язык и литературу тоже не разделяют. А вот с выбором произведений все несколько строже: список спускается государством сверху. Программа выстраивается от жанров и исторических периодов, то есть учитель может выбирать, но в рамках заданных на каждом этапе обучения условий. Что касается объемов чтения, то они не внушают ужаса. Например, в Seconde (эта ступень французской школы приблизительно соответствует нашему десятому классу) за год необходимо прочитать примерно восемь книг. Для сравнения: у наших десятиклассников в обязательном списке книг ненамного больше (лирику в расчет не берем), но среди них «Война и мир» и «Преступление и наказание». Книги, которые проходят во Франции в течение учебного года, в программе идут в основном в хронологическом порядке. На уроках интерпретация художественного произведения переплетается с анализом грамматики, лексики, языковых особенностей текста. Большое внимание уделяется письменному высказыванию в жанре эссе. У французского эссе довольно строгая структура, но содержательно школьники остаются свободны, заучивать клише им не приходится.

Преподаватель французской литературы в Университете Париж VIII Алиса Ракуль говорит, что основная задача при изучении литературы в школах Франции – научить детей активному чтению любых видов текста. Ученик должен войти в диалог с текстом, задать с его помощью вопрос о жизни и мире. Художественное произведение становится инструментом познания. Ракуль рассказывает, что в учебниках французского представлены актуальные темы, так что школьники видят, что «литература не за закрытой дверью класса, а в мире вокруг».

В Италии предмет тоже один – итальянская словесность, однако внутри него много ответвлений: литература, грамматика, развитие речи, медленное чтение, внеклассное чтение и прочее. В итальянской школе на официальном уровне закреплено, что главная цель изучения литературы – удовольствие ученика от чтения, а задача учителя – не портить ребенку это удовольствие. По словам руководителя Ассоциации «Русский дом – Италия» Полины Гельфрейх, для преподавания литературы в Италии

характерны свобода педагогов, наличие в программе современных текстов, большая вариативность жанров и стилей (изучается в том числе и публицистика), выбор интересных для школьников тем, поиск актуального в классике и медленное чтение. Медленное настолько, что «Божественную комедию» читают три года. В России Данте в рамках некоторых программ проходят в девятом классе, и отвести на него пару недель – серьезный успех.

В США учитель литературы (на самом деле английского, потому что разделения, как и в европейских странах, нет) чувствует себя, наверное, свободнее всего. В образовательном стандарте дан список рекомендованных произведений (каждый штат определяет его самостоятельно), но прислушиваться к стандарту необязательно. В школьный канон входят, например, Шекспир, Лэнгстон Хьюз, Мартин Лютер Кинг. В большинстве случаев школьники читают Марка Твена, Фицджеральда, Артура Миллера, Харпер Ли. Учитель может заменять произведения. Зачастую список читаемых текстов формируется главой кафедры (у нас эта роль чаще называется «глава методического объединения»).

В начальной и средней школе больше внимания уделяется грамматике, правилам чтения и письма, но чем старше ученики, тем больше времени отводится на обсуждение литературы. С восьмого класса детей учат писать эссе (пять параграфов: вступление, два аргумента за, один аргумент против, заключение), а в старшей школе в эссе добавляется элемент исследования. Форма, как и у нашего экзаменационного сочинения по русскому языку, далека от свободы, но различия очевидны: у нас принято соглашаться с позицией автора, потому что спорить себе дороже, а в Америке акцент делается на критическом мышлении – нужно уметь найти и «за», и «против». На уроках практикуют медленное чтение, чтобы школьники научились анализировать текст. Сосредоточенность на эссе и анализе текста в старших классах объясняется тем, что школа формулирует цели, исходя из того, что впоследствии понадобится ученикам в университете.

Учительница словесности из Лос-Анджелеса Шариса Боллерс рассказывает о своих уроках: «Я не могла бы зайти в класс и начать преподавать что-то, что не имеет никакого отношения к повестке дня. Мой урок отражает то, что происходит в окружающем мире». Она предлагает ученикам рассматривать актуальные проблемы, обсуждать политику, проблемы дискриминации (тут невольно вспоминаешь, что в нашей школе учитель, заговаривая на такие темы в классе, колоссально рискует). В 2020 году Боллерс приняла решение не проходить с

учениками ни одного произведения белых авторов. Настолько кардинально от стандартного американского канона отказываются лишь немногие учителя, но поражает сам факт: так можно. Только представьте, как сократился бы наш неподъемный школьный список литературы, если бы мы исключили из него все дискриминационное! Правда, по-моему, лучше лишний раз прокомментировать в классе спорные эпизоды и потренировать таким образом критическое мышление, чем выкидывать важные тексты. Хочется добавить: «Но это выбор каждого», – и не получается, потому что у российского учителя, даже если он начнет интерпретировать ФГОС и ПООП в свою пользу, такого свободного выбора все-таки нет.

Если обобщать, то в Европе и США словесность не дробится на язык и литературу, учитель чувствует себя свободнее, списки чтения не такие обязательные и книг в них обычно меньше, чем в нашем каноне, к тому же среди них чаще оказываются современные произведения. Казалось бы, рай земной, вот где дети должны обожать чтение. Изучая американский опыт преподавания литературы, я случайно наткнулась на сайт quora.com, где один человек задает вопрос, а другие предлагают свои ответы (у нас популярен похожий сайт TheQuestion). Кто-то из пользователей спрашивает: «Почему так много старшеклассников ненавидят чтение?» Далее следует 39 развернутых ответов, и у некоторых из них по пять тысяч просмотров. Видимо, вопрос болезненный и многих интересует. Когда читаешь размышления выпускников и школьников в комментариях, хочется крикнуть: «Остановитесь и проверьте свои привилегии!» Так, Лай Цзин из Калифорнии жалуется: «Большинство книг и рассказов, которые нам приходится читать, написаны задолго до нашего рождения», – и приводит в пример произведения, написанные в 1937 и 1960 годах. А наши дети к 11-му классу уверены, что это и есть современная литература. Еще несколько комментаторов объясняют ненависть старшеклассников к чтению тем, что классическая литература далека от современного школьника. Массово критикуют «Великого Гэтсби», но достается даже Брэдбери и Сэлинджеру.

Также американцы жалуются на методы преподавания литературы в школе, особенно на чтение по цепочке. Необходимость слушать плохо читающих одноклассников и ждать своей очереди раздражает многих, а такая практика, судя по частоте упоминаний, очень распространена. Анализ текста и написание бесконечных book reports (это своеобразный отчет о прочитанном, предполагающий пересказ сюжета, перечисление основных тем и персонажей, собственное мнение о прочитанном)

тоже мало кого вдохновляет. Джанин Меркл из Миннесоты, отвечая на вопрос о ненависти к чтению, пишет, что в детстве книги были для удовольствия, а в школе выяснилось, что чтение связано вовсе не с удовольствием, а с моралью. Еще одна выпускница, Рида Хан, рассказывает, что обожала читать, пока в школе не начали контролировать этот процесс: «Я ненавидела дедлайны, запрет идти дальше заданного и, как следствие, невозможность читать в своем темпе. В школе чтение превратилось в работу и перестало казаться синонимом счастья».

Пока российские ученики вместо школьной программы добровольно читают американских классиков XX века, а на уроках обсуждают Шекспира с большим интересом, чем Пушкина, в США некоторых старшеклассников те же книги от чтения отвращают. Выходит, удовольствие заканчивается там, где начинается принуждение. Вполне возможно, если бы мы заменили Толстого Оруэллом или Ремарком, которые у наших детей всегда идут на ура, дух обязаловки уничтожил бы и их.

Как помочь ребенку? Приемы учителей

Так можно ли выйти из навязываемой государством и обществом игры в литературное образование и вдохнуть жизнь в школьную литературу? Мне кажется, да. По крайней мере, за закрытыми дверями это многим удается. Трудно поверить, что чиновники в один прекрасный момент все осознают и откажутся от читаемого в их действиях лозунга «Пока стандарт един, он непобедим». Зато учителя в силах приоткрывать двери друг другу, подсматривать, что делают другие. Педагогическое пространство может быть открытым и постепенно становится таким. Когда учителя готовы делиться идеями и учиться, выстраивается горизонтальное взаимодействие. Благодаря интернету, социальным сетям и рухнувшему на школу весной 2020 года онлайн-обучению у педагогов появилась возможность вести собственную игру, в которой вариативность методик и глубина содержания побеждают спускаемые сверху стандарты, а честный диалог с детьми вытесняет пошлое морализаторство, ничего общего с литературой не имеющее.

Ведущие исследователи детского чтения в России Екатерина Асонова, Любовь Борусяк, Елена Романичева главной целью учителя словесности считают формирование компетентного читателя[43]. Подчеркивают они и ценность интереса к литературе: важно, чтобы читатель был еще и увлеченным. Тут в духе ЕГЭ хочется согласиться с позицией автора (в отличие от ситуации экзамена даже лукавить не придется). Кто такой компетентный читатель? Тот, кто извлекает из книги не только сюжет, но и существенные детали, образы, внутренние связи, видит отсылки и вообще способен анализировать текст, отличить качественную литературу от графомании, владеет языком, необходимым для осмысления своего читательского опыта и разговора о литературе. Полагаю, такого уровня восприятия литературы достигают в основном увлеченные читатели. Исключение могут составить разве что люди, в совершенстве овладевшие навыком насилия над собой.

Формирование компетентного читателя – идеальная цель. Я ставлю ее перед собой в работе с некоторыми учениками. Но цели меняются в зависимости от того, с кем работает учитель. Иногда максимум, которого можно достичь, – воспитать увлеченного читателя, а порой и одно произведение за весь учебный год, прочитанное с интересом, – предел учительских амбиций.

Как работают учителя, признающие право ученика на собственное мнение? При каких условиях у ребенка появляется шанс спустя семь лет изучения литературы в школе стать компетентным читателем или хотя бы не возненавидеть чтение? Ниже я делюсь своим опытом и привожу выдержки из разговоров с разными российскими словесниками.

Свободные дети

Мне не нравятся послушные дети. Гораздо приятнее, когда все ведут себя в меру прилично и в меру свободно, когда дисциплина вырастает не из учительской строгости, а из взаимоуважения. Свободе нужно учить и учиться. Если школьники привыкли к авторитарной модели и крику (а они чаще всего именно к этому и привыкли), то поначалу отсутствие чрезмерной строгости может привести к хаосу. Но хаос всего лишь этап на пути к порядку.

Литература – предмет, требующий человеческих отношений между учителем и учеником. Поэтому первым делом мне важно показать детям: вы люди, я человек, книги тоже про людей, со мной безопасно, здесь можно говорить то, что думаешь. И еще обязательно вместе смеяться: шутить самой, слышать шутки учеников, создавать общее поле юмора, локальные мемы. Так в моем представлении выглядит фундамент, на котором строится литературное образование.

> *После каждого значимого отрезка совместной жизни с группой/классом я запрашиваю обратную связь (что на уроках нравится, что не нравится, комфортно ли, какие книги хотел бы обсудить с одноклассниками). В первый раз ребята отвечают с некоторой опаской, дают «социально одобряемые ответы», но потом они привыкают к формату обратной связи и постепенно начинают говорить то, что действительно думают. Один из них когда-то сказал мне: «Спасибо, что спрашивали о нашем мнении про разные тексты. И, кажется, вы даже интересовались этим мнением». У этой детской фразы есть очень важная предпосылка: среднестатистический учитель часто спрашивает ребенка о чем-то, на самом деле ответом не интересуясь. Ребенок, однажды ответивший на вопрос учителя и уловивший флюиды равнодушия к высказанным мыслям, больше отвечать не захочет. Кстати, поэтому я, когда ребенок*

говорит, конспектирую его выступление. Знаете, что дети обожают? Когда учитель потом их цитирует. У них уши горят от восторга. На следующем этапе они осознают, что их цитируют тогда, когда они скажут что-то важное, а для этого текст нужно осмыслить глубоко и серьезно.

Артем Андреевич Упоров, Екатеринбург – Москва, стаж преподавания 11 лет

Однажды я спонтанно замещала урок в чужом пятом классе. Возможности подготовиться не было, пришлось идти по учебнику. А там как раз встретилось мое нелюбимое задание – сочинение по картине. Нелюбимое оно потому, что в учебнике обычно в плохом качестве напечатана мелкая репродукция, едва ли вызывающая у детей хоть какие-то эмоции, и сочинение обычно представляет собой перечисление увиденного с элементами фальшивого восхищения. При этом одним из ярчайших моих школьных впечатлений стал поход в музей, где мы с помощью учительницы литературы расшифровывали, анализировали картины как текст. Поэтому я предложила пятиклассникам сравнить две картины (благо учебник предоставлял выбор из двух работ Айвазовского) и написать, какая им ближе и почему. Мама одного из учеников, моя знакомая, потом рассказывала: сын дома уточнил, нормально ли, что замещавшая учительница попросила высказать в сочинении свое мнение. Ребенок интересовался, не неопытностью ли вызвано такое сомнительное педагогическое решение.

Наверное, для меня эта история – один из самых убедительных аргументов в пользу свободы на уроках литературы.

Больше вопросов!

Не существует литературы в школе без вопроса. Не такого, на который есть единственный ответ, и тот у учителя, а настоящего, проблемного, не предполагающего однозначной позиции, порождающего дискуссию, переводящего ученика из режима слушателя в режим активного участника диалога. Для меня проблемный вопрос – одно из важнейших понятий в работе, один из самых необходимых педагогических инструментов. Учителю противопоказано приходить на урок с готовыми ответами. В противном случае ничего нового с занятия не вынесет ни он сам, ни его ученики.

Обычно я выбираю фрагменты произведения, если речь идет

о прозе, и готовлю к ним вопросы. Конечно, у меня в голове есть приблизительные ответы, но в беседе с классом они часто меняются, углубляются, преображаются. Иногда в процессе подготовки к занятию я вижу, что пазл не складывается, и специально ничего не предпринимаю, не пытаюсь в одиночку добраться до сути, потому что для этого и есть уроки литературы. В моем представлении идеальный ученик много рефлексирует и критически относится к информации, он должен уметь не только отвечать на вопросы учителя, но и задавать собственные – к тексту, окружающим, миру. Еще лучше, когда работа с произведением начинается с вопросов учеников. Что им интересно или непонятно? Что они ищут в тексте?

> *Мне кажется не таким уж глупым показать восьмикласснику, насколько Петруша Гринев, почти его ровесник, на него похож: вот ему прикольно жить с мамой и папой как у Христа за пазухой и, конечно же, тоже ничего не делать на уроках с месье Бопре, вот он размечтался, как поедет в Петербург служить, а вот зачем-то отец отправляет его в страшную глушь вместо Петербурга: как на это реагирует Петруша и как можно объяснить решение отца? А бывает ли такое сейчас? А если бы это были вы? Этот банальный прием можно применить в разговоре почти о любом программном произведении, и он дает сразу два направления для разговора: этическое и культурно-историческое. В чем люди остаются неизменными, несмотря на прошедшие века? Хорошо это или плохо? Нравится нам это или не нравится? Что в человеческом обществе сильно изменилось? И как мы к этому относимся? И тогда этот урок становится тем местом и тем временем, в котором подросток может поговорить о себе и о ценностях человеческого мира, причем я стараюсь, чтобы у ребенка был выбор – высказать ли свое мнение громко на весь класс (а многим нужно такое самоутверждение, многим хочется быть услышанными) или написать тихонечко в письменной работе (кто-то согласен только на это, и это тоже хорошо). Хотя всегда, конечно, остаются и те, кого не интересует ни один из предложенных вариантов.*
>
> *Оксана Владимировна Султанова, Томск, стаж преподавания 7 лет*

Однажды у меня вдруг оказалось два параллельных девятых класса: в одном я преподавала давно, в другом месяц замещала.

«Героя нашего времени» в обоих классах начали с того, что ученики прислали мне свои проблемные вопросы. Именно от них я шла при проектировании блока уроков. В результате в обоих классах мы использовали одни и те же материалы, но пути изучения романа, учебные траектории получились совершенно не похожими, потому что разные дети вычитывали и искали в тексте Лермонтова разное. Если же ни о чем не спрашивать школьников, то все будут проходить одно и то же, вариативность и индивидуальный подход пропадут.

Я очень люблю Толстого, люблю «Войну и мир». Раздаю всем по книге, чтобы была у каждого на парте. Дальше мы работаем с текстом. Более подробно – первые два тома. Я люблю копаться в деталях, в особенностях знаменитого толстовского оценочного изображения героев. Я просто даю вопросы, по которым дети должны найти в тексте ответы и подумать – такой стилистический эксперимент, – почему, например, Толстой выбрал не слово «умный», а какое-то другое.

Галина Григорьевна Щербакова, Подольск, стаж преподавания 47 лет

Привлекательная упаковка

Сначала я всегда стараюсь вызвать личный интерес учеников, приблизить к ним изучаемое произведение, но все это делается ради возможности поглубже забраться в текст и основательно в нем покопаться. Если все правильно обставить, «красиво упаковать» и регулярно проводить поиски скрытых смыслов, дети привыкают к такому способу чтения и начинают читать по-другому – более вдумчиво, постепенно превращаются из наивных читателей в компетентных.

Поскольку главное на уроке литературы – текст художественного произведения, а главная цель, которая стоит перед учителем, – учить пониманию того, что сказано другим человеком, то надо придумывать задания, которые было бы интересно выполнять и процесс выполнения которых приводил бы учеников/читателей к постижению смыслов различных текстов. Интересное задание – это тот «инструмент», который позволяет решать самые разнообразные задачи учителю и в работе с учеником, и в работе с самим собой. Невозможно

придумать ничего интересного, если ты не способен иначе посмотреть на привычное и знакомое. Это «интересное» будет плоским, поверхностным, если ты не расширяешь и не уплотняешь контекст, в котором существуют тексты.

Все это мы делаем, для того чтобы ученикам стал интересен материал, с которым мы к ним идем. И этот интерес (к предмету изучения, к учителю, которому интересно чем-то заниматься, к себе, который открывает и узнает, к разнообразию и сложности мира) побуждает двигаться вперед, то есть читать.

Римма Анатольевна Храмцова, Москва, стаж преподавания 37 лет

Не стану расписывать, как проводится анализ художественного текста. Для этого есть литературоведы. Но поделюсь незамысловатой метафорой, которая помогает мне в работе. Я всегда говорю детям, что умение анализировать текст – это умение замечать и расшифровывать сигналы, прежде всего сигналы для внимательного. Когда несколько раз повторяется одно и то же слово, оно как будто машет читателю и говорит: «Обрати на меня внимание, я здесь не случайно!» То же бывает с пропуском рифмы, разветвлением значения слова – многозначностью.

Раньше на входных дверях в подъездах часто ставили кодовые замки. Чтобы подобрать код (не подумайте обо мне плохо, для питерских подростков, проводивших некоторую часть своей жизни на крышах, это необходимая информация), нужно было смотреть на самые потертые цифры. Так и с литературой: стоит найти потертые цифры и нажать на них, как откроется заветная дверь. А самым удачливым повезет забраться на крышу.

Радость от интеллектуального труда требует тренировки. В те далекие времена, когда моя последняя учительница алгебры еще не пожелала мне никогда больше не сталкиваться с математикой (надо сказать, я до сих пор старательно следую этому завету), я часами решала системы уравнений, чтобы начало получаться. И если начинало, испытывала непередаваемое удовольствие. То же самое происходит с анализом текста, только вместо одинокого сражения обычно предлагается коллективный мозговой штурм. Чтобы дети выдержали этап тренировок, пока филологическое наслаждение еще не вошло в привычку, нужны завлекающие маневры.

Бывает, обходишься малой кровью: изучая тему Родины в лирике, выстроишь в один ряд Лермонтова со странной любовью,

Бродского с «Письмами к стене», Шевчука с «Родиной-уродиной» (он для школьников уже почти что незнакомая древность) и Хаски с его «Поэмой о Родине» – и готово. Бывает, рискуя сойти за сумасшедшую, тащишь в класс освежитель для воздуха с запахом сирени и пирог, чтобы дети поняли разницу в отношении Обломова к Ольге и Агафье Матвеевне. Легкие пути находятся не каждый раз. Поэтому мы с моим мужем, святым человеком, до пяти утра делаем в фотошопе страницу Гоголя во вконтакте, поэтому годовая контрольная продумывается неделю и оформляется как серия скриншотов переписки, по которым нужно угадать произведение, а список чтения на лето – как меню летнего кафе. Я не случайно говорю о времени, затрачиваемом на разработку подобных развлечений. Дети чувствуют, когда учителя вкладываются, и отвечают тем же.

Учитель на втором плане

Подбирать мотивационные ключи к сложным произведениям приятно и увлекательно. Не хуже, чем расшифровывать тексты. Но еще приятнее видеть, как ты постепенно отходишь в классе на второй план, превращаясь из Великого и Ужасного в обыкновенного модератора беседы. Самая большая работа, подготовительная, остается дома, а на уроке ученики получают инструменты, чтобы говорить уже не столько с тобой, сколько друг с другом. Ради этого же годами мучительно выстраивается групповое взаимодействие в классе.

Уйти от вертикального обсуждения на литературе сложно. Все хотят отвечать учителю, мало кто даже во время публичного выступления смотрит на одноклассников, а не на педагога. И если вдруг возникает естественный горизонтальный диалог, если дискуссия начинается сама, без волшебного учительского вмешательства, значит, все получается и все не зря. Это уже не для отметки и не для одобрения со стороны взрослого. Это – чистый интерес, настоящая алхимия.

У детей вообще должно быть много самостоятельной работы, в которую учитель по желанию ученика вмешивается в процессе, чтобы немного направить, и обязательно вмешивается в конце, чтобы оценить. Не поставить пять или два, а подробно рассказать, что удалось, а над чем еще предстоит поработать. Школьники отлично справляются без учителя, если ему хватает моральных сил отстраниться. Например, как-то раз я поделила класс на несколько групп, назначила лидеров и объяснила им идею творческого проекта. Лидеры распределили задачи,

проконтролировали их выполнение и сдали мне результаты, заодно оценив труд своих групп. В подготовку проекта включились даже те, кого я к последнему месяцу учебного года считала без вести пропавшими. Если грамотно подготовить почву, учитель перестает быть центром образовательного процесса. И это касается не только литературы.

Я встречала немало учителей, которые отрицают важность методики. Действительно, работать без нее можно, и нередко таким учителям удается воспитывать компетентных и увлеченных читателей. Если дети изначально болеют литературой и готовы целенаправленно ее изучать, им достаточно качественного разговора о текстах без танцев с бубнами. Я и сама, работая с одаренными подростками, перехожу сразу к делу без особенных завлекающих приемов. Случается и так: влетаешь в класс, окрыленная своими хитроумными придумками, а приходится бросить все заготовленное и 45 минут читать вслух и комментировать непонятный фрагмент.

Чаще же от методики отказываются те учителя, которые сначала влюбляют в себя, а уже потом в предмет. В борьбе за чтение хороши все ненасильственные средства. Впрочем, от культа учителя до насилия – один шаг. Лично мне учебная ситуация кажется намного более здоровой и профессиональной, когда на первом месте стоит не харизма учителя, а педагогическое мастерство. Тогда можно брать хорошие приемы и заинтересовывать учеников чтением в обыкновенной массовой школе. И вовсе не нужно для этого быть великим литературоведом или королем стендапа.

Не только чтение

Иногда, чтобы полюбить читать, нужно полюбить писать. И наоборот. Поймаешь кураж в одном – рано или поздно подтянется и второе. Поэтому мои ученики пишут разнообразные тексты – не только стандартные сочинения, но и фанфики по «Дубровскому», страшные рассказы об оживших памятниках Петербурга, прощальные письма Холдена Колфилда одноклассникам, стишки-порошки по мотивам «Собачьего сердца» или стихи гекзаметром о кровопролитных битвах за булочки в столовой. Это способ диалога с изучаемыми произведениями. Порой с помощью своего письменного высказывания можно подойти к книге ближе, чем во время чтения. Например, к «Фаусту», когда отвечаешь на вопрос, в какой момент жизни ты захотел бы произнести: «Остановись, мгновенье!»

Понять можно только то, что любишь. А для этого нужно «присваивать» текст всеми возможными способами: писать свои этюды, стихи, рассказы, рисовать прочитанное, играть в читаемое, находить вещи и события, которые можно превратить в историю. Идти, мне кажется, важно от читателя, от его мира – к миру книги, миру писателя. Я постоянно задаюсь вопросом: а что интересно именно этим детям, которые пришли на урок?

Мы читаем много современной литературы, находим связи между ней и классикой, смотрим кино, сами снимаем мультфильмы по книгам, приглашаем на урок поэтов и писателей – и они приходят и отвечают на вопросы, рассказывают о себе. А еще замечательно получается, когда урок ведут два учителя сразу – например, учитель истории и литературы. Тогда можно вести диалог о книге с разных точек зрения, обсуждать, спорить, слушать друг друга. Сейчас приглашать гостей на урок с помощью зума стало еще проще.

Марина Анатольевна Павлова, Москва, стаж преподавания 30 лет

Кажется, что литература ограничена текстами: дети читают и пишут, читают и пишут. Но возможностей на самом деле гораздо больше. Я предлагала ученикам снимать мультфильмы по стихам Бродского, записывать аудиогид по «Аду» Данте, составлять по нему же квиз «В какой круг ада ты попадешь?», рисовать комиксы по «Василию Теркину» и каллиграфические портреты Печорина, подбирать мемы к «Недорослю» и саундтреки к образам помещиков в «Мертвых душах», создавать визуальные метафоры к «Силентиуму» Тютчева.

Такие задания не хуже сочинения позволяют анализировать и интерпретировать книги, но освежают уроки и помогают детям спастись от давящего на них (особенно на тех, для кого письмо – пытка) вербального мира. Письменное высказывание ценно, но, делая упор только на него, мы многое теряем. В том числе учеников. Один мальчик никогда не сдавал мне письменных заданий, но прекрасно работал на уроке. Я попросила его записывать ответы не в тетради, а в виде голосовых сообщений, и количество сдаваемых работ заметно увеличилось.

Иногда можно хоть чуть-чуть заинтересовать книгой, используя мемы, которых сейчас по школьной классике множество, их придумывают и рисуют такие

же школьники. Порой помогают необычные задания: завести инстаграм литературного героя, заняться косплеем или фан-артом по прочитанным произведениям. Мне кажется, хорошо и интересно все, что приближает классику к детям. Я не согласна, когда такие приемы называют заигрыванием: на мой взгляд, они напоминают нам, насколько живые тексты мы читаем.

Оксана Владимировна Султанова, Томск, стаж преподавания 7 лет

Зная сюжеты блокбастеров Marvel, можно завести с детьми разговор о мифах, архетипах и их реализации в литературе. Прочитав книги и посмотрев фильмы о Гарри Поттере, можно вести разговоры о сказках с пятиклашками, о жанре школьной повести с восьмиклассниками и о «диалектике души» с десятиклассниками. Заставив себя послушать современные песни, начинать разговоры о поэзии и так далее. Учитель литературы должен быть готов со всей серьезностью обсуждать с ребенком интересующие того культурные феномены: от текстов ICSPEAK до современных аниме-сериалов (и всегда быть готовым строить вместе с детьми мостики к Мандельштаму и свободолюбивой лирике Пушкина, к Хаяо Миядзаки и гравюрам Хокусая).

Александр Анатольевич Моисеев, Екатеринбург, стаж преподавания 11 лет

Необычные задания могут повысить еще и цифровую грамотность. Слухи о том, что все школьники поголовно интернет-супермены с руками-гаджетами, мягко говоря, преувеличены. В смартфонах они хороши, но гуглить за пределами сайтов с готовыми сочинениями, как правило, не умеют, в презентациях просто копируют побольше буковок, а от задачи преобразовать текст в инфографику падают в обморок. Я хочу, чтобы ученики умели работать на разных цифровых платформах, могли и видео смонтировать, и сайт в элементарной программке сверстать. Когда даешь такие задания, дети справляются. Не всегда получаются шедевры, но зато в процессе выполнения они осваивают необходимые им цифровые навыки и учатся высказываться с помощью современных технологий.

Интересная проверка знаний

Я часто вспоминаю институтские экзамены, когда за время подготовки, а потом и в очереди к экзаменатору усваиваешь чуть ли не больше, чем за весь предыдущий курс. Поэтому я хочу, чтобы школьная контрольная не только проверяла знания, но и давала возможность что-то узнать прямо в процессе написания. Тот, кто равномерно хорошо учится, и так напишет хотя бы на четверку. А что делать с менее усердными учениками? Поставить три или два можно и без контрольной: уровень погруженности каждого в предмет учителю известен. Так почему бы не воспользоваться проверочным заданием, чтобы заинтересовать побольше учеников?

Однажды, руководствуясь этими соображениями, я заранее попросила читающих и рисующих отличниц (в том классе это удачно совпало) нарисовать картинку-головоломку. Дала им подробное техническое задание: мне нужна была комната, в которой бы располагались пронумерованные детали из пройденных за год произведений. Предметы девочки выбирали для своих комнат сами, я только утвердила список. Авторы картинки получили оценки автоматом. Остальные на контрольной определяли, откуда детали и какова их роль в текстах. Одни вспомнили то, что и так знали, другие подсмотрели в работу соседей и узнали хоть что-то. Но погружены и заинтригованы точно были все, даже те, кому и контрольная, и литература вообще до лампочки.

Литература вне кабинета

Не менее важна в формировании читателя внеурочная и внепрограммная жизнь. Я стараюсь делать участие в этой жизни добровольным. Хотя бывает, конечно, что внепрограммное читается на уроке или в учебное время приходит гость, тогда уж присутствуют те, кто оказался в этот день в школе.

Мне нравится, когда дети сами предлагают книгу для внеклассного чтения. В прошлом году на вопрос, о каком тексте хотелось бы поговорить, ученики предложили «Мальчика в полосатой пижаме» Джона Бойна. После основательного погружения в тему холокоста в подростковом возрасте я много лет старалась обходить ее, так что роман Бойна прочитала впервые. Поскольку даже за три занятия литературы в неделю не успеваешь проходить все, пришлось предложить ученикам отдельные встречи. С желающими мы стали собираться после

уроков по понедельникам. Ничего необычного не происходило: просто разговаривали, обсуждали, что тронуло, какие герои показались близкими, что осталось непонятным. Особенно мне запомнилось занятие, где все по очереди рассказывали, почему они «другие». Мы играли так очень долго, и было ясно, что я пришла в свой выходной, а дети после тяжелого дня, чтобы просто увидеться и поговорить. Возможно, дополнительный понимающий и слушающий взрослый им был нужнее, чем дополнительное чтение, но идея совмещать всех устроила.

Когда я поняла, что хочу включать в уроки больше современной литературы, то начала отбирать небольшие рассказы и готовить к ним задания по русскому языку. Эта хитрость позволила показать ученикам современных подростковых писателей. Вообще, многое из того, что не умещается в уроки литературы, я переношу в уроки русского языка. Так можно слушать новые треки Нойза МС, читать интересные интервью, смотреть видео от «Гоголь-центра». Кстати, о видео. В ОГЭ по русскому нужно писать сочинение по шаблону о каком-нибудь «правильном» и «высокоморальном» понятии. Как-то раз мне попался на ютубе живой и совершенно не тоскливый ролик «Гоголь-центра», где актеры отвечают на вопрос «Что такое совесть?». Мы посмотрели его на уроке, и я предложила ребятам выбрать понятия из перечня к ОГЭ и снять свое видео, где они так же спрашивали бы людей о значении «настоящего искусства», «любви» и далее по списку. Выяснилось, что при определенном ракурсе вдохнуть смысл можно даже в такое гиблое дело, как подготовка к написанию насквозь клишированного сочинения.

> *В современной школьной программе игнорируется все, что было написано у нас и за рубежом в последние сорок лет. Насколько позволяют программа, время урока, возможности для дополнительного разговора, я пытаюсь познакомить учеников с какими-то современными текстами, что-то посоветовать, чем-то попытаться заинтересовать, говорить с ними о том, что фэнтези, фантастика, young adult, которые они читают, – это книги не однозначно хуже (или лучше) тех, о которых мы с ними говорим на уроках, это просто другие книги, а книга как таковая может быть хорошей или плохой и в XIX, и в XXI веке. А еще она может быть хорошей или плохой для какого-то конкретного человека, и я как учитель литературы вполне могу не любить определенного классического автора, так же как может*

не любить другого автора какой-то известный критик, и у любого из моих учеников тоже есть такое право.

Оксана Владимировна Султанова, Томск, стаж преподавания 7 лет

В восьмом классе (мне приходилось несколько раз брать новые классы как раз этого возраста, поэтому технология отработана на них) можно специальным образом организовать внеклассное чтение по четвертям. В первой четверти читаем книги друг друга. Для знакомства с ними отводим несколько первых уроков года. Каждый ученик коротко представляет какую-то любимую книгу – в итоге у нас получается список из 20–25 книг, откуда надо выбрать две запомнившихся и прочесть их. А в конце четверти написать работу, в которой сравнить свое впечатление с впечатлением одноклассника.

Во второй четверти читаем книги, которые были интересны в восьмом классе родителям. Для этого надо поговорить с мамой или папой (можно и бабушкой или дедушкой) и, прочитав порекомендованную ими книгу, опять же сравнить свое и их восприятие.

В третьей четверти идем по учителям – они же тоже что-то читали в своем восьмом классе. Опрашиваем, составляем список, читаем, разговариваем с учителем о его впечатлении, пишем работу.

В четвертой четверти читаем книги из списка, который составляют по нашей просьбе выпускники. Они уходят из школы и, оглядываясь назад, рекомендуют литературу идущим им на смену. Итоговая работа строится на том же принципе сопоставления впечатлений.

Весь год мы формируем у ребят иллюзию, что вокруг читают все. Создаем списки. Даем возможность выбора. Учим слушать других и себя. Системно, целенаправленно, с дедлайнами и отметками. Знаю по опыту, что этот год для многих становится точкой начала настоящего чтения.

А можно действовать как бы впроброс, à part (так называют в театре реплики в сторону). Ведешь урок или разговариваешь с учеником на перемене – и как бы между прочим, невзначай, называешь ту или иную книгу. Тут важно коротко и интригующе ее подать, наживить крючок самой вкусной наживкой. Быстро, незаметно забросить его и ждать клева. Делая вид, что занят

совсем другим. И эта стратегия тоже работает, проверено. И главное – если срывается, не переживать. Просто продолжать выходить в море. Говорить себе, как хемингуэевский Старик: «Значит, я попробую еще раз». И пробовать, пробовать.

Сергей Владимирович Волков, Москва, стаж преподавания 28 лет

Периодически я вожу учеников в театры, музеи или зову гостей в школу. Обычно такие события не связаны с классикой и великими шедеврами, то есть речь не о БДТ и Эрмитаже, а скорее о небольших проектах, где можно все рассмотреть вблизи, включая создателей, актеров, режиссеров, экскурсоводов. Мне хочется показать не грандиозные спектакли и выставки, а среду, сам феномен творчества. Спектакль о Стиве Джобсе или возможность оказаться за сценой Большого театра кукол завораживают детей и вырывают их из сурового мира обязаловки. И гости к нам приходят только такие, с которыми возможен простой человеческий диалог.

Меня поразило, как легко позвать в школу живого писателя: достаточно следить за небольшими детскими издательствами и немножко с ними подружиться. Благодаря издательству комиксов «Бумкнига» к нам приходил норвежский комиксист Андерс Кваммен, благодаря «Самокату» – автор подростковых и детских романов Дарья Доцук. Сами по себе приезжали писатели Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак. И все они правда хотят к детям, по-настоящему, то есть не ждут правильных вопросов от хороших девочек и мальчиков, а на равных говорят со своими читателями о подростковых проблемах, затрагиваемых в их книгах. Главное – не бояться приглашать, а пригласив, не устраивать профилактической подготовки к встрече с советами в духе «о том-то не спрашивайте, поднимайте руку, будьте серьезными». Лучше всего затеряться в классе, предоставив читателям и писателю встретиться без надсмотрщика. Это не значит, что надо на весь час замолчать, спрятавшись под парту, но можно ведь тоже превратиться на время в читателя и забыть о тяжелом педагогическом прошлом.

Перечисленные приемы в разной степени эффективны. Они работают не со всеми учениками и не всегда, но, кажется, в целом помогают если не заинтересовать литературой, то хотя бы не вызвать отторжение. Роль учителя в формировании читателя велика, на нас много ответственности. И все-таки существует масса других факторов, влияющих на читательскую судьбу

ребенка. Один мой ученик категорически отказывался читать, три года подряд заявлял, что не в состоянии осилить даже коротенький рассказ. А в начале десятого класса он, загадочно улыбаясь, сообщил, что летом прочитал роман Ремарка, а теперь читает «Машеньку» Набокова. Оказалось, что ключом к большой литературе стала девушка. Вот так годами устраиваешь танцы с бубнами, чтобы заинтересовать подростка книгами, а потом приходит какая-то девушка и в одночасье добивается успеха! И слава богу, когда к ученику вместе с любовью приходит любовь к чтению; учителю остается только радоваться и надеяться на долгосрочный эффект.

Что говорят писатели?

Основные участники образовательного процесса – ученик, учитель и родители. Когда речь идет о литературном образовании, в этом ряду может появиться еще и писатель – живой и, как мы уже выяснили, готовый прийти в школу. Правда, современные писатели пугают некоторых современных родителей. Беда в том, что проблемы подростков – это набор сплошь табуированных слов. Увидели «суицид» – пропаганда, запретить, о таком с детьми нельзя. «Алкоголь», «наркотики», «секс» – еще хуже. Есть у Бориса Слуцкого военное стихотворение «Говорит Фома». Оно начинается так:

Сегодня я ничему не верю:
Глазам – не верю.
Ушам – не верю.
Пощупаю – тогда, пожалуй, поверю,
Если на ощупь – все без обмана.

Можно вычеркнуть слово, выкинуть книги и оставить ребенка с его непроговоренными тревогами, незаданными вопросами – одиноким, бессловесным, непонятым. Но давайте лучше откроем глаза и уши, проверим тексты современных писателей на ощупь: вдруг они не призывают читателей ни к чему плохому, а просто рассказывают истории их сверстников, проживающих и переживающих близкие каждому подростку проблемы? Вдруг современные писатели – те, кто вместо нас или вместе с нами говорит с детьми о трудном и делает это без обмана?

Невозможно читать книгу, сопереживать персонажам, если ты думаешь о предстоящем сочинении и, как утопающий, пытаешься найти хоть что-то, за что в этом сочинении можно будет уцепиться. Мне странно читать критику Белинского: он говорит о героях Пушкина, Лермонтова, Грибоедова как о живых настоящих людях. Конечно, он же в школе их не проходил. А я не воспринимаю героев классики как людей. Это же классика. Мне же по ней сочинение писать. Поэтому мухи отдельно, котлеты отдельно: классика (вернее, ее краткое содержание – на качестве сочинения при наличии статей в учебнике это практически не сказывается) отдельно, а настоящие Книги с настоящими Персонажами

– отдельно. Родители, конечно, считают иначе. Классику надо читать, переживать из-за нее и все такое, а все эти современные писатели гроша ломаного не стоят. Как бы не так! Чтоб я хоть слезинку над классикой проронила! Ну, вру, было один раз – дуэль Онегина и Ленского, но и то разве пару раз всхлипнула. А современная фантастика – другое дело, я чувствую этих персонажей, это такие же люди, как я, мне за них радостно и страшно. Я из-за смерти одного-единственного (даже не главного!) героя как-то раз рыдала минут сорок. В голос.

А самое обидное, что взрослым мои любимые книги не покажешь. Они хорошие, эти книги. Они про жизнь, смерть, любовь, дружбу, верность и храбрость. Словом, шикарные книги, глубокие, хорошо написанные. Прям как советские. Но писатели и издатели знают, что теперь это просто так не продается, потому что там – секс, алкоголь и курение безо всякого «Минздрав предупреждает». Но книга же не делается от этого хуже. Только взрослые этого не поймут. Будут убеждены, что я всему плохому научусь, а самого главного не замечу, хотя на самом деле самого главного не заметят как раз они.

Лера, 16 лет, Москва

Пугает современная литература и учителей: непонятно, как с ней работать, нет методичек. Когда мы берем абсолютно новое для нас произведение, то не знаем, как правильно его анализировать, нам часто не хватает смелости вместе с детьми прыгнуть в неизвестность. Бывает и так, что современная литература кажется словесникам недостойной изучения, слабой на фоне классики. Надо сказать, учителям сложно договориться о том, что такое современная литература: для кого-то это тексты современников, а для кого-то – вторая половина XX века. Детям еще сложнее: канон за рамки XX века не выходит, поэтому старшеклассники к концу обучения могут считать Маяковского вполне современным поэтом. О том, что школьники элементарно не встречаются с произведениями современных авторов, свидетельствуют исследования детского чтения. Согласно опросу, проведенному РДГБ в 2019 году, новые тексты появляются в списках любимых книг у подростков тогда, когда взрослые целенаправленно организуют знакомство, например проводят в библиотеке занятие или мероприятие, посвященное тому или иному автору.

В школе ситуация усугубляется тем, что включение в программу современных книг даже в формате внеклассного

чтения для учителя небезопасно. Однажды я зачитывала на уроке фрагменты повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», чтобы дети, уже знакомые с автобиографическими повестями о детстве Толстого и Горького, могли увидеть, какое развитие этот жанр получил ближе к концу XX века. Каюсь, я не возражала, чтобы дома дети прочитали текст полностью, но в классе, конечно, читала, опуская всю нецензурную лексику. Это не уберегло меня от написания объяснительной в ответ на многостраничную жалобу оскорбленной родительницы.

Включение в поле детского чтения современных книг кажется мне чрезвычайно важным. Нельзя игнорировать живой литературный процесс. Поэтому я попросила нескольких настоящих во всех смыслах этого слова писателей рассказать, для кого и о чем они пишут, что думают о современной детской литературе и детском чтении, как относятся к перспективе оказаться в школьной программе.

Ирина Лукьянова

Книга – чей-то концентрированный опыт. Им можно пользоваться, а можно не пользоваться. Этот опыт сложнее извлечь, чем тот, что упакован в форму кино: ты сам ставишь кино внутри своей головы; не всегда на это хватает сил и понимания. Это твой собственный кинотеатр для тебя самого, в котором очень много возможностей – больше, чем технически доступно всей индустрии развлечений. Но, опять же, это не единственный способ впускать в себя чей-то опыт – хотя пока ведущий для человеческой цивилизации.

А детям и подросткам он нужен для того, чтобы с большей уверенностью и лучшим пониманием формировать свой собственный опыт, вероятно. Это если серьезно. А если коротко, книга – для удовольствия. Опять-таки, сложное удовольствие, кажется, что всем доступное – ан нет.

У меня очень разные книги: есть взрослые, есть детские, есть художественные, есть познавательные – у каждой, наверное, есть свой читатель, и я далека от мысли, что читатель книжки «Я – коала» и «Стеклянного шарика» – один и тот же. «Я – коала» – совсем малышовая, ее родители даже хвалят. А вот книга «Стеклянный шарик» изначально вообще не собиралась быть детской. Она вышла во взрослом издательстве «ПРОЗАиК», но я вдруг решила ее выдвинуть на конкурс «Книгуру», а дети дали ей третье место. Ну, не дети – подростки. И там – да: с этой книгой сложно. Там дети ругаются плохими словами, издеваются над

одноклассницей. Взрослые спрашивают: зачем детям такое читать – про чьи-то травмы, чью-то попытку суицида, домогательства соседа в подъезде, «зачем вся эта чернуха»? У меня есть ответ: затем, что все это бывает в жизни подрастающего человека, что детство – не обязательно безмятежное время сплошного счастья, что с таким отчаянием и такой тоской, с которой сталкиваются некоторые дети, далеко не все взрослые умеют справляться. И что детям важно знать, что это – не навсегда, что ты вырастешь, что будет сложно, но иначе. И, конечно, у родителей всегда есть вариант – не покупать книгу, а у детей – не читать. Но полагать, что человек четырнадцати лет научится плохому, прочитав книгу, где пятиклассники ругаются нехорошими словами, – это значит плохо знать своего человека четырнадцати лет.

Конечно, современная литература заставляет задумываться над вопросами, которые где-нибудь в XIX веке или вообще не ставились, или их ставили как-то иначе. Ну вот, например, я сейчас читаю «Спаситель и сын» Мари-Од Мюрай; там очень важна тема расизма в современном обществе. Ну ведь ясно же, что в книжке современного французского автора эта тема будет звучать иначе, чем в хрестоматийной «Хижине дяди Тома», и что «Хижина дяди Тома» не закрыла вопрос навеки. Читателю хочется не только старого-доброго-испытанного-временем, но и нового, о сегодняшнем дне, о его современниках. В конце концов, у каждого времени – свои темы, над которыми люди задумываются, и многие старые добрые советские книжки по своим реалиям отстоят от современных детей дальше, чем истории из жизни обитателей далекой галактики.

Ася Петрова

Основной жанр, по которому я известна родителям и детям, – это короткий рассказ (хотя повести, романы и разные другие экспериментальные жанры у меня тоже есть). Но все-таки именно короткий рассказ за мной закрепился. Как правило, речь идет о рассказе-зарисовке, где много юмора и поднимается некая серьезная (или не очень) психологическая тема.

С моего первого сборника («Волки на парашютах») и по сей день я встречаю два типа родительской реакции: либо восторг, доводилось мне даже слышать искреннее «Ну почему вас не было в нашем детстве?», либо возмущение. И первая реакция, и вторая связаны с одним и тем же: я пишу рассказы, в которых дети и родители ведут себя очень раскованно (не разнузданно, а именно раскованно), они не стыдятся затрагивать какие-то неловкие

темы, не боятся показаться глупыми или странными, вообще не боятся самовыражения в хорошем смысле, во всяком случае я к этому всегда веду.

И несмотря на то что темы меня интересуют довольно безобидные (я никогда не пишу о гендере, насилии, сексе – просто потому, что меня это и не очень интересует, и аудитория у меня другая), все-таки часть родителей я умудряюсь раздражать. Еще раз замечу, что я никогда не гналась за актуальными темами, наоборот, я скорее такой консервативный бытописатель, в том смысле, что пишу о насущных вопросах «повседневной» психологии. А своего читателя я представляю как человека с открытым сознанием, готового поразмышлять, человека, который понимает, что не может знать все, может не во всем на свете быть правым, человека с чувством юмора, не ханжу.

Я говорю о реакции взрослых, потому что с детьми/подростками за десять лет работы у меня ни разу не возникало никаких проблем. Когда я прихожу на выступление и читаю, дети смеются, задают вопросы и всегда реагируют положительно. Ни единого отрицательного примера у меня не было, из чего я делаю вывод, что любой ребенок – мой идеальный читатель.

Думаю, некоторые родители сопротивляются современной детской литературе просто потому, что не знают ее. Если бы они послушали какого-нибудь умного специалиста или на книжном салоне консультанта от издательства и попробовали бы, они бы поняли, чего себя лишают. Я считаю, что детская/подростковая литература никогда не была такой разнообразной, как сейчас. Охват неимоверный: от малышовых стихов до остроактуальных романов young adult. Есть сказки, рассказы, книжки-картинки, фэнтези, масса всего научно-популярного, актуального и традиционного, какого угодно.

Правда, на вопрос «Зачем детям и подросткам читать?» мне всегда сложно ответить. Поскольку мне читали с колыбели и у меня не было периодов жизни без книг, мне не совсем понятно, как можно не любить чтение. Человек в значительной степени обедняет свою жизнь, отказываясь от какой-либо части культуры, будь то кино, литература, живопись, футбол или мороженое. Книга – это развлечение, тренажер для мозга, источник вдохновения, личный психолог и друг, отдых.

Думаю, что при выборе книги совершенно ни на что не следует ориентироваться, кроме собственного вкуса. Нет, ну можно почитать умные сайты и посмотреть по премиям, но в целом надо позволять ребенку читать то, что хочется, я думаю. И поменьше навязывать. Только так можно влюбить в чтение, а не принудить к нему.

Судя по встречам и отзывам в соцсетях, читатели моей книги «Голос» – люди разного возраста: и двенадцатилетние, и двадцатилетние, и сорокалетние, и даже бабушки. Меня такой возрастной разброс очень радует, хотя я ориентировалась на молодых людей – от 15 до 25 лет, поскольку мне и самой было 24–26, когда я работала над книгой. В общем, тут многое должно совпасть: интересно ли тебе следовать за рассказчиком, нравится ли язык, ритм, какое у тебя сейчас настроение и что ты хочешь получить от книги: безопасное место, утешительную и обнадеживающую историю или, наоборот, встряску, приключение, эксперимент, или ты ищешь ответы на свои вопросы. Я думаю, что читатели по-прежнему находят книги в основном благодаря сарафанному радио. А еще я очень рада, что моя книга вышла в издательстве «Самокат», которое за годы работы создало вокруг себя сообщество «своих» читателей. В «Самокате» умудряются и вдумчиво работать над изданиями, и быть открытыми к людям, дружить – с читателями в соцсетях, на ярмарках, в магазинчиках «Самоката», с учителями, библиотекарями, экспертами, блогерами и даже с зарубежными коллегами.

Мне кажется, учителя и родители хорошо приняли «Голос». Во всяком случае я не вижу гневных постов и меня регулярно зовут в школы, в основном в седьмые – девятые классы (старшеклассников, видимо, готовят к ЕГЭ, и у них совсем нет времени). Конечно, это не тысячи школ, а десятки, но я не вижу в этом проблемы. Свою книгу я воспринимаю как камерный разговор с читателем наедине и не думала, что школы ею заинтересуются.

Учитывая огромный список обязательной литературы, я просто восхищаюсь учителями, которые выбирают для своего класса еще и современные тексты. Но тут важно, могут ли они построить вокруг этих текстов интересную для учеников деятельность: дискуссию, дебаты, игру, проект. Например, семиклассники московской гимназии № 1514 сделали альбом с цитатами из «Голоса», со своими рисунками, коллажами, эссе и стихами, возникшими после прочтения. И подарили мне на встрече. Встреча у нас тоже получилась увлекательная, настоящая дискуссия, дети очень глубоко прочитали книгу, увидели даже такие связи, которые я не закладывала, ну разве что подсознательно. Именно такой подход, как мне кажется, раскрывает чтение как удовольствие, поиск, исследование, повод для разговора с другими.

Но есть и другой кейс, когда школьники писали мне во вконтакте, что им задали прочитать «Голос» и написать краткое содержание, поэтому они просили меня рассказать, «в чем главный смысл книги». В школе все по-прежнему зависит от учителя. Повезет – не повезет. Если бы мою книгу сейчас включили в школьную программу, я бы испугалась, что многие учителя будут с ней вот так скучно работать и для школьников в этом не будет никакой радости и открытия.

Для меня нет конкуренции между современными книгами и «классическим советским набором авторов». Мне кажется, у каждого человека и у каждого поколения – свои знаковые тексты, свой канон, который формируется отчасти стихийно. Современные подростки не читали «Трех мушкетеров», но читали «Цветы для Элджернона», «Голодные игры» и «Виноваты звезды». При этом «О дивный новый мир», «Трудно быть богом» и «Мастер и Маргарита» по-прежнему в тренде. Это живой процесс, за которым интересно наблюдать. Так что я за свободный выбор в чтении и нечтении.

Если мы говорим о школьной программе, то я понимаю учителей, которые чтут традиции и хотят работать по четкому списку проверенной классики. Новые книги еще надо найти, прочитать, выбрать. И методичек по ним нет. Но мне хочется, чтобы дали больше свободы учителям, которые хотят работать с современными текстами. Например, как в европейских школах: обязательного списка нет, учитель может сам выбирать тексты для своего класса, а если он не готов выбирать, то есть самые разные рекомендательные списки, программы, гайды по чтению. В начальной школе у нас ведь нет обязательного списка и учителя как-то справляются. Я вижу, что многие дети из началки читать любят, а вот среди подростков увлеченных читателей уже меньше. Мне кажется, это связанные вещи.

Если цель литературы в школе – научить читать и интерпретировать текст, показать разные литературные жанры и формы, то я не вижу причин ограничиваться классикой. Ведь язык обновляется, меняется ритм повествования, вечные темы раскрываются на новых, более близких современным людям примерах, появляются и новые вопросы, требующие осмысления. Но пока что, по моим ощущениям, цель урока литературы в школе – заставить детей прочитать определенный корпус классических текстов, большинство из которых им не по возрасту. Мне кажется, среди взрослых людей единицы тех, кто в школе прочел все книжки по программе и вспоминает об этом опыте с удовольствием и благодарностью.

Сейчас очень много стонов на тему «Ах, дети и подростки не читают». Когда объясняешь, что это, мягко говоря, неправда, в последние годы дети (особенно младшие школьники) стали читать больше, стон меняет тональность на «Они читают всякую ерунду! А как же классика?». И затем следуют рассуждения про «плохую» современную литературу для детей. И про то, что она в подметки не годится классическим текстам.

Даже не знаем, с чего тут начать… Во-первых, никакого чемпионата мира по литературе не существует. Невозможно объективно сравнивать Гоголя и Веркина. Или Ершова с Настей Орловой. Нет критериев. Во всяком случае сами писатели (в большинстве своем) в этом перетягивании каната не участвуют. Просто пишут в меру своего таланта и добросовестности.

Во-вторых, «классической детской литературы» почти нет. «Детство. Отрочество. Юность», «Детство Никиты», «Детские годы Багрова-внука», рассказы Льва Толстого… Все. То, что «Евгения Онегина» или «Муму» изучают в школе, никак не делает их детскими или хотя бы подростковыми текстами. А «Мертвые души» или «Преступление и наказание» не всякий современный взрослый осилит. Так что чисто количественно современные детские и подростковые книги покрывают классику «как бык овцу» (© Михаил Жванецкий).

В-третьих и в-главных, современные книги не только не мешают понять классические тексты – они помогают добраться до классики. Можно ведь не бросать ребенка в омут «Муму» (жуткое испытание для пятиклассника), не мучить школьников ребусами из Фонвизина, а начать с более простого и близкого, с рассказов про парней со смартфонами и девчонок с инстой. А потом, доказав, что читать – это весело и важно, добраться до более сложных текстов.

Потому что, как нам кажется, литература в школе нужна как полигон для осознания чувств, для разговора об эмоциях. И герой на скейте Нины Дашевской гораздо ближе по эмоциям, чем Ванька Жуков, страдания которого нужно еще объяснить. Проблемы героев Виктории Ледерман быстрее найдут отклик у современных пятиклассников, чем проблемы Дениски – при том, что «Денискины рассказы» великолепны и до сих пор прекрасно читаются. И со временем, уяснив, что «книжки – это про меня», человек сможет уловить, что и «Евгений Онегин» – это тоже «про меня».

Словом, нет никакого противостояния современной и классической литературы. Оно существует только в головах

людей, которым лень или страшно читать книги, написанные после 1950-го. Если учителя рискнут и одним глазком заглянут в тексты Марии Ботевой, Алексея Олейникова, Кристины Стрельниковой, Светланы Лавровой, Дмитрия Сиротина, Анны Игнатовой, Евгении Басовой… нет, всех тут не перечислишь, простите, коллеги.

Если учителя поверят, что современная детская или подростковая книга может дать повод для разговора о важном, у них в руках окажется отличный инструмент. Им можно построить мостик между интересным и важным – и доказать, что важное может быть интересным, а интересное – важным.

Чего хотят дети?

Почему мы не слышим детей?

Что самое страшное в дискуссии о детском чтении? По-моему, тотальное выключение из этих разговоров самих детей. Мы всегда говорим о них и почти никогда не говорим с ними.

Однажды я участвовала в обсуждении педагогической конференции, посвященной проблеме чтения в школе. Мы с коллегами думали, как лучше организовать мероприятие, каких спикеров позвать, кому требуется слово в пленарной части, а с кого хватит и короткого выступления во втором отделении. Я предложила позвать школьников. Идея вроде бы лежит на поверхности, но ведь гораздо удобнее ее не замечать. В итоге организаторы нашли подростков, готовых высказываться и спорить. Правда, по доброй педагогической традиции предварительно их, судя по всему, немного помуштровали, а во время дискуссии модератор тянула одеяло на себя, чтобы они ничего не испортили. И все же их голоса прозвучали, а это главное.

Формирование читателя невозможно в условиях вертикального взаимодействия. Если родители и учителя знают, «как лучше», и не пытаются услышать детей, то все старания взрослых обречены на провал. Необходим диалог, а порой нам самим нужно помолчать и послушать, что говорят и чего хотят потенциальные читатели. Это должен быть честный разговор, в котором у ребенка есть право на собственное мнение, право отказаться от нашего «как лучше».

> *Подросткам по своей природе нравится делать не так, как советуют умудренные опытом и бог знает чем еще взрослые, а в точности наоборот (мне лично ну очень). Поэтому, когда взрослые капают на мозги своими «когда последний раз книгу в руки брал, что из тебя вырастет», первое, чего хочется, так это не брать ее в руки никогда больше в жизни, показав, что и без их тупых, очевидных и, что самое мерзкое, многократных советов вырастет кое-что поприличней, чем они.*
>
> *Лиза, 16 лет, Санкт-Петербург*

Несколько заинтересованных девятиклассников написали по моей просьбе манифест читающих подростков. Перед этим на одном из уроков мы читали «Пощечину общественному вкусу», так что получился и правда вполне себе манифест, чуть ли не

лесенкой и не без пощечин.

Манифест читающих

Мы устали от предвзятости.

«Если ты читаешь классику – ты зануда».

«Если ты читаешь – ты скучный».

Мы любим книги, но мы можем не любить что-то в них.

Мы тоже пропускаем длинные описания и монотонные речи героев.

Для нас главное – не читать, главное – быть заинтересованным в этом.

Комиксы тоже книги.

Люди считают фанфики позором современности, прочитав одну работу.

Называют себя читающими, прочитав одну книгу.

Нам нравится классика. Да, с нами все в порядке.

Нам нравится новое. Мы не любим, когда взрослые осуждают нас за это:

«Не классика – не книга».

Школьная программа должна включать в себя современную литературу.

Актуальные проблемы. Живые ситуации.

Нам не повезло. «Толстой, Пушкин, Булгаков – боги, попробуй сказать, что это не так».

Нет. Мы имеем право на свое мнение.

Рейтинг книг не должен диктовать правила.

Мы сами решаем, когда готовы начинать читать.

Для этого нет границ.

Мы читаем ради новых эмоций.

Мы находим места, где удобно читать,

И называем их лучшими.

Мы убегаем от мира, открывая книгу.

Нас нельзя назвать скучными.

О чем говорит манифест моих учеников? Читающим подросткам не всегда комфортно среди сверстников. И неудивительно. Так, в классе, о котором идет речь, учатся 25 человек, из них по-настоящему читающими можно назвать шестерых. Собственно, пятеро из этих шестерых и составили манифест. Полагаю, это жизнерадостная статистика. Мне доводилось работать с классами, где ситуация была хуже.

Читающие подростки готовы воспринимать классику, но

нравится она им не по умолчанию. Взрослые превозносят авторитетность писателей-классиков, и детей это раздражает.

Читающие подростки хотят выходить за пределы привычной школьной программы и говорить о том, что важно и актуально для них прямо сейчас. С этим и правда лучше справляется современная литература, особенно подростковая.

Возрастные ограничения, распространяющиеся на некоторые книги (то, что в манифесте названо «рейтингом книг»), не столько увеличивают интерес к «запрещенной» литературе, сколько вызывают раздражение.

Читающим подросткам нравятся комиксы, фанфики и не нравится презрение взрослых по отношению к этим жанрам.

Читающие подростки ставят взрослому миру диагноз – повышенное давление.

Обратная связь

В течение учебного года я встречаюсь с десятками и даже сотнями читающих и углубленно интересующихся литературой подростков – победителями олимпиад и творческих конкурсов. В основном эти ребята делятся на две категории: те, кто полюбил литературу и добился успехов в филологии благодаря счастливой встрече с «тем самым» учителем, и те, у кого со школьным учителем и его методами отношения натянутые. Недовольных, как водится, больше. И если одаренные дети способны перешагнуть через неудачные уроки в школе, то для среднестатистического ребенка несовпадение с подходом учителя нередко заканчивается полной потерей интереса не только к предмету, но и к чтению. Роль школы в формировании отношения к книгам велика.

Я не лучший учитель литературы и прекрасно это осознаю, но у меня есть одно полезное качество – готовность слушать и слышать учеников. Поэтому, чтобы узнать, что в моей практике срабатывает, что остается в памяти детей со знаком плюс, а что – со знаком минус, я вновь обратилась к классу. Честно говоря, просить об открытой обратной связи людей, которых несколько лет учил не бояться высказывать свое мнение, страшновато. Вот как не побоятся сейчас… тем более что анкета анонимная.

Когда вы увидите результаты опроса, то можете подумать, что я целенаправленно собралась хвастаться. Это не так, хотя не стану скрывать: результаты меня порадовали и растрогали. Я испытала что-то между эйфорией и грустным умилением, как будто посмотрела душещипательную мелодраму, предварительно выпив пять чашек кофе. Но анкета все же затевалась не ради детального описания педагогических чувств, а для того, чтобы увидеть на примере живых учеников, что вообще может радовать и раздражать их в уроках литературы, что запоминается, как меняются взаимоотношения детей с программными текстами.

Итак, приведу вопросы и прокомментирую ответы. К слову о вовлеченности: добиться заполнения гугл-формы удалось от 20 из 25 учеников. И, разумеется, нужно учитывать, что полученные данные – не релевантная статистика, а результат трехлетней работы с конкретным классом. Например, школьники, которые не учились работать в группах, вряд ли будут дорожить групповым взаимодействием на уроке. Впрочем, некоторые ответы кажутся близкими к общеподростковой действительности и потому предсказуемыми.

Что самое классное и интересное на уроках литературы?

На первом месте внезапно оказались обсуждение произведений и ожидаемо интерактивность – игры, проектная работа. На втором (уже совсем внезапно) – анализ произведений. Далее – сами тексты, непосредственно материал уроков. Остальные ответы сгруппировать невозможно. Среди них: появление интереса к книге после урока, сам учитель, чтение вслух (когда читает учитель), атмосфера, возможность высказывать свое мнение, свободный формат общения с учителем, уроки с участием приглашенных писателей и поэтов.

Почему я так удивилась первому и второму месту? Мы много анализируем тексты, и периодически это вызывает протест: детей откровенно достает, что все подряд что-нибудь да означает. У моих учеников есть что-то вроде локального мема, который они используют, чтобы подтрунивать над моей тактикой ведения литературы: «искать смысол». Именно так они это произносят. Судя по ответам, когда дело дошло до рефлексии, «смысол» все-таки победил. За три года анализ текста постепенно перестал казаться придурью училки и начал помимо воли учащихся приносить интеллектуальное удовольствие.

Какой формат работы на литературе или какой урок запомнился вам как самый интересный? Почему?

Больше всего писали о работе в группах, чуть меньше – о разговорно-аналитических форматах: рассуждениях, обсуждениях, опросах, дискуссиях, совместном разборе, изучении и анализе определенных произведений, приглашении на урок гостей, выступлении с презентациями перед классом.

Неслучайно групповая работа так запомнилась моим ученикам. Детям важно говорить друг с другом. И это не про возможность обойти правила и поболтать о чем-то своем на уроке. Наверняка о своем они тоже успевают, но ведь действительно качественно работают в группах. Когда я начинала практиковать групповые задания с участвовавшими в опросе учениками, они были в седьмом классе. Почти всегда выбор такого формата гарантировал испорченный урок. Половина занималась своими делами, остальные, толком не совещаясь друг с другом, что-то делали, времени уходило вдвое и втрое больше, чем закладывалось, уровень ответов категорически не оправдывал вложений. Уже к началу девятого класса во время занятия с групповым заданием абсолютно не вовлеченным оставался всего

один ребенок: его связывали слишком крепкие узы со смартфоном. Конечно, прийти к такому результату было непросто. За два года провалилось немало уроков, и я не всегда выдерживала это стоически. Но все не зря. Я отошла в сторону и дала детям возможность научиться новой форме взаимодействия. И теперь для многих эти групповые работы стали учебной ценностью.

Среди ответов дважды встретилось упоминание урока по роману «Униженные и оскорбленные». Я провела этот урок по технологии «барометр». Она устроена так: пространство делится на три зоны – «да», «нейтральная позиция», «нет»; ведущий зачитывает утверждения, участники занимают место в помещении в зависимости от степени согласия с утверждением; ведущий фиксирует выбор участников, а в конце проводит обсуждение всех утверждений. Соответственно, в нашем случае утверждения были связаны с романом Достоевского (например, «Алеша не может нести ответственность за свои поступки, потому что он как ребенок»; «Нелли глупо поступила, не обратившись за помощью к князю Валковскому»; «Наташа и Иван Петрович могли бы быть счастливы друг с другом», «Основа любви – жалость и самопожертвование», «Любить – значит страдать»). В конце урока все утверждения обсуждались в связке с отрывком из романа.

Эта технология ориентирована на формирование и презентацию столь ценимого подростками собственного мнения и предполагает перемещение в пространстве, а походить во время урока по классу – редкая удача. После прогулочной части – обсуждение в общем кругу. И это, как ни странно, тоже для школьников нечастый формат. Еще в тот день нам не хватило обычного кабинета – нас отправили в библиотеку, что сделало урок менее рутинным. Содержание занятия было придумано неплохо, но, полагаю, победа за формой и атмосферой. Ученики, упомянувшие занятие по Достоевскому, указали книгу, которая изучалась, но, отвечая на анкету, они подробно описали именно формат работы по ней. Как я уже говорила, гнаться за условно нечитающим поколением нужно не просто с книгой в руках, но с книгой, правильно упакованной.

Впрочем, уроки по конкретным авторам, анализ определенных текстов в опросе тоже называли. Дважды вспомнили о Данте, один раз – о «Горе от ума», а кто-то из ребят, помимо Данте, назвал «Гамлета» и «Царя Эдипа». Выводы на основании четырех ответов делать бессмысленно, но вопрос-то задать можно. Почему из русских писателей только Грибоедов, почему такой перекос в пользу иностранных книг? Нам повезло с программой: мы работаем по учебнику, в котором есть место для

зарубежной литературы. В чем секрет ее успеха? То ли родная литература сложнее для восприятия, то ли я от страха не справиться с зарубежкой старательнее ее «упаковываю», но каждый раз замечаю: она идет лучше, чем русская классика.

Что самое унылое на уроках литературы?

Тут ничего неожиданного: сочинения и письменные задания, неинтересные произведения, в том числе Пушкин, слишком затянутый разбор произведений, разбор стихотворений, творческие задания и проекты, биография и, наконец… барабанная дробь… литература. Также в одном из ответов, помимо уныния от творческих проектов, упоминалась работа в группах, а в другом – к неинтересным книгам добавлялись спектакли. Да, не надо было показывать неудачную постановку «Горя от ума», не повторяйте моих ошибок и никогда не смотрите фильмы и спектакли в записи впервые на уроке вместе с классом, кто бы вам их ни советовал.

Выходит, сами по себе уроки моим ученикам вполне симпатичны и местами даже запоминаются, а главное уныние у них вызывает письмо (увы, креативное тоже, речь не только о стандартных сочинениях) и, собственно, изучаемые тексты. Что ж, мы учим детей любить чтение на материале, который они не любят читать. Никакого открытия здесь нет. А вот что с этим делать – важнейшая педагогическая проблема.

Изменилось ли за время нашей совместной работы ваше отношение к чтению? Если да, то как именно и почему?

К этому вопросу осталось 19 человек из 20. Тринадцать из них ответили «да» (семь стали больше читать, у пяти проснулся интерес к чтению, один отмечает, что отношение поменялось на 55–60 %, а изменения связаны с более внимательным чтением). Шестеро ответили «нет».

Тринадцать – это чуть больше половины класса. Чуть – на полчеловека. Хороший результат, если ты обыкновенный учитель, а не герой Робина Уильямса из «Общества мертвых поэтов». А главное, это реалистичный результат. Его можно добиться в удачном классе за несколько лет. Положительно ответившие на вопрос отмечали, что начали обращать внимание на детали и скрытый смысл (ха, опять «смысол»), лучше относиться к классике, школьной программе (в том числе кто-то указал, что

программные произведения интересно разбирать на уроках, а это снова анализ и «смысол»), читать больше русских авторов, читать больше внешкольных книг. В одном ответе ученик пишет, что изменил отношение потому, что мы изучали не только классические, но и «актуальные» произведения. И, конечно, мой любимый ответ: «Интересно разбирать всякие отсылки, „скрытые смыслы“, но читать все равно не хочется».

Таким образом, работа над программными текстами на уроках помогает. Отношение к классике, школьной программе и русским авторам у детей изначально скорее негативное, но анализ текста все-таки работает как метод вовлечения в чтение и немного спасает ситуацию. Вспомним, что пятеро учеников не добрались до анкеты в принципе, несмотря на то что я несколько раз настойчиво попросила класс ее заполнить, а один прошел опрос, но не стал отвечать об изменении отношения к чтению. Это уже показатель далеко не всеобщей заинтересованности. Из 19 прошедших опрос у шестерых отношение к чтению не изменилось, и вряд ли имеется в виду, что оно и так было положительным.

О чем это говорит? Всегда будет как минимум половина класса, на которую не подействуют ни форматы, ни книги. То есть идея развить у детей интерес к чтению априори хотя бы наполовину провальная. Придется смириться, сколько бы горечи за этим ни стояло. Скажу очевидное, но оттого не менее страшное: не все дети, вырастая, оказываются счастливы в личной жизни, не все из них заводят семью и находят любимую работу. В этом же ряду чтение: не все дети полюбят читать, даже если они родились в любящей и читающей семье.

Зачем они читают?

Когда я провела опрос среди родителей и увидела, как они объясняют важность детского чтения, мне стало интересно, что об этом думают дети. Я спросила у 74 российских школьников: «Почему чтение представляет для вас ценность? Почему вам важно читать книги?» Сразу скажу, что обратилась к читающим детям (считающим себя таковыми), вероятно, многие из них вообще увлекаются литературой. То есть речь идет не о среднестатистических школьниках, а о «подарочных» детях, для которых чтение – ценность. Однако и родители в моем первом опросе не были среднестатистическими.

На этом этапе мне интересно сравнить ответы читающих взрослых и читающих детей.

Возрастное распределение отвечавших: 7–10 лет – 2,7 %, 11–14 лет – 21,6 %, 15–18 – 75,7 %.

Детские ответы, как и ответы родителей, делятся на крупные категории: «Образованность» и «Рефлексия». Но процентное соотношение меняется. Подросткам важнее рефлексия (52,7 % против 23 % у родителей), а об образовательной пользе они говорят реже (35,1 % против 52 % у родителей). Особое место среди детских ответов занимает «Гедонизм»: у подростков он на втором месте (31 %), а у родителей – только на пятом (16,8 %).

Большинство подростков говорят о себе как о субъектах, в то время как родители далеко не всегда, рассуждая о важности чтения, концентрируются на субъектности своих детей. Когда ребенок – объект, чтение становится показателем его успешности, образованности, предметом оценивания. Много или мало читает? Быстро или медленно? Правильные книжки или неправильные? И так далее. Когда ребенок – субъект, чтение воспринимается как способ получения удовольствия и знакомства с собой, другими людьми, жизнью. Этим может объясняться разница в распределении ответов среди родителей и подростков.

Отмечу несколько интересных тенденций. Ответы детей более образные, в них чаще используются метафоры и реже штампы. Из 74 ответов только 11 похожи на взрослые клише о пользе чтения, в них, как правило, теряется субъектность и увеличивается количество орфографических ошибок. И все же ответы, связанные с «Образованностью», более личные и честные. Это уже не одни общие соображения в духе «Чтение развивает грамотность». Встречаются, например, такие варианты: «Мне важно читать книги для внятной речи. Чтобы говорить и не запинаться» или «В школе легче писать сочинения и описывать

произведения».

Но самое важное, пожалуй, то, как подростки смотрят на виртуальное проживание опыта с помощью литературы. Самая популярная метафора и у родителей, и у школьников – «чтение – мир». При этом первые нередко отвечают общо: «Чтение – целый мир», а вторые воспринимают его как виртуальный, альтернативный мир. Взрослые склонны говорить о пассивном жизненном опыте, черпаемом из книг, с практической точки зрения: пригодится в реальных ситуациях. Дети говорят о книгах как о возможности прожить то, чего в их жизни нет и что, по их мнению, невозможно. Рядом с метафорой «мир» появляются «побег» и «альтернативная реальность»; не всегда об этом говорится прямо, но картина вырисовывается:

• чтение может заменить собой практически все: путешествия, общение, просмотр фильма, урок;

• возможность отвлечься от реальности и уйти в другой мир;

• книги <…> позволяют мне заполнить пробелы в моей жизни;

• побег от реальности;

• я убегаю от всех своих проблем, от суеты;

• возможность сбежать от проблем;

• прикоснуться к миру, получить опыт, который, возможно, мы не получим в реальной жизни;

• один из способов убежать от серой (если вы видите ее таковой) реальности и проблем;

• я очень люблю эти ощущения, когда вокруг появляется новый мир и люди;

• чтение помогает окунуться в абсолютно другую реальность, уйти от своих проблем, прожить за несколько часов (или дней) совершенно новую жизнь;

• переживать те эмоции, которые невозможно получить в жизни;

• в жизни ничего интересного не происходит – чтение выполняет компенсаторную функцию.

Особенно мне дорога последняя цитата. Она словно обобщает детско-подростковый запрос к литературе: компенсировать скучноватую реальность. Есть схожее заявление о заполнении пробелов в жизни. На самом деле ту же функцию выполняют гаджеты. И во многом от взрослых и среды зависит, чем эти пробелы заполнятся.

При сравнении ответов родителей и школьников на первый план выступает конфликт: взрослые и дети воспринимают ценность чтения по-разному. Если немного обострить, подростки

хотят читать про себя и для себя, а родители хотят, чтобы они читали ради образования. Я убеждена, что есть только один способ решить этот конфликт – прислушаться к детям.

Что делать и кто виноват?

Что можно уловить, прислушавшись к школьникам, приглядевшись к результатам опросов и приведенным в книге высказываниям подростков? В первую очередь то, что ответственность за чтение и нечтение детей лежит чаще всего на взрослых. Сначала это родители, потом учителя. Многие из рассказавших свои истории делили читательскую жизнь на до и после школы. В связи с дошкольным периодом о родителях чаще говорили с благодарностью, в связи со школьным – с раздражением. Если родитель солидаризируется с учителями и настаивает на чтении по программе, возникает отторжение. Учителя, зацикленные на классике и не дающие свободы, воспринимаются негативно, а более открытые – позитивно, но с оговорками и некоторым сочувствием: даже самый гуманный и понимающий педагог, хочется ему того или нет, прячет за спиной тургеневские пейзажи. Спасителями без отягчающих обстоятельств становятся только внешкольные педагоги: репетиторы, ведущие курсов, литературных студий.

Итак, половину интереса к чтению убивает школьная программа. Вторую половину – методы ее подачи. Выживают как читатели те дети, которые умеют грамотно наплевать на обязательный список и втихаря продолжают читать то, что им интересно.

При этом упомянутые одним из подростков краткие содержания при всей их убогости могут принести пользу. Благодаря им читающие ученики освобождают время для других книг и не проваливаются на уроках. Мухлюя, дети получают нормальные отметки, и литература не ассоциируется у них с постоянным неуспехом. А вот регулярные двойки или конфликты с учителем влияют на любовь к чтению плохо.

Еще один печальный факт: из-за установок родителей и учителей школьники стесняются своих читательских предпочтений. Однако желание читать непрерывно возникает только у тех, кого хотя бы раз затянула книга, пусть и не самая высокоинтеллектуальная. Произведения из школьной программы затягивают нечасто.

Судя по размышлениям подростков, их сердца требуют не столько кардинальных перемен, сколько расширения обязательного списка и ослабления его обязательности. Видимо, чтобы ученики чувствовали себя свободнее и счастливее, достаточно добавить в программу увлекательных и не таких уж канонических текстов, причем в выборе книг по возможности

пойти от конкретного класса.

Подростковый возраст связан с непростым эмоциональным состоянием, и да, суровая русская классика способна навредить. Многие подростки читают, чтобы разобраться в себе. В 12–17 лет школьная программа не всегда справляется с таким запросом, потому что входящие в нее книги написаны совсем для другого возраста. Но это не значит, что подростки не готовы читать сложную литературу или боятся острых тем, просто книги должны быть к ним ближе.

Ну и два главных вывода: счастливые читательские истории нередко становятся результатом везения, а в конкурсе на взрослого, разбудившего любовь к чтению, побеждает тот, кому интересны в первую очередь сами дети.

Внутренний голос

Думаю, нужно слышать не только детей, но и свой внутренний голос, доносящийся из детства. Как мы читали? Были ли безупречны в роли читателей?

Я точно не была. Да и сейчас далека как минимум от собственного представления о начитанном человеке. Так уж сложилась жизнь: вместо того чтобы безостановочно восполнять литературные пробелы, последние лет пять я работаю днем и ночью, а еще ращу дочь. Полноценным читателем я смогу снова стать только тогда, когда у меня появится возможность нагло рассесться посреди квартиры с книжкой и потребовать от окружающих тишины. Сейчас же в моем распоряжении только ночь, а ее я чаще посвящаю работе или, при более счастливых обстоятельствах, сну.

Последний раз мне удалось почитать, как в студенчестве, в отпуске. В январе 2018-го, перед командировкой, я заехала на четыре дня в Москву, остановилась в отеле и приступила к экспресс-реабилитации. В нее входили бассейн, ванная, доставка еды и чтение. Выяснилось, что способность прочитывать пару романов за несколько вечеров никуда не делась. Можно было часами лежать в кровати с книжкой и переворачиваться только для того, чтобы не затекала шея.

Конечно, по работе я читаю постоянно: год за годом перечитываю школьную программу, наверстываю упущенное и вспоминаю любимые тексты, готовя литературные семинары для одаренных школьников. Но за пределами работы и семьи количество часов в сутках предательски ограничено. И все-таки я верю, что постепенно стану более приличным читателем, и крохотными шагами двигаюсь в этом направлении.

У меня аэрофобия. Каждый раз, когда мне кажется, что самолет упадет (а поскольку у меня аэрофобия, эта мысль сопровождает любой полет), я думаю: «Господи, этот самолет просто не может упасть сейчас, ведь мне еще нужно прочитать…» Сохраню интригу: пусть на месте многоточия останется все самое стыдное. И, может быть, однажды я перестану волноваться, не напишут ли на моей могиле: «Здесь лежит учительница литературы, так и не прочитавшая…» К несчастью, сколько ни прочти, на месте этого многоточия все равно окажется внушительный список.

Разумеется, я завидую учителям без страха и упрека, которые читали все на свете и могут, элегантно облокотившись о парту, продекламировать наизусть страницу из «Мастера и Маргариты».

Зато мне легче, чем им, разрешить ученикам быть неидеальными. Жаль, что разрешить это ученикам просто, а себе – нет. Итак, я не безупречный читатель и никогда им не была. Понимание моих пробелов и недостатков помогает мне терпимее относиться к школьникам. И им важно, чтобы учителя помнили, что сами когда-то были детьми. То же касается и родителей.

Многие подростки, отвечая на вопрос, почему они читают, писали о книгах как о побеге. В 15–16 лет хочется сбежать от себя: от собственной неловкости, нелепости, от непонимающих родителей, ранящих сверстников. В вошедших в эту книгу ответах и монологах школьников я узнаю свою читательскую историю, слышу свой голос. Полжизни назад мне не приходило в голову читать, чтобы с помощью книг постичь, что такое хорошо, а что такое плохо. Ценность чтения была простой. Если бы мне в 10-м или 11-м классе предложили подобный опрос, я бы, наверное, ответила: «Читать и анализировать прочитанное интересно, я получаю от этого удовольствие. Книги помогают сбежать от реальности и больше узнать о себе». О кругозоре и грамотности в моем ответе не было бы ни слова.

Где обитает детское чтение

Чтение сопряжено со множеством трудностей и тревог. Вырастить, воспитать читателя – это настоящий вызов. И на него откликаются общество и бизнес – отсюда такое количество детских издательств и проектов, так или иначе связанных с чтением. Но как ориентироваться в мире современной детской и подростковой литературы? Как погрузить ребенка в книжную среду? Куда бежать родителям и учителям, если их укусила муха детского чтения?

В первую очередь нужно познакомиться с современными издательствами: «Самокатом», «Поляндрией», «Белой вороной», «Бумкнигой», «КомпасГидом», «Розовым жирафом» и многими другими. Эти издательства не просто выпускают книги, но создают читательскую среду: организуют мастер-классы и разнообразные занятия для читателей в каком-нибудь маленьком книжном магазине, устраивают встречи с писателями на разных площадках, в том числе виртуальных, и предоставляют возможность позвать писателей к себе – в школу или библиотеку.

Увидеться с издателями и получить советы о детском чтении из первых рук можно на книжных ярмарках (в 2020 году не все из них состоялись, но хочется верить, что в скором времени жизнь вернется в привычное русло и ярмарки снова развернутся в полную силу). Самые крупные из них – Московская международная книжная выставка-ярмарка, Московский международный открытый книжный фестиваль (ММОКФ), Ярмарка интеллектуальной литературы non/fiction, Санкт-Петербургский Международный книжный салон, Красноярская ярмарка книжной культуры (КРЯКК). Это праздники чтения, где можно заодно увидеть настоящих писателей. Для детей на таких мероприятиях обычно есть отдельная программа. Если вы берете ребенка с собой, обязательно предоставьте ему свободу выбора. Пускай уйдет с теми книгами, которые сам захочет купить.

Книжные магазины тоже не просто продают книги, а именно занимаются детским чтением. Например, московский книжный «Маршак» издал потрясающий сборник поэзии обэриутов. Для этого была запущена краудфандинговая кампания. Издать книгу помогли будущие читатели. Так же поступили иркутский магазин «Кукуля» и московское издательство «Настя и Никита» – в результате появилась детская книга о Байкале. Я участвовала в обоих сборах. Моя дочка тогда была еще маленькой, но, думаю, есть что-то магическое в том, чтобы вместе с ребенком перевести деньги на книжный проект, а потом ждать издания, следить за

новостями и, наконец, получить свой экземпляр.

Присмотритесь к библиотекам и музеям. Они в последние годы кардинально меняют имидж, активно сотрудничают с издательствами и устраивают действительно современные занятия. Районная библиотека за углом от вашего дома может оказаться совсем не такой, какой вы запомнили ее тридцать лет назад, а серьезные взрослые музеи порой предлагают удивительные программы для школьников. Например, в Петербурге с детьми интересно работают Музей Анны Ахматовой и Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского.

Самые разные списки детской литературы, интервью с издателями, последние книжные новости публикуют медиа об образовании и воспитании: «Мел» и *Chips Journal*. Лучше разбираться в новинках помогают книжные блоги. Их такое количество, что я не возьмусь перечислять. Посоветую только блог «Мартышка» Валерии Мартьяновой. Хотя бы раз каждый родитель должен увидеть ее сатирические видео о взрослых, выбирающих детские книги.

На вопрос «Что и как читать?» отвечают подкасты «Само за себя», «Внеклассное чтение», «Мам, почитай», «Экспекто патронум». Последний делает просветительский проект Arzamas, на сайте которого родителям стоит изучить «Детскую комнату». Честно говоря, без арзамасовских интерактивных материалов о литературе я уже слабо представляю свою работу, как, впрочем, и без сайта «Полка», в последнее время активно взявшегося за тему детского чтения. Вот куда надо отправлять подростков вместо бесполезных сайтов с однотипными ответами на однотипные вопросы о произведениях.

Еще один сверхполезный ресурс, рассказывающий о детском чтении и дающий слово школьникам, – «Папмамбук». Кстати, «Папмамбук» проводит ежегодный конкурс подростковых эссе «Книжный эксперт XXI века». Необычный формат читательской рефлексии предлагает школьникам шоу книжных стендапов «Кот Бродского: говорят подростки». О детской литературе и подростках всегда интересно читать сайт писателя Жвалевского. Он подробно освещает детские литературные премии, чьи лонг– и шорт-листы можно воспринимать как рекомендательные списки. В закрытой группе во вконтакте «Наши читатели. Жвалевский/ Пастернак» писатели периодически предлагают участникам стать тестовыми читателями – прочитать новую книгу и дать обратную связь. Из премий особенно стоит обратить внимание на литературный конкурс «Книгуру» и фестиваль короткого рассказа «Кора».

Учителям я бы посоветовала добавить в закладки сайт

«Гильдии словесников». Там есть все необходимое от блестящих методических разработок до списков литературы, составленных учениками для учителей. А еще в «Гильдии» вы найдете то, без чего иногда теряются даже самые интересные педагоги, – профессиональное сообщество с человеческим лицом. Массу способов работать с литературой интересно и современно можно обнаружить в лекциях проекта «Умная методика».

Пять лет я была редактором-составителем сборника «100 проектов про чтение» и благодаря этому опыту увидела, сколько вокруг инициатив и сколько всего придумывают и осуществляют воспитатели, учителя, библиотекари, музейные работники, издательства, книжные магазины, сами школьники (детские проекты нередко более интересные и смелые). Предложений много. Возможностей погрузить ребенка в мир чтения больше, чем когда-либо. Главное, погружая, не утопить. Тот, кого из лучших побуждений топят, будет жадно глотать воздух, а не книги.

Что читать?
Советы родителей, детей и учителей

Что нужно читать школьникам, по мнению родителей

Я попросила родителей, не ограничиваясь школьной программой, назвать три книги, которые обязательно нужно прочитать их детям за время обучения в школе. Родители порекомендовали больше ста В сокращенном рейтинге оказались те, что упоминались не менее трех раз. Количество упоминаний указано в скобках. Судя по получившемуся списку, родители, выбирая самые важные тексты, старались удержать баланс между школьным каноном и увлекательной, но проверенной временем литературой. Примечательно почти равное соотношение отечественных и зарубежных текстов. Интересно и то, что ничего моложе «Гарри Поттера» родители советовать не решились. И неудивительно: по всей вероятности, они рекомендовали то, что любят сами, что сформировало их и что им хотелось бы сделать общесемейным культурным кодом.

• Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита» (22), «Собачье сердце» (3)

• Джоан Роулинг «Гарри Поттер» (15)

• Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (10)

• Александр Пушкин «Евгений Онегин» (8), «Капитанская дочка» (8), стихи (5)

• Федор Достоевский «Преступление и наказание» (7), «Братья Карамазовы» (4)

• Лев Толстой «Война и мир» (6)

• Джон Толкин «Властелин колец» (5)

• Харпер Ли «Убить пересмешника» (5)

• Антон Чехов. Рассказы (4)

• Николай Гоголь «Мертвые души» (4)

• Александр Дюма «Три мушкетера» (4)

• Вениамин Каверин «Два капитана» (4)

• Джером Дэвид Сэлинджер «Над пропастью во ржи» (4)

• Дэниел Киз «Цветы для Элджернона» (4)

• Иван Тургенев «Отцы и дети» (4)

• Марк Твен «Приключения Тома Сойера» (4)

• Рэй Брэдбери «Вино из одуванчиков» (4), «451 по Фаренгейту» (3)

• Александр Волков «Волшебник Изумрудного города» (3)

• Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон» (3)

• Библия (3)

• Евангелие (3)

• Туве Янсон «Муми-тролли» (3)
• Элинор Портер «Поллианна» (3)

Что на самом деле читают школьники

Подростков я попросила назвать две-три книги, которые, как им кажется, нужно прочитать каждому школьнику, и добавила, что речь идет не о школьной программе, а о любых текстах, которые формируют личность, помогают жить и расти. Подростки предлагали меньше программных произведений, чем родители, и при этом реже совпадали в рекомендациях друг с другом. Очевиден перевес в пользу зарубежной литературы (да, отечественной мы их все-таки достали). И вновь, как и у родителей, почти полное отсутствие современных книг.

Максимальное количество голосов набрал роман «1984». Результат ожидаемый: кажется, для этого поколения Оруэлл – новый Булгаков, а ведь «Мастера и Маргариту» родители порекомендовали 22 (!) раза. Удивляет появление в списке Николая Островского. Впрочем это, по-моему, не самое неожиданное. Чего было действительно трудно ожидать, так это невнимания к «Гарри Поттеру». Более восьмидесяти подростков поделились своими самыми важными книгами, а «Гарри Поттера» упомянули всего один раз – столько же, сколько фанфик Элиезера Юдковского «Гарри Поттер и методы рационального мышления». Может быть, Джоан Роулинг по-прежнему открывает детям чтение для удовольствия, но со временем вытесняется более взрослыми текстами?

В сокращенную версию списка вошли книги, названные хотя бы дважды. Количество упоминаний указано в скобках. Аналогичный опрос о любимых книгах в 2019 году провели в РДГБ. В нем приняли участие 1430 подростков в возрасте от 11 до 15 лет. Пересечения между верхушками списков, получившихся у РДГБ и у меня, есть. По выбору книг ощущается, что в моем опросе принимали участие старшеклассники. Зато очевидна общая тенденция: минимум современных авторов и максимум зарубежных.

По спискам можно сделать два основных вывода. Влияние взрослых на выбираемые подростками книги высоко, так что это мы, родители, учителя, библиотекари, должны сделать первый шаг к современной литературе. Сосредоточенность школьной программы на отечественной классике оказывает пагубное воздействие на отношение к ней учеников: «для души» они ее не читают. Значит, надо искать новые методы работы с классикой и (тут мне самой страшно) перестать так активно ее навязывать.

• Джордж Оруэлл «1984» (8)

• Дэниел Киз «Цветы для Элджернона» (7)

• Рэй Брэдбери «Вино из одуванчиков» (7), «451 по Фаренгейту» (6)
• Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (6)
• Харпер Ли «Убить пересмешника» (6)
• Эрих Мария Ремарк «Три товарища» (5)
• Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея» (5)
• Уильям Голдинг «Повелитель мух» (5)
• Джером Дэвид Сэлинджер «Над пропастью во ржи» (5)
• Александр Дюма «Граф Монте-Кристо» (4)
• Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита» (4)
• Вениамин Каверин «Два капитана» (4)
• Владимир Железников «Чучело» (4)
• Виктор Гюго «Отверженные» (2), «Человек, который смеется» (2)
• Герман Гессе «Игра в бисер» (2), «Степной волк» (2)
• Эрнест Хемингуэй «Старик и море» (2)
• Джон Грин «Виноваты звезды» (2)
• Клайв Стейплз Льюис «Пока мы лиц не обрели» (2), «Хроники Нарнии» (2)
• Николай Островский «Как закалялась сталь» (2)
• Джек Лондон «Мартин Иден» (2)

Что нужно читать школьникам, по мнению учителей

Учителя ассоциируются со школьной программой. К сожалению, в большинстве случаев для детей «чтение в удовольствие» и «чтение в классе» – параллельные вселенные. Именно поэтому я обратилась к учителям литературы с просьбой назвать важнейшие для формирования читателя непрограммные книги. Получился внушительный список, в котором, в отличие от рекомендаций родителей и подростков, много современной, отечественной и зарубежной, литературы. Учителя в своем выборе совпадали редко. Максимальное число голосов досталось Сэлинджеру, Дэниелу Кизу, Харпер Ли (они объединяют списки родителей, школьников и педагогов), Уильяму Голдингу. Рекомендации учителей урезать я не стала: не каждый день нам удается выбраться из-под завалов календарно-тематического планирования и сообщить миру, что наши представления о детском и подростковом чтении выходят далеко за пределы обязательного школьного списка.

- Эмиль Ажар «Вся жизнь впереди»
- Чингиз Айтматов «Плаха»
- Анатолий Алексин «Чехарда»
- Марина Аромштам «Когда отдыхают ангелы»
- Джон Бойн «Мальчик в полосатой пижаме»
- Рэй Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», «И все-таки он наш»
- Иван Бунин «Жизнь Арсеньева»
- Василь Быков «Обелиск», «Сотников»
- Эдуард Веркин «Облачный полк»
- Николай Внуков «Один»
- Евгений Водолазкин «Лавр»
- Юрий Вронский «Странствие Кукши за тридевять земель»
- Елена Габова «Не пускайте Рыжую на озеро»
- Рубен Гальего «Белое на черном»
- Ромен Гари «Обещание на рассвете»
- О. Генри. Рассказы
- Ольга Громова «Сахарный ребенок»
- Давид Гроссман «С кем бы побегать»
- Герман Гессе «Душа ребенка»
- Василий Гроссман «Жизнь и судьба»
- Виктор Гюго «Отверженные»
- Кейт Ди Камилло «Удивительное путешествие кролика

Эдварда»

- Сергей Довлатов «Заповедник»
- Уильям Голдинг «Повелитель мух»
- Фазиль Искандер «Приключения Чика»
- Франц Кафка «Превращение»
- Евангелие
- Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак «Время всегда хорошее», «Москвест», «Охота на василиска», «Пока стою на краю», «Смерть Мертвым душам», «Я хочу в школу»
- Владимир Железников «Чучело»
- Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»
- Кен Кизи «Полет над гнездом кукушки»
- Вениамин Каверин «Два капитана»
- Альбер Камю «Чума»
- Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз»
- Дэниел Киз «Цветы для Элджернона»
- Юрий Коваль «От Красных ворот»
- Наталья Колотова, Анна Ремез «Стражи белых ночей»
- Пауло Коэльо «Алхимик»
- Владислав Крапивин «Белый шарик матроса Вильсона», «Мальчик со шпагой»
- Харпер Ли «Убить пересмешника»
- Джек Лондон «Мартин Иден»
- Лоис Лоури «Дающий»
- Екатерина Мурашова «Класс коррекции»
- Владимир Набоков «Приглашение на казнь»
- Ричард Олдингтон «Смерть героя»
- Луиза Мэй Олкотт «Маленькие женщины»
- Джордж Оруэлл «1984»
- Р. Дж. Паласио «Чудо»
- Мария Парр «Тоня Глиммердалл»
- Сарра Пеннипакер «Пакс»
- Мариам Петросян «Дом, в котором»
- Аннабель Питчер «Моя сестра живет на каминной полке»
- Илга Понорницкая «Подросток Ашим»
- Анатолий Приставкин «Ночевала тучка золотая»
- Элинор Портер «Поллианна»
- Хуан Рульфо «Педро Парамо»
- Эрих Мария Ремарк «На Западном фронте без перемен», «Три товарища», «Триумфальная арка»
- Анатолий Рыбаков «Дети Арбата»
- Павел Санаев «Похороните меня за плинтусом»
- Мигель де Сервантес «Дон Кихот»
- Анна Старобинец «Переходный возраст»

• Аркадий и Борис Стругацкие «Трудно быть богом», «Стажеры»
• Джером Дэвид Сэлинджер «Над пропастью во ржи»
• Донна Тартт «Щегол»
• Владимир Тендряков «Весенние перевертыши»
• Джон Толкин «Властелин колец»
• Анника Тор «Остров в море»
• Юрий Трифонов «Обмен»
• Людмила Улицкая «Дочь Бухары»
• Андрей Усачев «Умная собачка Соня»
• Джон Фаулз «Волхв»
• Фрэнсис Скотт Фицджеральд «Великий Гэтсби»
• Кэндзиро Хайтани «Взгляд кролика»
• Марина Цветаева «Мой Пушкин»
• Александр Чудаков «Ложится мгла на старые ступени»
• Гэри Шмидт «Битвы по средам»
• Эрик-Эмманюэль Шмитт «Дети Ноя», «Оскар и Розовая дама»
• Тод Штрассер «Волна»
• Арт Шпигельман «Маус»
• Михаэль Энде «Бесконечная книга»

Заключение

Вот и закончилось время, когда я без конца спрашивала знакомых и незнакомых людей о чтении и нечтении, вспоминала свои и собирала чужие истории, мысли, страхи. Мне было важно услышать взрослых и подростков, родителей и учителей, себя и собственного ребенка. Я сталкивалась со стереотипами и старалась пробраться через них, понять, что стоит за набившей оскомину жалобой: «Они не читают!» Больше всего хотелось узнать, как видят нашу борьбу за книжное выживание дети, и дать слово им. Кажется, это мне удалось.

Мое представление о детском чтении изменилось в процессе написания книги. Я даже сформулировала рецепт, как не убить детей чтением. Помнить себя в детстве, не забывать, что ваш собственный путь не универсален, исходить из личности конкретного ребенка. К сожалению, рецепта, как заинтересовать чтением абсолютно всех, по-прежнему нет. И все-таки я надеюсь, что моя книга поможет кому-то увлечь чтением учеников, а кому-то – понять, что нечитающего ребенка можно счастливо и полноценно любить.

Что до моего условно нечитающего и безусловно любимого ребенка, то, выбирая между мультфильмом и сказкой, Лия все еще предпочтет первое. Но теперь за обязательным просмотром вечернего мультфильма по желанию следует чтение вслух. Желание появляется все чаще, причем не только перед сном.

Я больше не смешиваю семейное и самостоятельное детское чтение. Если же меня начинает тревожить, что дочка еще не читает, успокоиться помогают статьи и интервью физиолога Марьяны Безруких. Впрочем, периодически Лия сама во время вечерней сказки перехватывает инициативу и прочитывает несколько слов. Недавно она с большим интересом начала писать: проснулась как-то утром и сказала, что поняла, как пишут. Выяснилось, что правда поняла – созрела. А я созрела восполнить подростковые пробелы и почти без стыда читаю то, мимо чего проскочила в свои пятнадцать.

Мне еще много раз предстоит пройти все круги школьной программы с ее сложными, объемными, но интересными и важными текстами, так что… помнить себя в детстве, не забывать, что мой путь не универсален, исходить из личности конкретного ребенка. И всегда держать в голове, что чтение должно быть только по любви, а насилия не должно быть совсем.

notes

Примечания

1

По оценке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (2015 год). См.: https://mel.fm/chteniye/698214-reading. – *Здесь и далее примечания автора.*

2

Согласно исследованию РГДБ (2011–2012), статье-исследованию Марины Загидуллиной «Подростки: чтение и интернет в повседневной жизни», а также «Исследованию чтения московских подростков в реальной и электронной среде» Веры Чудиновой. См.: https://mel.fm/chteniye/698214-reading.

3

Wolf M. Reader, Come Home: The Reading Brain in a Digital World. Harper, 2018.

4

Детская развивающая книжка с яркими картинками и минимумом текста, предполагающая внимательное разглядывание деталей.

5

См.: https://www.facebook.com/galina.yuzefovich/posts/1854661504562709.

6

Здесь и далее вы встретите цитаты из моих разговоров и переписок с российскими учителями и школьниками.

Вопрос на T&P: откуда появился миф о «самой читающей стране в мире»? // Теории и практики. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/16191-vopros-na-tp-otkuda-poyavilsya-mif-o-samoy-chitayushchey-strane-v-mire.

Алексеевский М. Антропология чтения в современной России // ПостНаука. 2015. 2 декабря. URL: https://postnauka.ru/video/55760.

Алексеевский С. Антропология чтения в современной России.

Homo legens – 8. Молодежное чтение в России и за рубежом. Пути формирования читающего поколения. Сборник статей / под общ. ред. М. В. Белоколенко, Е. С. Романичевой; ред. англ. текстов С. К. Павликова. М.: Русская ассоциация чтения – «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016.

Психология развития: как дети учатся понимать эмоции // ПостНаука. 2017. 24 августа. URL: https://postnauka.ru/animate/78876.

12

Р. И. Беккер вела в Санкт-Петербургском дворце творчества юных кружок анализа художественного текста, куда я по случайности попала, не поступив там же в кружок журналистики.

13

Речь идет о выпускном исследовании по литературе в 11-м классе.

14

В Комарове находился дом отдыха для писателей, в Горелове – дача писательницы Татьяны Алферовой. Там проходили встречи «Пенсил-клуба» – объединения поэтов и писателей, готовивших к таким встречам тексты «по заданию». В основном создавали пародии, стилизации, основанные на большой литературе.

15

Сборник создаваемых школьниками и бытующих среди них текстов от страшилок до матерных пародий на басни Крылова и стихи Маяковского.

16

Бразильский писатель, автор моей любимой детской книги «Орден желтого дятла».

Bury L. Reading literary fiction improves empathy, study finds // The Guardian. 2013. 8 октября. URL: https://www.theguardian.com/books/booksblog/2013/oct/08/literary-fiction-improves-empathy-study.

Everding G. Readers build vivid mental simulations of narrative situations, brain scans suggest // The Source. 2006. 26 января. URL: https://source.wustl.edu/2009/01/readers-build-vivid-mental-simulations-of-narrative-situations-brain-scans-suggest.

19

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. Главы | Природа эмоционального интеллекта. Когда умный глупеет // ПостНаука. 2013. 13 августа. URL: https://postnauka.ru/books/16198.

Кириллова С. «Он будет читать, даже если вы запретите» // Милосердие. 2017. 14 марта. URL: https://www.miloserdie.ru/article/on-budet-chitat-dazhe-esli-vy-zapretite.

21

Меркоски Д. Книга 2.0. Прошлое, настоящее и будущее электронных книг глазами создателя Kindle. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

22

Меркоски Д. Книга 2.0. Прошлое, настоящее и будущее электронных книг глазами создателя Kindle.

Павперов А. Вне фокуса: как меняется чтение в цифровую эпоху // Афиша Daily. 2015. 24 сентября. URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/technology/reading-in-digital-age.

Мелконян М. Чтение на бумаге и на экране. 6 неочевидных отличий // Bookmate Journal. 2020. 6 ноября. URL: https://journal.bookmate.com/chtenie-na-bumage-i-na-ehkrane-6-neochevidnyh-otlichij.

25

Там же.

Безруких М. Материалы курса «Трудности обучения письму и чтению в начальной школе»: лекции 1–4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2009.

Безруких М. Материалы курса «Трудности обучения письму и чтению в начальной школе»: лекции 1–4. С. 34.

Григоренко Е. Дислексия // ПостНаука. 2017. 12 июля. URL: https://postnauka.ru/faq/78149.

29

Не называйте меня глупым за то что, я не умею читать // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=l_DQHGpS53k.

Русецкая М. Проблемы с чтением: что такое дислексия и почему она возникает // Мел. URL: https://mel.fm/blog/margarita-rusetskaya/65910-problemy-s-chteniyem-chto-takoye-disleksiya-i-pochemu-ona-voznikayet.

Безруких М. Дислексия: болезнь или признак гениальности? // Аргументы и факты. 2011. 15 сентября. URL: https://aif.ru/health/children/27908.

32

Там же.

Березина А. Подросток и книга. Как и для чего читают подростки? URL: https://soc.rgdb.ru/960-2020-11-03.

Чтение современного школьника: программное, свободное, проблемное: коллективная монография / под ред. Е. С. Романичевой, Е. А. Асоновой. М.: Совпадение, 2016.

35

Борусяк Л. Ф. Школьная литература: почему ее не любят школьники (по результатам исследования российских школьников и студентов) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. Т. 125. № 3–4. С. 187–196.

Проблемы преподавания литературы в школе // ПостНаука. 2014. 8 июня. URL: https://postnauka.ru/talks/29996.

Факты образования. 2019. № 2 (25).

Поливанова Е. Роль чтения в жизни ребенка // ПостНаука. 2018. 7 декабря. URL: https://postnauka.ru/video/57643.

39

Проблемы преподавания литературы в школе // ПостНаука.

Судьба выпускного сочинения: круглый стол // Учительская газета. URL: https://ruk.1sept.ru/article.php?ID=200700912.

Терешатова Е. Зачем литература в школе? // Medium. 2018. 31 января. URL: https://medium.com/direktoria-online/litra-c62c04b1ebad.

42

Материал основан на интервью Мэри Мелконян для Bookmate Journal (на момент сдачи книги в печать материал готовился к публикации), данных Лаборатории ММСО «Международный опыт преподавания словесности» (https://www.youtube.com/watch?v=ylEdt4dhC1A) и интервью, взятом у американской учительницы Шарисы Боллерс; ответы американских школьников см.: https://www.quora.com/Why-do-most-high-school-students-hate-reading.

Литературное образование: мнения участников образовательных отношений. 2020. № 1. С. 159–181.